

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловымъ.

On fait ce qu' on peut,
Et non pas ce qu' on veut.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.**  
~~~~~

.....
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1823 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ , что бы по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлень были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги , для доставленія куда слѣдуетъ , на основаніи узаконеній . С. Пешербургъ .
Марша 26 дня , 1823 года .

Цензоръ Александръ Вируковъ .

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. N° VII.

О РОМАНАХЪ.

(Разговоръ между двумя приятелями.)

А. Здравствуй! Опять за книгами!

В. Ты видишь меня съ ними также часто, какъ и я злебя безъ нихъ.

А. Однакожь прешьяго дни ошвлекъшы меня опъ самаго прятшнаго чшенія...прекраснѣйшій романъ!...

В. Но это такой вздоръ, который не споишь названія книги!

А. Вздоръ?—И ты не имѣешь ни малѣйшаго уваженія къ безмерпнымъ произведеніямъ Серванта, Ричардсона, Руссо?

В. Вѣчная имъ память! Это до нихъ не касается; и если бы всѣ писали романы шакъ, какъ они, то можно было бы назвашь ихъ книгами.

А. А изъ живыхъ писателей романовъ, кому, по вашему мнѣнію, можно пропѣшь многолѣшіе?

В. Вопросъ, который рѣшить довольно трудно, по крайней мѣрѣ для меня. Я такъ мало читалъ романовъ, что не берусь сортировать ихъ сочинителей. Къ помужь молодому человѣку, кромѣ романовъ, довольно занятій.

А. На все есть время: не должно пренебрегать полезнымъ; но для чего же оставлять и приятное.

В. Хорошо, еслибы всѣ такъ думали! Да и ты самъ, если бы думалъ напередъ о занятіяхъ полезныхъ, то увѣряю, что очень, очень мало, а можешь быть и совсемъ, не оставалось бы у тебя времени для чтенія романовъ.

А. Почему же?—Какъ будто весь день должно искать *x* и *y*, разлагать воздухъ и воду, сравнивать Грецію съ Римомъ?—Слуга покорный!— Я хочу умствовать, но еще болѣе чувствовать. Человѣкъ, который занимается одною только ученостію, по моему мнѣнію, споль же мало наслаждается жизнію, какъ и щось, который никогда не разсуждаетъ.

В. Все это конечно справедливо, и никакъ съ тобой не спорить. Знаю, что позволишельно героямъ, пожиная лавры,

рвашь иногда и миршы; а мудрымъ созерцаателямъ неба наблюдашь Дѣву не въ одномъ только Зодіакѣ, но и на землѣ, въ кругу себѣ подобныхъ. — Я хочу только сказать, что именно для романовъ у тебя не можешь доставать времени; что ихъ только молодому человѣку читаешь нѣкогда.

А. Не правда...

В. Я докажу тебѣ это. Во первыхъ: романы изъ всѣхъ приятныхъ занятій, менѣе доставляютъ человѣку истиннаго удовольствія. Повторяю еще разъ, что въ число ихъ не включаю я *Графа Вальмонта, Памелу* и имъ подобныхъ. — Я разумѣю только тѣ, которые, кромѣ одной романической завязки и простаго, едва сноснаго разказа, ничего въ себѣ не заключають; которые не даютъ никакой пищи для ума и сердца, хотя и многимъ нравятся. Согласись, что читая ихъ, ты, подобно каршежному игроку, забываешь все, не чувствуешь гдѣ ты и что ты; съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидаешь развязки, какъ шопъ выигрыша своей карты. — И еслибъ случилось, что въ самое то время, ког-

да герой швоей повѣсти блуждаешъ въ подземельѣ, подлѣ себя живой человекъ, умирая шребовалъ спасенія...едва ли бы ты услышалъ вопль его и пронулоя его положеніемъ.—По крайней мѣрѣ не охотно, не съ сердечнымъ расположеніемъ оказалъ бы ему помощь.

А. Можешъ бышь; но и самое это не доказывашъ ли, что романъ прекрасенъ, и что чтеніе его для меня приятно? —

В. Совсемъ нѣтъ! оно только заманчиво, оно удовлетворяешъ швое любопытство. Ты находишь шущъ шакое же удовольствіе, какое имѣешъ пошъ, кошорый вошелъ въ комнату пустаго дома, любопытшвуешъ войши въ другую, въ третью, и шакимъ образомъ обойши все зданіе, кошорое впрочемъ, весьма обыкновенно. Какъ же можно сравнить это сухое, шакъ сказать, удовольствіе съ какимъ нибудь сердечнымъ?—Не лучше ли вмѣсто *Удольфскихъ тайнствъ* прочешъ какое нибудь высокое прозаическое швореніе, или прекрасные, исполненные чувствъ стихи?

А. Я не люблю стиховъ.

В. Очень хорошо—такъ можешь заниматься музыкою, рисованьемъ, или какимъ нибудь другимъ изящнымъ искусствомъ.

А. Я пробовалъ многія; но кажешся ни къ одному изъ нихъ не имѣю способности.

В. Не можешь быть. Спрашъ къ романамъ отвлекаешь себя. Запикни только уши, чѣмъ не слышаешь *полночныхъ колоколовъ, наигрывающихъ колокольчиковъ*, и увѣряю тебя, что гармонія музыки, или стиховъ, мало по малу обворожитъ слухъ пивой, и ты найдешь въ нихъ такое удовольствіе, какое ни одна еще романическая завязка тебѣ не доставляла.

А. Можешь быть. Но прежде, нежели буду чувствовашъ это удовольствіе, сколько я долженъ принуждать себя, что бы достигнуть до него! Играю на скрипкѣ весело, но учись на ней—право—скучно!—

В. Напрощивъ! — кто рѣшительно дѣйствуешь, шопъ и въ началѣ своихъ предпріятій находишь для себя удовольствія.—Одинъ только ребенокъ можешь

скучашь въ такомъ случаѣ, попому что младенческой умъ его не постигаетъ того сокровища, которое начинаешь онъ приобреташь.—Но человѣку съ разсудкомъ, съ характеромъ, чѣмъ болѣе предстоишь затрудненій, тѣмъ приятнѣе преодолевать ихъ. И когда, послѣ всѣхъ препяшсвій и шрудовъ, достигнешь онъ наконецъ своей цѣли, шю какой обильный источникъ удовольствій потечешь въ его сердце! — Скука, мой другъ, разнакомилсъ съ шобою совершенно, между тѣмъ какъ теперь посѣщаешь она шебя всякой разъ, когда не читаешь шы своихъ любезныхъ романовъ.

А. Но развѣ стихи всегда у меня бышь могушь, когда я шолько свободень опъ моихъ занятій?

В. Это и не нужно. Если шы ихъ полюбишь, шю прекрасныя оды Ломоносова и Державина, величественныя монологи Озерова, забавныя басни Дмитриева и Крылова шакже ясно будушь существовать въ швоей памяти какъ и на бумагѣ; шы не соскучишьсъ читашь ихъ шю разъ на день—и всегда съ болѣ-

шимъ удовольствіемъ. Пришомъ, ежели ты хощя слабые имѣешь дарованія къ Поэзіи, то и негладкой куплешь собственнаго произведенія удобно разгонишь свою скуку.

А. И наведешь ее на другихъ.

В. Но ты этого не замѣшишь! Я приведу пожалуй множество примѣровъ, у насъ есть такіе Поэты.

А. Однако я бы не хощѣлъ бытъ на ихъ мѣстѣ. —

В. Это въ твоей волѣ! Если ты столько разуменъ, что самъ спашешь замѣчать ошибки въ твоихъ твореніяхъ, то не скучая другимъ, самъ все таки не лишишься удовольствія читать ихъ про себя. Для себя они будутъ всегда драгоценны.

А. Но бытъ худымъ стихотворцемъ обидно!

В. Ссылаюсь на самихъ стихотворцевъ—спроси изъ нихъ кого хочешь: досаждутъ ли они на то, что не родились Жуковскими, Башюшковыми?... Многие едва ли не скажутъ тебѣ въ глаза, что они ихъ превосходятъ; даже благоуразумнѣйшіе изъ нихъ думаютъ о себѣ бо-

лѣе, нежели они въ самомъ дѣлѣ, и швердо надѣюся со временемъ сравняшься по крайней мѣрѣ съ Гомерами!— Да развѣ несчастливъ креспьянинъ опъ того, что онъ живеть въ маленькой хижинѣ, а не въ каменныхъ палапахъ! Развѣ для опца можеть бытъ пропи- вень родной сынъ его пошому шолько, что онъ не такъ прекрасень, какъ сынъ его сосѣда?

А. Однакожь безъ сомнѣнiя такiя опцы завидующъ.....

В. А! это другой порокъ! Я не говорю шебѣ, что бы Поэзiя, живопись могли осчаспливишь челоѡка, одержимаго насильспвенными спрасшями; шакому и романы не полѣзунъ въ голову!

А. Очень хорошо! согласень, что Поэзiя можеть веселишь своихъ любишелей; но другiя искушва всегда ли шакке приапны?

В. Всегда — если шолько шы опашъ не болѣнь Ипохондрiей. Я разумѣю челоѡка въ обыкновенномъ сосшоянiи, чуждаго сильныхъ спрасшей и болѣзней. Положимъ, что шы любишель музыки, что шы живеть въ деревнѣ, и что у

тебя нѣшь даже балалайки; но способ-
ность и спросъ швоя къ музыкѣ всег-
да сославипь концертъ въ швоемъ во-
ображеніи. Ты будешь распѣвать, на-
свисывавать и—восхищавать...—Однимъ
словомъ, удовольствія опъ романовъ, не
могутъ имѣть никакого сравненія съ
удовольствіями, происпекающими опъ
изящныхъ искусствъ. Послѣднія только
могутъ развеселить въ печали, разсѣ-
ять скуку и удалить вредную празд-
ность!

А. Однакожь есть и шакіе романы,
которые спюютъ того, что бы читавать
ихъ не одинъ разъ.

В. Согласенъ, но много ли ихъ?

А. И не мало! Я шевъ пересчитаю
шеперь же до десяти авторовъ, изъ ко-
торыхъ каждый написалъ нѣсколько со-
чиненій въ семь родъ. Вопервыхъ : доб-
родѣпельный философъ, который вѣрно
не рѣшился бы занимавать романами,
еслибы они были вредны для молодыхъ
людей; онъ шакъ прекрасно написалъ о
ихъ воспитаніи.

В. Онъ мечшалъ—его *Эмиль* — при-
знано всѣми—могъ существовать шоль-
ко въ воображеніи.

А. Но также признано всѣми, что *Новая Элоиза* превосходный романъ!

В. Далѣе!

А. Не буду говорить о тѣхъ писателяхъ, о которыхъ мы уже согласились съ собою.—Кромѣ ихъ можно привести въ примѣръ: Мейснера, Жанлисъ, Лафоншена, Фильдинга, Вильдербека, Крамера.....

В. Довольно! вижу теперь и свой вкусъ! — Ты мнѣ наименовалъ такихъ авторовъ, которые между собою, по своимъ сочиненіямъ, никакого сходства не имѣютъ, и я увѣренъ, что нѣкоторые изъ нихъ точно тебѣ нравятся, а другіе извѣстны только понаслышкѣ. Читалъ ли ты Фильдинга?

А. Нѣтъ.

В. А Мейснера, Вильдербека, Крамера....?

А. Читалъ.

В. Что же нашелъ ты въ нихъ хорошаго?

А. Очень многое. Напримѣръ: прекрасный разговоръ Алкивиада съ Сократомъ, ужасное изображеніе смерти Біанки Капелло и ея супруга, описанки

характера Кардинала и многія другія мѣста занимали меня въ швореніяхъ Мейснера. Вильдербекъ нравился мнѣ своею естественною Философією, онъ прекрасно изображаетъ сцены и плѣняетъ меня своимъ остроуміемъ, легкимъ, непринужденнымъ слогомъ.— Въ послѣднемъ не уступаетъ ему и Крамеръ; сверхъ того опличается онъ своими масперскими описаніями придворной жизни. Цѣль его романовъ нѣкопорымъ образомъ можетъ равняться съ цѣлю *Телемака* и *Кадма*.

В. Но признайся, опкровенно; не правда ли, что разговоры Алкивіада съ его наславникомъ не сколько занимали тебя, сколько сцены этого молодого Грека съ Гликерією, или Тимандрою?— Вильдербекъ любезенъ тебѣ не потому, что масперски описываетъ сцены; но потому, что умѣетъ разгорячать воображеніе. Я твердо увѣренъ, что ты восхищаешься первымъ разговоромъ *Алберта* съ *Ангеликою*; тебѣ чрезвычайно нравился пупешествіе *Изопа* за *Тацитомъ* и положеніе *Эразма* подъ софою . . . и вошь благородная цѣль невинныхъ,

полезныхъ удовольствій!—Уже ли должно вкушать ядъ пошому только, что онъ сладокъ? и читаешь не одинъ разъ такіе романы, въ которыхъ нравственности—въ маскѣ, а благоприспособленность—подъ покрываломъ? — Ипакъ выключимъ изъ числа совершенныхъ романовъ такіе, которые опасно развернуть въ присутствіи нѣкоторыхъ; выключимъ такіе, въ которыхъ голая, хотя мудрая философія, увеличиваетъ сомнѣніе въ четверо; такіе, въ которыхъ чернятъ замки, гремятъ подземельные мосты, блуждаютъ пѣни и дѣлаютъ добро разбойники; наконецъ такіе, въ которыхъ между прочимъ ученый авторъ преподаешь Зоологію, или Ботанику цѣлыми главами!—Много ли останется?

А. Прекрасное всегда рѣдко: за то чемъ оно обыкновеннѣе, темъ болѣе заслуживаетъ наше вниманіе.

В. Твое вниманіе не должно обращаться и на лучшіе романы. — Этого рода сочиненій совершенно не годится для молодаго человѣка.

А. Боже мой! какъ строго! — ты поступаешь со мною какъ съ пьяницей,

копорому, что бы опучишь опъ водки, не даюшь и мадеры!

В. Нѣшь, еслибъ ты и не имѣлъ спра-спи къ романамъ, по я говорилъ бы пакже. Потому, еще разъ повпоряю, что молодому человеку и безъ романовъ есть довольно дѣла, и потому, что сочиненія шакого рода всегда бываюшь обширны и по своей заманчивоспи оп-влекаюшь опъ нужнѣйшихъ занятій. Не правда ли, что ты нерѣдко располага-ясь чишаешь романъ одинъ часъ, зачи-шываешься до того, что не видишь какъ пройдетъ цѣлый день? — и эшопъ день уже ли не поперянь?

А. Конечно нѣшь! — Развѣ въ прекра-сномъ романѣ ничего нельзя найти по-лезнаго? Уже ли ты полагаешь, что шо время пощерино, въ которое живо предспавляю я себѣ благородные по-ступки *Малекъ Аделя*, восхищаюсь вели-кодушіемъ *Монтъ-Моранжи*, и удивляясь ихъ доблесшямъ, вкореняю въ сердцѣ своемъ любовь къ добродѣтели, любовь ко всему великому! — Повѣрь мнѣ, лю-безный ненависшникъ романовъ, что легчайшее и вмѣстѣ приашиѣшее сред-

ство для молодого человека образоваться себя—есть романы.—Ежели онъ хочетъ быть вѣрнымъ другомъ, то пусть учится быть такимъ у *Лары* (1) и *Оливьера* (2); ежели спрассная любовь закралась въ сердце его, то пусть питаешь ее, такъ какъ питалъ Князь Д*** къ своей Маріи (3); ежели судьба опредѣлила ему бороться съ предрасудками, пусть подражаетъ крошкочу *Гутаву* (4), у котораго отецъ любилъ порядокъ и—надобно прибавишь—свою волю!

В. Хорошо! Ты найдешь это въ лучшихъ романахъ; но между темъ время все пошеряно; ибо и эта пошеря, когда вмѣсто того, что тебѣ *надобно* дѣлать, ты дѣлаешь то, что тебѣ *хочется*. Малекъ - Адель, любя Машильду, забывалъ свою должность—и дѣлалъ худо; а ты любя—что же? романы—презираешь свои обязанности, и дѣлаешь, конечно еще хуже.

(1) Гонзальвъ Кордуанскій.

(2) Рыцари Лебедя.

(3) Князь Д*** и Княжна М***.

(4) Романъ Авг. Лафоншена.

А. Но романы не отвлекутъ меня отъ моихъ обязанностей.

В. Не правда! ты забылъ, что я заставлялъ тебя нѣсколько разъ бросать ужасныя, необыкновенныя, трезвыгайныя приключенія и занимаешься полезнымъ, обыкновеннымъ и необходимымъ?—Но что говоришь о тебѣ, обитающемъ въ развалинахъ и подземельяхъ! Я самъ читалъ иногда романы, и не будучи страшнымъ охотникомъ, зачитывался до того, что просиживалъ дни и не спалъ ночи! —

А. Ипакъ это изящное произведеніе ума человѣческаго, должно валяться въ пыли, или употребляться на обершку?

В. Почему же? — Кромѣ насъ, есть еще люди на свѣшѣ. По моему мнѣнію, лучшіе романы должны читать женщины и старики. Женщины, имѣя болѣе насъ свободнаго времени и менѣе занимаясь науками, могутъ почерпнуть изъ нихъ нравственность и познанія. Старики же, читая ихъ, могутъ съ приятностію воспоминашь свою молодость, и не имѣя нужды при концѣ жизни обогащать свой слабѣющій разумъ, пустьъ

занимающаюся легкою, романическою философією. — Даже не худо, еслибъ они получили привычку къ романамъ, потому что эта привычка, не причиняя имъ вреда, отвлекла бы ихъ отъ другихъ спрассей или порочныхъ, или вредныхъ. Но намъ, молодымъ людямъ, имѣющимъ нужду знакомишься съ науками гораздо болѣе, во все нехсташи учишься у какихъ нибудь Дюкре-Дюминилей, и чрезъ романы вкореняешь въ сердцахъ своихъ любовь къ добродѣтели, любовь ко всему великому! Да и зачемъ подражаешь героямъ романовъ, когда мы имѣемъ героевъ Исторіи? — Зачемъ учишься крошости у Лафонтена, когда насъ въ сей добродѣтели Христосъ Спаситель міра? . . . Читалъ ли ты? . . . Но нечего и спрашивать: по глазамъ твоимъ вижу, что ты никогда и не развертывалъ Библію. Загляни въ нее, другъ мой! обрати вниманіе на Божественное ученіе Иисуса, которое уважають и самые вольнодумцы — и тогда, повѣрь мнѣ, что надолго, очень надолго выкинешь изъ головы ужасныя, необыкновенныя и трезвыгайныя приключенія.

РАЗЛУКА СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Элегія.

Источникъ радостей и милыхъ наслаж-
 деній,
 Святое Дружество! прелестная Любовь!
 Я вами лишь дышалъ, вашъ благошворный
 геній
 Знакомилъ и меня съ нарѣчіемъ боговъ:
 И я Поэзіи священной
 Въ дни счастья чувствовалъ неизъяснимый
 жаръ,
 И я, любовію и дружбой упоенный,
 Пѣлъ дружбу и любовь — и приносилъ имъ
 въ даръ
 Воспорженной души и сердца изліянье;
 Теперь, уввы! прошло мое очарованье
 И вдохновенья огонь безвременно погасъ;
 Я радостью забылъ и удаленъ опъ васъ,
 О милые друзья! но не забуду вѣчно
 Тѣхъ сладосныхъ минушь, шѣхъ драгоцѣн-
 ныхъ дней,
 Когда умѣли вы приязнію сердечной
 Мечшы съ надеждами сливашъ въ душѣ моей.
 Бывало, помните: какъ, окруженный вами,
 Для васъ я новый міръ, міръ лучшей рисо-
 валь
 И, окрыляемый волшебными мечшми,
 Воздушны замки созидаль,

Въ копорыхъ рѣзвая Форшуна отдыхала,
 Обиліе лилось рѣкой,
 И радость розами пущь жизни усыпала,
 Мы были счастливы и сердцемъ и душой:
 Любовь и дружество союзъ свой укрѣпляли,
 Котораго ни Рокъ зависливой рукой,
 Ни хитрость, ни вражда распоргнуть не-
 дерзали;
 Но, упомянные роскошною мечшой,
 Мы въ обласць новую фанпазіей преселялись,
 Оспая замковъ блескъ и пышность для
 другихъ,
 Умѣренностию безпечной наслаждались
 Въ кругу сѣмейственномъ средь милыхъ намъ
 родныхъ.
 Какою сладкою надеждою я льстился!
 Въ спранѣ, гдѣ ваша жизнь незыблемо ше-
 чешь,
 Я мнилъ бышь счастливымъ; но съ вами
 разлучился—
 И счастье ушекло—ни въ чемъ отрады нѣшь,
 Ничто не льстишь меня, ничто не восхи-
 щаетъ:
 Мертва природа вся — нѣшь прежнихъ
 чувствъ во мнѣ,
 Бесѣда съ Музами души не услаждаетъ,
 Я мраченъ въ обществѣ, грущу наединѣ,
 Горю желаніемъ и—не могу укрыться
 Отъ горести моей
 Она, какъ люцый змѣй, въ душѣ моей гнѣз-
 дился

И всюду неразлучна съ ней:

Пойду ли въ храмъ забавъ, гдѣ все въ жи-
вомъ волненьи,

Гдѣ чувства юности въ приятномъ упоеньи,
Гдѣ незнакома грусть — и шамъ съ моей
поской

Сижу уединень, какъ призракъ гробовой.

Пойдуль на званый пиръ — и шупъ она со
мною —

И я съ незваною скорѣй назадъ бреду:

Кто мнѣ поручится, что я своей тоскою

И на пирующихъ тоски не наведу?

О для чего, друзья! я не могу бышь съ вами?

Я васъ бы никогда собой не шягошилъ,

Живя среди друзей, ласкаемый друзьями,

Я всѣ бы горести минувшія забылъ;

Но нѣшь, мнѣ не найти желаннаго покоя

И призраки упѣхъ далеки опъ меня,

Я вяну какъ цвѣпокъ опъ солнечнаго зноя;

Любовь шомишь меня, люблю, умру любя.

Пускай безчувственностъ смѣется надо мною

И произвольнымъ зломъ любовь сердце зо-
ветъ;

Но, кто рождень для чувствъ, кто пламе-
нѣль душою

И знаешь власъ любви, шопъ обо мнѣ вздох-
нешъ.

Съ душою пылкою родясь для пылкой спра-
спи

Я самой жизнию радъ жершвовашъ для ней,

Любя, я былъ любимъ, и силой грозной вла-
 спи
 Среди злыхъ надеждъ отшоргнушь отъ
 друзей.
 Мой рокъ неумолимъ—коварство, месть и
 злоба,
 Какъ туча мрачная, преслѣдуюшь меня;
 Я не увижу васъ, о милые друзья!
 И скоро—горька мысль—добычей буду гроба!

Таганрогъ 1812.

Ө. Рыскій.

~~~~~

## ПОДОЗРѢНІЕ.

*Повѣсть Г. Булки.*

Ничто не поражаетъ такъ сильно и не разрушаетъ очарованій нашей жизни, какъ первое подозрѣніе, раждающееся въ насъ къ предмету всей нашей нѣжности. Тогда исчезаетъ вся прелесть взаимной, сердечной довѣренности и душа дѣлается нечувствительною ко всякому наслажденію, ко всѣмъ удовольствіямъ. Когда же къ ежеминутнымъ нашимъ спраданіямъ присоединится еще гордость, происходящая отъ неукоризненности нашихъ поступковъ

и внушренняго уваженія къ самимъ себѣ: шо болѣзнь эша увеличиваешся, сердце раздираешся и разумокъ приходить въ заблужденіе. Женщины, эши слабыя существа, одаренныя опъ природы живымъ, пылкимъ воображеніемъ, подвержены болѣе, нежели мужчины, шакому несчастію. Всегда думающъ онъ, что другія завидуютъ ихъ участи, превозносятся ежеминутно, даже безъ всякой на шо причины. Не полагаясь на доказанную уже имъ многими опытами вѣрность, подозрѣваютъ въ измѣнѣ и мучатъ себя однѣми пусшыми мечтами воображенія. Подъ видомъ наружнаго спокойствія скрываютъ въ сердцѣ своемъ ужасныя перзанія. Приятною улыбкою оспанавливаютъ негодование, гошное вылетѣтъ изъ прекрасныхъ устъ ихъ, и наконецъ перяютъ не шолько разумокъ, но и самое здоровье, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ свои прелести.

Каролина Дарминьи была сирота. Предки ея прославились въ морской службѣ. Она вышла за мужъ за Лейптенанта Леона де Сенфара, шоль же опдичнаго по своимъ душевнымъ, сколько

и по наружнымъ качествамъ. Онъ былъ высокъ и сложенъ собою, имѣлъ самый благородный видъ, лице выразительное нѣжный и пламенный взглядъ, приятный голосъ, который плѣняя слухъ, достигалъ всегда до сердца. Сенфаръ былъ веселъ безъ принужденія, откровененъ безъ прихвораства; имѣлъ образованный умъ и зналъ свѣсть. Каролина опличила его отъ всѣхъ своихъ искашелей, привлеченныхъ къ ней во множествѣ ея красошою, знашнымъ родомъ, а болѣе всего ея богатствомъ.

Леонъ, котораго родителю во время политическихъ смятеній лишились всего своего имѣнія, не смѣлъ проспираться видовъ своихъ на богатую наследницу фамилии Дарминьи; но встрѣчаясь весьма часто съ нею во всѣхъ лучшихъ обществвахъ, сверхъ чаянія своего снискалъ къ себѣ любовь Каролины и съ ея рукою получилъ богатое соспоянiе. Ежечасно доказывалъ онъ ей свою признашельность и доставляя всевозможныя удовольствiя, старался, такъ сказашь, окружить ея темъ благополучiемъ, котораго была она споль достойна. Домъ



ихъ сдѣлался собраніемъ всего того, что только Парижъ вмѣщаль въ себѣ отличнаго по уму, по знаменности рода и дарованіямъ. Всякой искалъ случая бытъ приняту въ домѣ Гжи де Сенфаръ, кою похорою превосходный вкусъ, любовь ко всему изящному и очаровательная любезность увеличивали блескъ ея пышности.

Первые три мѣсяца ея замужства были цѣлью непрерывныхъ удовольствій, очарованій. Леонъ, казалось, усугублялъ свои старанія и испощалъ весь умъ, чтобы угождать Каролинѣ и доставлять ей ежедневно новыя забавы. Балы, концерты, сельскіе праздники, сюрпризы всякаго рода — ничто не было имъ забыто. Но многочисленныя собранія, гдѣ являлась она во всемъ блескѣ красоты своей и проводила иногда цѣлыя ночи; большіе обѣды, на которые были они каждый день приглашаемы; однимъ словомъ: модныя, суебныя и упомишельныя увеселенія, сокращающія истинное семейственное счастье, разстроили наконецъ здоровье молодой Гжи де Сенфаръ. Грудная простуда привела ее къ

дверямъ гроба и менѣе, чемъ въ восемь дней, всѣ силы ея совершенно испощились. Въ беспамятствѣ не узнавала она даже голоса Леона и была нечувствительна ко всѣмъ попеченіямъ, копорыя оказывалъ онъ ей денно и ночно. Ни на минуточку не оставлялъ онъ ея комнаты; видѣлъ какъ болѣзнь ея часъ отъ часу увеличивалась; не спалъ ночи и наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ докторскихъ приказаній. Когда больная, послѣ ужаснаго бреда, приходила на минуточку въ память—то всегда встрѣчала взоры своего Леона и чувствовала, какъ онъ согрѣвалъ въ своихъ рукахъ оледѣншія ея руки, прижимая ихъ къ своему сердцу... и легкая улыбка благодарности и любви появлялась на помершвѣлыхъ устахъ ея—слабый румянецъ одушевлялъ лице, покрытое смертельной блѣдностью.

Наконецъ наступилъ переломъ болѣзни. Онъ былъ гораздо мучительнѣе и сильнѣе всѣхъ прежнихъ ея припадковъ и повергъ больную въ ужасное расслабленіе. Докторъ счелъ обязанностію предваришь Леона, что всѣ пособія и-

искусства уже бесполезны, и что развѣ одна только молодость и природа могутъ спасти Гжу де Сенфаръ. Выходя же изъ комнашы, объявилъ домашнимъ, что больная не доживетъ, по его мнѣнію, до утра, и совѣщавалъ имъ удалить мужа ея опъ столь печальнаго зрѣлища.

Сенфаръ никакъ не кошѣлъ отойши опъ жены своей. — “Никому, говорилъ онъ: не повѣрю моей Каролины. Я испоргъ изъ груди ея первый вздохъ; я же приму и послѣдній., — Совершенная безчувственностъ Каролины и ужасные припадки, обезобразивъ чершы лица ея, заставили думать Сенфара, что она скоро уже испустишь послѣднее дыханіе. Онъ выслалъ изъ ея комнашы всѣхъ находившихся при ней, заперъ двери и оставшись одинъ съ Каролиною, устремилъ на нее глаза свои, и прижимая къ груди своей почти охладѣвшее шѣло ея, дошовъ былъ для сохраненія ея жизни пожертвованъю собственною своею. Приложивъ губы свои къ полуотверзстымъ устамъ ея, впивалъ, казалось, въ себя послѣднее испускаемое ею дыханіе; призывалъ на помощь Всемогущее

Провидѣніе, умоляль его о спасеніи отъ преждевременной смерши того юнаго и прелестнаго созданія, которое едва полько насладилоь минушнымъ' счастьемъ и которому не успѣль онъ еще заплашишь всего своего долга.—Засимъ горячія слезы ручьями полились изъ глазъ его и оросили лице Каролины... Вдругъ больная — отъ выразительнаго ли голоса Леона, опозвавшагося въ бѣющемъ едва сердцѣ ея, или отъ шеплыхъ, усердныхъ молишвъ лучшаго изъ супруговъ, нѣжнѣйшаго изъ любовниковъ - молишвъ, дошедшихъ безъ сумнѣнія до Небесъ — начала двигашься. Глаза ея открылись и нѣжный румянецъ засшупилъ мѣсто смершельной блѣдности. Сенфару кажешься, что рука ея пожимаешъ его руку и наконецъ онъ слышишь: *“Леонъ, любезный Леонъ! будемъ неразлучны!”* — “Такъ, вскричалъ онъ въ восторгѣ радости, прижимая снова ее къ груди своей и согрѣвая своимъ дыханіемъ: шакъ, моя Каролина, никогда и ничшо не разлучишь насъ. Ахъ! живи, мой другъ, для любви, живи для украшенія моей жизни, которая безъ швоей была бы

ужаснѣйшимъ для меня мученіемъ., — Докпоръ, вошедшій въ эту самую минушу, объявилъ, что переломъ болѣзни возымѣлъ уже свое дѣйствіе и что больная спасена. И въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько минушъ послѣ эшого, пришла она въ себя, взглянула на Сенфара и съ очаровательною улыбкою явственнѣе прежняго повторила: *Леонъ, любезный Леонъ! ... будемъ неразлучны!*

Нѣжныя и непрерывныя попеченія Леона ускорили выздоровленіе Каролины. Сенфаръ, желая освободить супругу свою отъ многочисленныхъ и утомительныхъ посѣщеній, возбранилъ всякой къ ней досщупъ; а что бы она не соскучилась въ уединеніи, то не отходилъ отъ нее ни на минушу — занималъ ее чтеніемъ книгъ забавныхъ, музыкою — и вскорѣ сама она была уже въ состояніи ему аккомпанировать. Силы больной съ каждымъ днемъ укрѣплялись, и наконецъ она, сдѣлавъ первые необходимыя визиты, начала понемногу приниматьъ къ себѣ только тѣхъ, копорые были съ ней весьма близки по связямъ родства и дружбы, и копорыя изъясля-

ли большое участие въ опасности ей угрожавшей. Леонъ, сдѣлавшись осторожнѣе и гораздо нѣжнѣе прежняго, уговаривалъ Каролину сократить свои выѣзды, опказаться опъ всѣхъ баловъ въ теченіи оспальнаго зимняго времени и болѣе всего не засиживаться долго по ночамъ. — “Длячего, говорилъ онъ: мучишь себя и гоняешься за счастьемъ тогда, когда находимъ его дома. Да и какая женщина въ глазахъ моихъ можешь быть прелестнѣе милой моей Каролины?,,—И какой мужчина, говорила она, можешь соединять въ себѣ отличныя качества моего Сенфара! Ахъ! шеперь только благословляю я мой выборъ и считаю себя счастливою, что принадлежу тебѣ. Твои теплыя молитвы, прогашельные звуки своего голоса пробудили меня опъ смертнаго сна; я обязана тебѣ жизнью, и ничего уже болѣе недоспаетъ къ совершенному моему благополучію. — “Ахъ! мидая Каролина, если когда нибудь и я буду въ такой же, какъ ты, опасности, то никому кромѣ тебѣ одной, не хочу быть обязанъ своимъ спасеніемъ. Что бы

возвратишь мнѣ жизнь, стоишь будешь  
 тебѣ только произнести незабвенныя  
 для меня слова: *Леонъ, любезный Леонъ!*  
*будемъ неразлучны!,,*

Въ подобныхъ разговорахъ и излія-  
 ніяхъ сердечныхъ чувствованій счастли-  
 вые наши супруги проводили все то  
 время, которое могли удѣлять себѣ отъ  
 обязанностей, сопряженныхъ съ боль-  
 шимъ свѣтомъ. Они удостовѣрились на  
 опытъ, что ни забавы, ни преимуще-  
 ствъ, доставляемые намъ въ общест-  
 вахъ богатствомъ, ни блестящіе празд-  
 ники, ни всевозможныя увеселенія не  
 могутъ сравниться съ симъ восхити-  
 тельнымъ согласіемъ двухъ сердецъ, пы-  
 лающихъ другъ другомъ, съ сею взаимною  
 опкровенностію нашихъ мыслей, намѣ-  
 реній и чувствованій. Счастливая эпоха  
 жизни! Новый золотой вѣкъ, замѣняющій  
 на землѣ рай! Счастливые первые дни Ги-  
 менея! Вы представляете намъ все въ  
 видѣ приятномъ, веселомъ и озаряете  
 насъ самыми благошворными лучами.  
 Ахъ! для чего не вѣчно вы продолжае-  
 шесь? Для чего одно ничтожное облако  
 можешь помрачить горизонтъ вашъ, за-

ставились бушевать вѣтры и свирѣпство-  
вать бурю?

При наступленіи весны Сенфаръ долженъ былъ явиться въ Тулонъ на свой корабль. Онъ оставилъ въ совершеномъ здоровьѣ Каролину, которая хотя и не испытала еще горести разлуки, но не могла однако же перенести ее равнодушно. Въ отсутствіе своего мужа Каролина, желая избѣжать опасностей, коимъ могла бы подвергнуться въ Парижѣ по своей молодости, красотѣ и богатству, сдѣлала для себя новый планъ жизни и въ почтоспи съ нимъ согласовалась. Недалеко отъ Парижа имѣла она прелестное помѣстье, гдѣ и провела все время разлуки своей съ Сенфаромъ. Книги, арфа и рисованіе услаждали ей всѣ минушы, свободныя отъ хозяйства и отъ благошвореній, совершаемыхъ ею вшайнѣ. Постоянная переписка съ милымъ супругомъ пишала ей душу и воображеніе — шесть мѣсяцевъ разлуки пролетѣли гораздо скорѣе, нежели она того ожидала. Это ясно уже доказываетъ, что любовь пишается мечтами и надеждою. Одинъ изъ зна-



менишѣйшихъ живописцевъ природы, говоря о двухъ разлученныхъ любовникахъ, сказала: *какъ только кто нибудь изъ нихъ остается одинъ, то уже и оба вмѣстѣ* \*).

Сенфаръ, объѣхавъ полуденные берега Франціи и опличась въ одной экспедиціи близь острова Кипра, въ концѣ уже осени возвратился въ Парижъ. За день до его прибытія Каролина со всѣми своими домашними переѣхала въ столицу — и при видѣ его забыла всѣ прешерпѣнныя ею горести во время его опсушшвія. Находясь подъ защитою своего супруга, не только что возобновила она въ домѣ своемъ прежнія блестящія собранія, но и сама появилась въ свѣтѣ, не подвергая однако же себя болѣе ни чрезмѣрной усталости, ни ночнымъ выѣздамъ, столь гибельнымъ для здоровья. Одинъ разъ въ недѣлю съѣзжались къ нимъ люди опличные и женщины достойнѣйшія. Сенфаръ, добродушный ошъ природы и го-

---

\*) *Sitôt qu'un de deux est seul, á l'instant tous deux sont ensemble.*

повый угождашь всякому, бывъ въ про-  
долженіи семи, или осьми мѣсяцевъ ли-  
шенъ сообщенія съ прелестнымъ и  
любимымъ имъ поломъ, оказывалъ осо-  
бенную услужливостъ всѣмъ дамамъ,  
посѣщавшимъ ихъ домъ. Онъ былъ уже  
слишкомъ предупредителенъ. Но такое  
обхожденіе его нимало не превозжило  
Каролину попому, что онъ, по возвра-  
щеніи своемъ, былъ къ ней гораздо еще  
нѣжнѣе прежняго. Припомъ же она бы-  
ла такъ увѣрена въ чувствахъ его серд-  
ца, что ни малѣйшее даже подозрѣніе  
не приходило ей на умъ. Но между жен-  
щинами, посѣщавшими ее, были такія,  
которыя не пославили бы себѣ за грѣхъ  
привлечь на себя вниманіе чловѣка  
споль опличнаго, каковъ былъ Сенфара;  
были даже и такія, которыя, можешь  
бышь вмѣнили бы себѣ въ особенную  
славу поколебать Сенфара въ супру-  
жеской вѣрности, для того только,  
что жена его чрезмѣрно уже ею горди-  
лась, и припомъ всѣ утверждали, что  
со временемъ наскучишь она Леону.  
Вошь ошъ чего произошли тысячи  
умильныхъ взглядовъ, непресщанно пре-

рывающіеся вздохи, припворныя разсѣянности, сеншименпальныя задумчивости: однимъ словомъ, всѣ пружины кокетства и самаго утонченнаго обольщенія были въ дѣйствіи и всѣ обращены на Сенфара, который вмѣстѣ со своею любезною Каролиною часно забавлялся ими. Хотя сердце ея и совершенно было спокойно; но она переспала однакожь, не зная и сама ошъ чего, посѣщать общества съ прежнимъ удовольствіемъ; присматривала за своимъ мужемъ, который безъ всякаго намѣренія, по одной лишь шолько склонности къ увеселеніямъ, предавался вихрю разсѣяній большаго свѣта, гдѣ и самыя опытнѣйшіе мореходцы не всегда могутъ дать хорошее направленіе своему компасу и избѣгнуть опасностей, часно вовсе непредвидимыхъ.

Сенфаръ былъ спрашный и весьма искусный игрокъ въ жедепомъ (jeu de raume). Черезъ нѣсколько дней по своемъ возвращеніи соспавилъ онъ для сей игры довольно большое общество изъ морскихъ Офицеровъ. Они пригласили многихъ дамъ украситъ своимъ

присущствіемъ шоржештвенное ихъ собраніе, въ кошоромъ каждый изъ нихъ долженъ былъ явить опыты своей ловкости и искусства. Собраніе было многочисленно, а заклады необыкновенны. Сенфаръ, оплывавшійся всегда въ споль полезномъ для здоровья упражненіи, приапностію своей осанки и удивительною ловкостію превзошелъ въ эшошъ разъ самаго себя. Ободренный рукоплесканіями зрительей, а болѣе всего шемъ нѣжнымъ участіемъ, кошорое принимала въ успѣхахъ его Каролина, окруженная подобными ей красавицами, похвалы коихъ эшоль леспны для каждаго героя \*), Леонъ, разгорячась и досадуя на упорство своихъ проптивниковъ, сбросилъ съ себя бѣлую канифасную куршочку и засучивъ рукава рубашки, открылъ бывшій на рукѣ его волосяный браслетъ, кошорый шопчасъ и бросился въ глаза Каролинѣ. Мгновенно почувствовала она смертельный ознобъ: не вѣривъ глазамъ своимъ, сморивъ еще разъ и — видивъ очень явсп-

---

\*) И Поэта. Прил. Изд.

венно, что рука Леона обвиня широкимъ, изъ темнорусыхъ волосъ сплетеннымъ браслетомъ съ золотымъ и довольно богатымъ фермуаромъ, на которомъ вѣроятно была надпись.—“Опш кого бы получилъ онъ эпошъ браслетъ? сказала она сама себѣ. Я ему никогда не дарила; припомъ же я бѣлокура, а волосы на браслетѣ темные и едва ли не черные... Леонъ! Леонъ! не уже ли ты измѣнилъ мнѣ?.. Однакожь—подумала она, стараясь ободриться и скрывать волненіе души своей — онъ, по своемъ возвращеніи, какъ мнѣ кажешся; любишь меня еще болѣе прежняго и не скрываетъ ничего, что ни чувствуешь въ своемъ сердцѣ; онъ гордится даже темъ, что мнѣ, одной мнѣ обязанъ своимъ счастьемъ... но онъ такъ хорошъ собою и любезень, что всѣ его ищущъ! онъ встрѣчаешъ сполько прелесныхъ женщинъ!... Леонъ! Леонъ! не уже ли ты измѣнилъ мнѣ?,,

Въ то самое время, какъ разгорячалось такимъ образомъ ея воображеніе и послѣ озноба сильный жаръ вступилъ къ ней въ лице, Сенфаръ одержи-

ваешь побѣду, и все собраніе превозносишь его шоржесство громкими рукоплесканіями. Онъ сморришь на шу, кошорой одобреніе было для него всего дороже, и видишь ее блѣдную, дрожащую, почти лишающуюся чувствъ. — “Что сдѣлалось съ побою, милая моя Каролина?,, спросилъ онъ ее съ живѣйшимъ участіемъ.—Ничего, такъ ничего.—“Ты вся дрожишь, какъ будто чего испугалась,,—Правда, сказала Каролина, спараясь скрыть наспоющую причину своего спраданія: спрзхъ овладѣлъ мною... эшопъ...шаръ...я видѣла, какъ лепѣль онъ прямо къ тебѣ на грудь и думала что онъ убьетъ тебя.—“Добрая Каролина! какъ ты боишься за меня! О, я приучу тебя къ эшому, приучу сморрѣшь равнодушнѣе на эши мнимыя опасности. Игра въ жедепомъ подобна маленькой войнѣ, и онъ шого-шо всѣмъ намъ нравится. Но съ привычкою и проворствомъ нечего опасаться, и когда ты увидишь меня нѣсколько разъ въ карусель...,—Нѣшь! нѣшь! для меня довольно уже и перваго опыта; чувствую, что не выдержу втораго. — Говоря ша-

кимъ образомъ, пренещущая Каролина оперлась на руку Леона и съ трудомъ дошла до своей кареты. Она не могла принять участія въ великолѣпномъ завтракѣ, который послѣдовалъ за споль достопамятнымъ торжествомъ искуснѣйшихъ изо всей сполиты игроковъ въ жедепомъ, и нѣсколько дней не выходила изъ своей комнашы.

Мученіе ея было продолжительно, а горестъ чрезмѣрна. Всякой разъ, когда Леонъ изъяснялъ ей нѣжнѣйшія свои чувствованія, Каролина смогрѣла приспально ему въ глаза; когда же онъ прижималъ ее къ груди своей, по взоры ея обращались всегда на рукавъ, подъ которымъ сокрытъ былъ гибельный для нее браслетъ изъ шемнорусыхъ волосъ. Еслибъ не гордость удерживала ее, съ какимъ бы неперпнѣемъ открыла она эшошъ таинственнй талисманъ и приспыдила бы неблагодарнаго, котораго вѣроломство заставляло ее перпнѣшъ такое мученіе. Но Каролина, при всемъ своемъ подозрѣнн и сыраданн, шакъ много еще любила виновника всѣхъ ея огорченнй, что никакъ не могла рѣшнпсья

оскорбишь и пристыдишь его. Бываютъ такія несчастія, въ которыхъ и сомнѣваться ужасно, но несравненно ужаснѣе въ нихъ удосповѣришься.

Бѣдная Каролина не только, что на единѣ съ Леономъ чувствовала всю горечь своего положенія, но душевное ея беспокойство еще болѣе увеличивалось при гостяхъ, въ многочисленныхъ собраніяхъ. Въ то время, когда всякой принимала участіе въ удовольствіяхъ общества и даже самъ Сенфаръ предавался веселости и забавлялся по обыкновенію всѣми хитростями кокетства, несчастная Каролина, жалуясь на нездоровье, садилась въ уголь и съ особеннымъ любопытствомъ и душевнымъ беспокойствомъ искала глазами въ толпѣ прелесныхъ женщинъ ту, которой волосы носилъ у себя на рукѣ Сенфаръ. Что бы вѣрнѣе проникнуть споль ужасную шайну, пускалась она иногда въ панцы, вмѣшивалась въ игры съ видомъ веселости и протподушія; замѣчала всякой взглядъ, всякое движеніе, которыхъ могли бы ей подать поводъ къ открытію споль горестной и мучительной для нее шайны.



Наконецъ, ушомясь бесполезными изысканіями, оскорблявшими ея самолюбіе и унижавшими благородство души ея, рѣшилась она при первомъ удобномъ случаѣ разсмотрѣвъ шоль гибельный для нее браслель и узнать свою соперницу. Сенфаръ, проигравъ однажды цѣлое ушко въ жедепомъ, успаль; и какъ въ шоль самый день вечеромъ должно было ему съ Каролиною ѣхать на балъ, шо онъ, послѣ обѣда, удалясь въ госпиную, которой окна обращены были въ садъ, легъ на софу. Каролина между темъ, не теряя изъ виду своего намѣренія, наигривала на арфѣ самымъ нѣжнымъ, усладительнымъ шономъ одну изъ шѣхъ арій, копорыхъ гармонія усыпляетъ чувства и погружаетъ ихъ въ забвеніе. Леонъ, подъ эшою обворожительною мелодіею, вскорѣ заснулъ. Онъ былъ въ легкой ушренной одеждѣ; голова его покоилась на правой рукѣ, а лѣвая, на копорой былъ таинственный браслель, какъ будшо нарочно спустилась съ софы. Мало по малу смягчивъ звуки своей арфы и удосповѣрясь, что Сенфаръ заснулъ крѣпкимъ шномъ,

Каролина пошхоньку приближается къ нему, съ неперпвнѣемъ узнашь шайну, споль долгое время ее шерзавшую. — “Несчастливая! что ты дѣлаешь? сказала она сама себѣ, оспановясь; если ты уже спрадаешь ошь одного только подозрѣнїя, шо каково будешь швое мученїе, когда удостовѣришься въ испинѣ? Ахъ! уважь его шайну ... Не уже ли, возразила она въ сильномъ душевномъ волненїи: не должна я узнашь шу, копорая похищаетъ у меня сердце моего Леона? Можешь бышь найду въ ней одну изъ шѣхъ женщинъ, копорыхъ я болѣе прочихъ люблю, и копорая называется еще искреннѣйшимъ моимъ другомъ. Длaczego медлю я убѣдишься въ шомъ, что подь самую любезною наружноспїю и плѣншпельнымъ просподушїемъ скрывается, можешь бышь, самое неблагодарное и вѣроломное сердце? Я не рождена къ упрекамъ: они слишкомъ унишпельны для меня. Удостовѣришься же въ испинѣ ешь долгъ мой. Если я не воспользуюсь эшимъ благоприятнымъ случаемъ, шо долго, долго его не найду. Ишакъ, во что бы ни спало, рѣ-

шимся и выдемъ изъ мучительной неизвѣспности! ... „Каролина, удерживая дыханіе, приближается робкими шагами къ софѣ, спановится на колъни, легонько приподнимаетъ руку, копорая пакъ часто обнимала ее, заворачиваетъ рукавъ рубашки и видитъ браслеть, на копоромъ волосы кажутся ей шецерь гораздо свѣплѣе прежняго. Съ жадно-стію пожираетъ она глазами надпись и читаетъ *Леонъ, любезный Леонъ! буделиъ неразлучны*. Внизу Римскими цифрами означень былъ годъ, мѣсяцъ и число: *Ночь съ IX на X Февраля MDCCCXVIII*. — “Боже мой! вскричала Каролина, переходя отъ спраданія къ неизьяснимому воспоргу: пакъ точно, въ эту самую ночь Сенфаръ опчаявался въ моей жизни; я слышала, съ какимъ умиле-ніемъ молился онъ за меня, и чувшвала, что оживаю въ его объашіяхъ. Эти волосы, отъ руки маспера и отъ времени пошемнѣвшіе, мои ... И чьи же волосы, кромѣ моихъ, могли бы украшены бытъ эпою незабвенною для меня надписью: *Леонъ, любезный Леонъ! буделиъ неразлучны!*”, Въ воспоргъ Каролина про-

изнесла эти слова такъ выразительно и такъ громко, что невольно разбудила Сенфара, который видя ее передъ собою на колѣняхъ, изумляется и спарается подняться...: “Нѣтъ, возразила она, нѣтъ! позволь мнѣ у ногъ твоихъ загладишь мою вину и успокоишь мою совѣсть, что я могла подозрѣвать тебя: пусть, любезный Леонъ, слезы мои текутъ ручьями и омывають твои руки. Эти слезы облегчаютъ мое сердце... безъ нихъ никогда бы не узналъ ты всѣхъ претерпѣнныхъ мною мученій..,—Послѣ того Каролина рассказала мужу своему какимъ образомъ замѣшила она на рукѣ его браслетъ, какъ всѣ общошательспва умножали ея подозрѣнiе, какъ она мучилась и спрадала, какъ боролась съ возрождавшимися безпрестанно чувспвованiями любви, гордости и ревности. — Возможно ли, что бы Каролина могла сомнѣваться въ моемъ сердцѣ? вскричалъ Сенфаръ, прижимая ее крѣпко къ груди своей. И божь моихъ упрековъ довольно уже ты сппрадала! — Тутъ Леонъ рассказалъ ей, что когда была она при послѣднихъ минушахъ

жизни, по онъ, желая сохранить залогъ счастливѣйшаго брака и нѣжнѣйшей любви, опрѣзаль локоны прекрасныхъ ея волосъ и никогда бы не рѣшился въ томъ ей признаться, опасаясь привести ей на память ту опасность, какой подвергалась она во время своей болѣзни—желая однако же имѣть всегда при себѣ знакъ, который напоминалъ бы ему ужаснѣйшую и вмѣстѣ счастливѣйшую ночь съ 9 на 10 Февраля, приказаль онъ въ Тулонѣ сдѣлать эпонъ браслетъ и заковать у себя на рукѣ фермуаръ такъ, что никакимъ уже образомъ не могъ утратить сей драгоценный для него памятникъ.—“Безразсудная! вскричала Каролина: такое поспѣшество, нѣжность, скромность почитала я невѣрностію, лицемѣріемъ, презрѣніемъ! . . . Боже мой! въ какое заблужденіе ввергаешь насъ одна ошибка! И какія мученія должны терпѣть супруги, неимѣющіе другъ къ другу довѣренности!”, — Поклянемся же, милая Каролина, поклянемся не оправлять впредь никогда подозрѣніемъ нашего благополучія и всегда, во всякомъ случаѣ

будемъ опкровенны другъ съ другомъ. Если бракъ не основанъ на снисхожденіи, искренности и взаимной довѣренности другъ къ другу—по онъ мучительнѣе самой жестокой неволи. Узы брака, омраченныя печалію и омытыя слезами, спѣсняють сердце, оскорбляють самолюбіе и наконецъ дѣлаются нестерпимыми — а все *отъ подозрѣнія и отъ скрытности!*

Сб Франц. Б. Х.

mmmm

### ГЕНІЙ - ХРАНИТЕЛЬ.

Покинушь въ пустынь младенецъ бродилъ;  
Но Геній-Хранишель незримо съ нимъ былъ.

\*

Полдневный зной солнца луга опалялъ;  
Но Геній-Хранишель его прохлаждалъ,

\*

Тамъ шигръ кровожадный, шамъ левъ про-  
ходилъ;  
Но Геній-Хранишель младенца укрывъ.

\*

Тамъ змѣи шипѣли, сверкая хребтомъ;  
А онъ беззаботно игралъ съ мошылкомъ.

\*

О черны иглисны ноги не кольнуль,  
Ръзвился—подъ миршами сладко заснуль,

\*

И Геній покоилъ младенческій сонъ —  
Во снѣ улыбался Хранищелю онъ.

\*

Такъ росъ онъ въ пуспынѣ, далекъ онъ лю-  
дей,  
И чистъ былъ невинной, какъ Ангель, ду-  
шей.

\*

Арабы лѣзли на быспрыхъ коняхъ,  
Взвѣвая пуспыни клубящійся прахъ.

\*

Одинъ лишь примѣшилъ Гассана, вскричалъ,  
И въ мигъ—на порывѣ коня удержалъ.

\*

Весенняя роза не сполько мила,  
Какъ опрока юность прелестна была.

\*

Схватилъ онъ Гассана, влечетъ его въ плѣнъ;  
Съ нимъ къ Шейку въ счастливый спѣ-  
шипъ Іемень.

\*

И Шейкъ величавый, плѣясь красой,  
За юношу опдалъ сосудъ золошой.

\*

“Будь сынъ мнѣ!”, привѣшно Гассану сказалъ.—  
Въ шаперъ его принялъ, и самъ воспишалъ.

\*

Въ борьбѣ и въ ристаньи поварищемъ былъ,  
И силы младыя къ трудамъ пробудилъ:

\*

Стрѣлою стрѣлу на лешу пробивать,  
И есадииковъ, вихремъ несясь, обгоняшь.

\*

Повсюду за Шейкомъ, на поле и въ бой,  
Стремился кипящій опвагой молодой.

\*

Но въ битвахъ привыкъ видѣть кровь, слы-  
шаешь спонь,  
Спаль жаденъ корысти, и мраченъ спаль  
онь.

\*

Хладѣла въ немъ жалость, а слава звала,  
И гордость, какъ пламень, въ немъ сердце  
зажгла.

\*

Пылали поля, кровь лилась, доль спональ,  
И Геній-Хранишель Гассана вздыхалъ!

\*

Все яросши жершвой, все гибнешъ мечемъ—  
И Геній-Хранишель лилъ слезы о немъ.

\*

Въ киченни на Шейка воспашъ онъ посмѣль,  
И Геній-Хранишель его—оплешѣль.

Б. Федоровъ.





## ПРИТЧИ КРУММАХЕРА.

## 1. Сироты.

Когда благочестивый Винфридъ рѣшился оставить опечество и родныхъ своихъ, дабы проповѣдывать Евангеліе между идолослужителями Германцами; тогда друзья и родственники удерживали его, говоря: останься въ отчизнѣ: ты можешь и здѣсь дѣлать много добра, если хочешь.

“Прежде послушайте повѣсть, а потомъ судите.,—отвѣчалъ Винфридъ.

“Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ богатый человекъ путешествовалъ по нашей землѣ, опустошенной войною. Увидѣвъ въ горахъ толпу нагихъ дѣтей, которые питались травами и кореньями, пожалѣлъ онъ о несчастныхъ чадахъ и спросилъ ихъ: гдѣ ваши дома? гдѣ ваши отцы и матери?—Наши дома сгорѣли — опечествовали дѣти — нѣтъ у насъ родителей: война ихъ умертвила!—

Богатый и знапный мужъ, взявъ дѣтей къ себѣ въ колесницу, отвезъ ихъ въ огромный домъ свой, и снабдивъ всемъ

нужнымъ, велѣлъ ихъ наспавлять въ разныхъ искусствахъ и наукахъ.

Нѣсколько времени спустя дѣти, пришедъ къ нему, говорили: ты знаешь и богатъ; но щедроты, кошорыми насъ осыпаешь, превосходяшь всѣ твои сокровища и богатства. Ахъ! вѣдай: какъ зовушь себя по имени?

И мужъ великодушный, склонясь къ чадамъ и облобызавъ ихъ, сказалъ: называйте меня отцемъ; ибо я хочу быть вашимъ отцемъ, а вы должны быть моими дѣтьми;,,

Когда Винфридъ окончилъ сію повѣсть, всѣ хвалили великодушнаго мужа.

“Тамъ, куда спремлюсь — продолжалъ Проповѣдникъ Слова Божія — тамъ народъ осиротѣвшій. Нѣтъ у меня ни злата, ни сребра; но я дамъ ему лучшее — я поведу его къ Отцу!,,

Послѣ того пошекъ онъ въ Германію, уничтожалъ идоловъ и училъ Евангелію грубыхъ сыновъ Тевтона. Они нарекли его именемъ Бонифація, по еспы: *Благодѣтеля*, и вѣщали: “онъ сдѣлалъ намъ много добра!,,

## 2. Свиданіе.

Единственная дочь, утѣшеніе и радость своихъ родителей, занемогла жестокою болѣзнію и скончалась. Отецъ и мать безутѣшно сокрушались о потерѣ любимой дочери. Въ третій день послѣ кончины ее схоронили.

Когда отецъ возвратился съ похоронъ, горестъ его еще болѣе усилилась. Но мать, ободрясь духомъ и осушивъ свои слезы, взглянула радостнымъ взоромъ на Небо и сказала: “не плачь, супругъ мой! мы увидимся съ нею: наша дочь жива!,,

Почему ты это знаешь?—спросилъ мужъ — Увы! мнѣ это кажется льстивымъ призракомъ надежды!—

“Сердце мое ручается за эту истину! — отвѣчала жена, возвысивъ голосъ: моя материнская любовь вѣчна—уже ли Ошцовская любовь Предвѣчнаго не что иное, какъ прекрасный цвѣтъ воображенія?,,

В. Тило.

## БАСНИ КРАСИЦКАГО.

### 1. Соловей и Щегленокъ.

Щегленокъ съ Соловьемъ, заспоривъ межъ  
 собой:  
 Кто лучше пѣлъ изъ нихъ?—на судъ къ Чи-  
 жу предъ шали,  
 Щегленокъ выигралъ. На глупый судъ шакой  
 Всѣ ппички возропшали,  
 «Жаль очень Соловья!»,  
 Весь хоръ ихъ возглашаетъ.  
 —А мнѣ такъ жалокъ лишь судья!  
 Ночный пѣвецъ имъ возражаетъ.

### 2. Битая Собака.

Собака на воровъ ночь цѣлую брехала;  
 Прибили бѣдную за то, что спашь мѣшала.  
 Въ другую ночь спала, воровъ не ожидала;  
 Окрали домъ—и бьютъ ее, что не брехала!

Кронштадтѣ.

Съ Польскаго А. Горнѣ.



## NON PLUS ULTRA.

Писѣмо къ Господамъ Собира-  
телямъ Литтературной Кунсткаме-  
ры.

Слѣшу, слѣшу, Милоспивые Госу-  
дари, препроводишь къ вамъ *единствен-*  
*ную, неприимѣрную, неподражаемую* рѣд-  
косшь; слѣшу, чтобъ не перехватили  
кто нибудь у меня случая сообщитъ  
вамъ драгоценность, коюрой испинно  
во всей полношѣ значенія сего слова —  
*нѣтъ цѣны!* Это между произведеніями  
Словесности sublime, non plus ultra про-  
шедшихъ, настоящихъ и будущихъ вѣ-  
ковъ. Сообщеніемъ рѣдкости сей я обя-  
занъ *Сыну Отчества.*

Въ 10 N° этого Журнала на нынѣш-  
ній годъ помѣщены стихи подъ загла-  
віемъ: *А. С. Грибоѣдовеу при отсылкѣ мо-*  
*ихъ Аргиванъ.*

Ошъ самага заглавія уже должно  
ожидать чего нибудь необыкновеннаго.  
Мы, простые бумагомаратели, написа-  
ли бы: “при посылкѣ *моей Трагедіи, мо-*  
*ей Комедіи,*” — а шущъ какъ величествен-

но!—при посылкѣ *моихъ Аргивянъ!*— Не правда ли, не всякой догадается, что подъ симъ *скроиннымъ* заглавіемъ разумѣется Трагедія? Иной почтешь слово сіе за цѣлый отрядъ войскъ. — Удивительно ли послѣ сего, что стихи начинающся:

Воспрянь, душа моя! . . .

не во гнѣвъ проспячку Горацію, копорый совѣтуешь:

Nec sic incipies, ut scriptor cyclicus olim;  
Fortunam Priami cantabo 'et nobile bellum.

Ипакъ будемъ продолжашь, замѣшивъ, что изъ всей піэсы ни одного стиха не будетъ пропущено, а сообщается *вся въ цѣлости*.

Воспрянь, душа моя! покинь унылый берегъ  
Днѣпровскихъ *помертвѣлыхъ* водъ:

Какая разительная проотивуположность *пряданья* съ *помертвѣлостію!*

Привѣстивуй полдень и восходъ!

*Восходъ* употреблено вмѣсто: *Востокъ*, очень удачно. Хорошо, если и вмѣсто *Запада* придумають употреблять что нибудь подобное.

За яроспный, кипящій Терекъ  
Теки, какъ въ облакахъ младый орель пе-  
чешь.

*Теки какъ тететъ* — для меня пре-  
красно!

Спреди, расширь затыя крила,

До сихъ поръ не знали, что у души  
золотыя крылья.—И высоко и красиво!—  
Всего лучше, что сперва сказано: *теки,*  
*стрели*, а потомъ уже: *расширь*, п. е.  
*расправь* крылья.

Спреди за горы свой полетъ,  
Купайся въ пурпуръ весеняго свѣшила!

Послѣдній стихъ удивительно выдер-  
жалъ ходъ піэсы и далъ мыслямъ самое  
высокое направленіе. Кажется, ничѣго  
не оставалось сказать послѣ: *воспрять*  
*теки, стрели*—но *путь купайся* не ожи-  
данно довершаетъ прелестъ! И въ чемъ  
же купайся... въ *пурпуръ* *весеняго свѣ-*  
*тила*.

Надъ *слакмибъ* доломъ пронесисъ,  
Леша за скалы Ананура,

Не могу вдругъ припомнишь гдѣ  
эпопъ Анануръ; но судя по *сладкому*  
*долу*, полагаю, что долженъ бышь или

въ Паѳосѣ, или въ Циперѣ.—*Сытовая вода,*  
говоришь Богдановичъ: *богинѣ красоты*  
*всегда принадлежала.*

Въ высококаменный Тифлисъ

*Кока* и подобные звуки кажутся  
мнѣ услажденіемъ слуха.

На острова *енилаго* Кура

Съ предѣловъ горнихъ низпустились!

Non plus ultra!—Кажется, что и піеса  
должна бы кончиться сими стихами—  
кажется, душа, которая *воспрянула, тек-*  
*ла, стремилась, привѣтствовала полдень*  
*и восходѣ, купалась въ пурпурѣ весен-*  
*него свѣтила* и наконецъ низпустилась  
съ горнихъ на острова *енилаго* Кура,  
досигла уже своей цѣли: но это поль-  
ко счастливыи переломъ и снова на-  
чинающія чудесныя каршины. Стихо-  
шворецъ даетъ новыя повелѣнія душѣ:

Въ одеждѣ легкаго шума

Предстань пѣвцу въ *прозрачной тьмѣ,*

Вошъ что неподобно! *прозрачная*  
*тьма! темная свѣтлость!* — Это *наду-*  
*тая простота, простая надутость!*

На шихомъ, злачномъ шумъ холмѣ,



Гдѣ, можешъ бышь, онъ запахъ Гулиспана  
Вбираешъ жадною душой,  
Гдѣ старецъ вѣчно-молодой (*Саади*)

*Вбирать запахъ душой—есть черта мѣстности и природности, говоря словами одного изъ нашихъ Криптиковъ, рѣзкимъ перомъ котораго владѣешъ языкомъ рѣшишельный.—Старецъ вѣчно-молодой относишся къ прозрачной тѣмѣ, и пр.*

Гдѣ Музы Фарзиспана  
Паряшъ надъ вѣщею главою!

Должно замѣшишь, хопя я въ Географіи весьма недалекъ, что Фарзиспаномъ называется не Персія, какъ сказано въ примѣчаніи въ С. О.; но одна изъ областей Персидскихъ: однакожь какъ всякой городокъ имѣешъ своихъ баловней - *Поэтовъ*; по Фарзиспану ли не имѣшь *Музь*?

Уже я зрю себя, себя справа злаяя!

Здѣсь кажешся мнѣ одинъ недостапокъ: можно бы еще раза два прибавишь: *тебя, тебя* — для изьясненія большаго воспорага.

Поэшу я вручу Камень Ахейскихъ даръ:

Не онъ ли *воспитаѣ* во мнѣ ихъ чистый  
жаръ?

Они его—моя прѣдесная Аглая,

Какое чувство! Впрочемъ эша *пре-  
дестная* Аглая, копорую такъ легко  
успувають, ешь существо *метатель-  
ное*, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ  
*моихъ Аргивянахъ*.

Мой пылкій Промегень, мой гордый Тимо-  
фань;

*Или* былъ *ли* новый пламень дань,

Хотя не извѣстно о комъ говори-  
ся: *или* *ли* *дань*; но впрочемъ эшо не  
мѣшаетъ. Ясность послѣднее достоин-  
ство въ Поэзи — и безъизвѣстные: *онъ*,  
*она*—подобно *знакомымъ* *незнакомцамъ*  
приятно встрѣчаются во всѣхъ почпи  
произведеніяхъ новѣйшихъ нашихъ Поэ-  
шовъ.

И се — подъ свѣшлымъ небоскло-  
номъ

Мнѣ вдругъ явилась ихъ *воздушная сѣмья!*  
Съ любимцемъ душъ моихъ, съ *моимъ* Ти-  
молеономъ

*Воздушная сѣмья* для меня *небѣсная  
красота!* — Тимолеонъ, какъ справился  
я (невѣжда въ Испоріи!) въ Плущархъ,

быль—освободилель Сиракузь—О! о! —  
подумаль я . . . .

Какъ машерь нѣжная носился долго я.

*Потему же не какъ отецъ?* скажущь Зоилы. Но можно ли было удачнѣе изобразить авторскую любовь къ своимъ милымъ литературнымъ дѣткамъ, и особенно къ прелестной Аглаѣ, какъ предспавя себя въ видѣ машери?

Но неисторгнутый, о милый другъ, побою, Онъ былъ бы *подавленъ* враждебной мнѣ судьбою.

Кшо подавленъ? Тимолеонъ; или *новый пламень*? Но послѣдній приличнѣе бы погасилъ.

Симъ кончипся пѣса неизвѣстнаго авшора. Но когда появящся на сцену, или въ печати его *Аргивяне*; когда покажешся въ публику *прелестная Аглая*: тогда всѣ узнающь творца сихъ спиховъ.

*Житель Петербурской стороны*



И Р М А.

## Романсѣ.

Уныло бродишь въ шѣмѣ ночной,  
 Пошупивъ Ирма свѣплы очи:  
 Душа ея въ землѣ чужой!  
 Блѣдна—какъ звѣзды полуночи,  
 И длинныя ея власы  
 Распущены по груди снѣжной;  
 Ахъ, счастья утѣкли часы  
 Для Ирмы милой, Ирмы нѣжной! (2)

\*

Эраспъ ея въ сраженьи палъ,  
 Двѣ въ сердце получивши раны;  
 Другъ вѣрный шѣла не сыскалъ:  
 Его пожрали хищны враны;  
 Но и предъ бишвой роковой,  
 Предчувствуя конецъ ужасной,  
 Онъ мыслью заняшъ былъ одной  
 Объ Ирмѣ милой, Ирмѣ спрасшной (2).

\*

Еще она Эраспа ждетъ,  
 Надеждой слабой духъ пишая,  
 То смерть въ ошчаяньи зовешъ,  
 То хочешъ жишь—все ожидая,  
 Чтѣ онъ привѣшный слыша гласъ  
 Придешъ къ любовницѣ уныдой.  
 Ушѣшься Ирма: близокъ часъ!  
 Тебя за гробомъ ждетъ швой милой! (2)

Орелѣ.

Г. Лузановѣ.

## НЕСРАВНЕННОЙ .

Красавицей нельзя тебѣ назвашься:  
 Не всѣ черты лица отлично хороши,  
 Но прелести ума и прелести души  
 Въ физиогноміи швоей съ чемъ, съ чемъ срав-  
 няшья?  
 Ничто передъ тобой богиня красоты,  
 Лишь поведешь глазкомъ и улыбнешья пы!

*Лардел. . . .*

~~~~~

БОСТОНЪ .

(посв. З—у Д—у Кр—ву.)

Въ бостонъ мнѣ вѣрно не играшь!
 Безъ бѣлинькой я вѣчно!
 А нечего, друзья, скрыватьъ:
 Мнѣ денегъ жаль сердечно!

*

Вчера ли я ужь не игралъ?
 Ремиза не поспавиль—
 И тушь карманъ мой поспрадалъ:
 Двѣ красненькихъ оставиль!

*

Придешь игра—шамъ перебыюшь!
 Я пассъ—другой играешъ!..
 И въ виспъ, какъ насмѣхъ, не берущъ!..
 Терпѣнья не достанешъ!

*

Другой играетъ грань-увершь,
 А я мизеръ - за чудо!..
 Такъ если карпа нѣ идетъ—
 Играшь безъ счастья худо!..

*

Не лучшея вовсе не играшь,
 Чемъ въ проигрышѣ бышь вѣчно?..
 А нечего, друзья, скрыватьъ:
 Мнѣ денегъ жаль сердечно!

14—33.

~~~~~

*Отрывокъ изъ собственной записки Н. Н.*

Я въ восхищеніи опъ 5 го № Журнала, называемаго: *Благонамбранный* сего 1825 года. Мнѣ кажется сей Журналъ попалъ на истинную цѣль каждаго изданія словесности. Нельзя не плѣниться спашьею о Уѣздномъ Спихотворцѣ и выписками по нѣ кшапи словъ, по ошибочныхъ мыслей. Два года тому назадъ, когда Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ участвовалъ въ Журналѣ *Сына Отечества*, я отправилъ къ нему грамошку о семь предметѣ, кошорая осталася у него подѣ краснымъ сукномъ. — Нужды нѣтъ! покаместъ сія спашья не напечаташася, не грѣшно мнѣ радовашься успѣхамъ *Благонамбранныго*. Я люблю кришику, проповѣдую ея необходи-

мость и самъ охотно подвергаюся ея власти. Для чего не показывать безъ колкости, благонамѣренно, но зашѣливо ошибки словесниковъ? Каждый Журналъ имѣеть способности прекрѣпить въ минушу всякую ошибку, нелѣпицу, или неправильность языка, какъ то: *бокаль сладкаго досуга — румянцу иву — восторгебъ, разлѣбрющій окриленныя стопы — коварствоилъ теренб*—или: *я плавалъ въ морѣ сладкихъ тцувствѣбъ*. Надобно все сіе шу минушу гнать съ Парнасса орудіемъ насмѣшки (ridicule). Позволише ли упомянуть о неосмотрительностяхъ?—*Инвалидѣ* пишеть о Яковѣ Борисовичѣ Княжнинѣ, что онъ былъ Секретаремъ Россійской Академіи, чего никогда не бывало и легко справиться. — *Отечественныя Записки* въ спашѣ исторіи о нашемъ Театрѣ, исчисляя всѣ имена Акперовъ и Акприсъ, не показываютъ, какія пѣсы первоначально были играны, когда сколько разъ и кто Авторы? Въ сочиненіяхъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II для Театра пропущены лучшія ея въ семь родѣ сочиненія, а именно: *пять Комедій*, которыя извѣсны и напечатаны подъ названіемъ: *Сочинены въ Ярославѣ*. Первая изъ нихъ называется: *О! время!* Всѣ они часто игралися въ обѣихъ столицахъ. Третье, говоря о Дмишревскомъ, сказываютъ, что онъ имѣлъ привычку опшѣнивать театральною акціею

недостатки пізнь того времени, и для того, закушавшись въ царскую мантію и облокотясь на креслы, зачиналъ *монологъ* въ Трагедіи *Димитрія Самозванца*, который зачинаешся не *монологомъ*, а сценою, именно: самимъ *Лже - Димитріемъ* и *Парменомъ*. Я много разъ видалъ Димитревскаго въ *Самозванцѣ* — даже видѣлъ послѣднее онаго представленіе; но эпого не помню. Правда, что Димитревскій облакачивался на креслы при началѣ Трагедіи: *Вышеславъ*; но по какой причинѣ онъ выкидывалъ подобныя шпунки, не знаю!...Продолженіе сей сцены можетъ быть впрѣдъ, а теперь въ заключеніе домолвить надобно, что Басенка: *Уха*, прекраснѣйшая \*) и въ числѣ лучшихъ на нашемъ языкѣ. Напрасно Авторъ извиняешся о лещахъ, которые кладушся въ уху и не для риемы. Впрочемъ вся моя выписка доказываешъ, что *пересаливать* не надобно; а для того-то пересаливающихъ *Благонамѣренному* унимасть должно и въ стихахъ и въ прозѣ.

~~~~~

*) Такая похвала опъ старшаго изъ нашихъ Басно-
словцевъ весьма лестна для самолюбія Автора; но онъ
почитаешъ обязанностію со своей стороны признасть
се торжественно, что его уха-плоха. *Прим. Изд. Благ.*

Книжная Извѣстія.

I.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета въ непродолжительномъ времени будетъ напечатана книга подъ заглавіемъ: *Димитрійъ Іоанновичъ Донской, Великій Князь Московскій, Историческое Повѣствованіе.*

Исторія нашего Отечества отъ временъ Мономаха до Іоанна Васильевича I конечно не представляетъ ни одной эпохи блистательнѣе славнаго княженія Димитрія Донскаго. Плачевный періодъ порабоженія особенно бѣденъ каршинами, оправданными сердцу патріота; темъ болѣе вниманіе и участіе возбуждаетъ подвигъ сего Героя, какъ предвѣстникъ побѣдъ и грознаго могущества Россіи. Самыя подробности жизни и дѣянія великаго челоуѣка сколько же занимательны для любопытнаго читателя, сколько насмешливы для учающагося юношества. Въ сихъ мысляхъ Сочинитель повѣствованія, издаваемаго нынѣ въ свѣтъ, собралъ о Великомъ Князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ всѣ дошедшія до нашего времени свѣденія, и слогомъ, приличнымъ важности предмета, старался изложить ихъ въ исторической связи, присовокупя къ тому многія топографическія описанія, нужныя поясненія и ука-

занія на испочники; почему съ увѣренностію сказашь можно, что неравнодушные къ такимъ предметамъ и прудамъ соотечественники найдуть въ сей книгѣ равно приятное и полезное чтеніе.

Подписка, заранѣе открывая, единственно для облегченія способовъ къ напечатанію меньшаго числа экземпляровъ, принимается въ *С. Петербургѣ* у Книгопродавца В. А. Плавильщикова; въ *Москвѣ* у Коммиссіонера шамошняго Университета А. С. Ширяева; въ *Тулѣ* у Его Высочайшаго Благородія Владиміра Богдановича Броневскаго и у самаго Сочинителя Коллежскаго Совѣтника Теофилакша Гавриловича Покровскаго.

Цѣна 10 руб. ассигнаціями; иногородные ничего не прилагають за пересылку.

2.

Съ одобренія ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи поступила въ печать книга: *Наблюденія Гердника Вальдингера, Медицины и Хирургіи Доктора, Императорскаго Королевскаго Вѣнскаго Ветеринарнаго Института Профессора, Копенгагенскаго Общества усовершенствованія Ветеринарной Науки Члена и ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Медико - Хирургической Академіи Корреспондента, сдѣланныя надъ лошадьми для*

руководства къ сужденію объ ихъ состояніи, переведенныя съ Нѣмецкаго языка, съ третьяго, умноженнаго и исправленнаго изданія Петромъ Лукинымъ, служащимъ въ должности Адъюнкта-Профессора при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико - Хирургической Академіи, и проч.

Книга сія раздѣлена на три небольшія части, изъ коихъ въ первой содержится простыя положенія относительно сужденія о состояніи лошади:

во 1 хъ, по наружности шѣла вообще и въ особенности.

— 2 хъ, по отправленіямъ органовъ дыханія и кругообращенія крови.

— 3 хъ, по отправленіямъ пищеварительныхъ и изпражнительныхъ органовъ.

— 4 хъ, по отправленіямъ органовъ чувствъ и движенія.

Сіи положенія въ Ветеринарной Наукѣ составляютъ превосходнѣйшее руководство къ распознаванію болѣзней у лошадей. Слѣдуя оному, съ точностію можно опредѣлить болѣзненное ихъ состояніе, хотя бы съ перваго взгляда казались совершенно здоровыми.

Во второй части описаны обыкновеннѣйшія и наичаще случающіяся болѣзни лошадей въ естественномъ оныхъ ходѣ. Описанныя при оныхъ явленія и припадки весьма удобообразимы; а способъ лѣченія, при оныхъ изложенный, простъ, удобовыполнимъ и вѣренъ.

Въ третьей и послѣдней части содержащіяся врачебныя средства, самыя простыя, дешевыя, дѣйствишельныя и слишкомъ сложныхъ приготовленій не требующія.

Книга сія можетъ быть полезнаю не только для Ветеринарныхъ Врачей, но и для шпалмейстеровъ, берейперовъ и экономовъ, особливоже для Г. г. Ремонширъ - Офицеровъ, кои почти безпрестанно имѣюць дѣло съ выборомъ лошадей и припомъ ошь барышниковъ, весьма искусныхъ въ представленіи больныхъ лошадей здоровыми и дряхлыхъ крѣпкими.

Желающіе имѣть книгу сію благоволять адресоваться къ переводившему, въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Медико-Хирургическую Академію—на Выборгской сторонѣ.

3.

Вновь оппечатанная книга подъ названіемъ: *Хронологическое обозрѣніе достопамятнѣйшихъ происшествій, прославившихся людей и важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, отъ начала міра до окончанія Веронскаго Конгресса. Санктпетербургъ 1823*—продается въ библіопекѣ для чшенія В. А. Плавильщикова, въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина и у другихъ книгопродавцевъ, на хорошей бумагѣ и въ цвѣтной оберткѣ по 6 р. экземплярь; за пересылку въ города прилагается за 1 фунтъ.

На сихъ дняхъ поступилъ въ книжную лавку Сленина и въ магазинъ Босеппи на Невскомъ проспектѣ, для продажи, портретъ покойной Начальницы Училища Ордена Св. Екваторины Дѣйствительной Спашской Совѣтницы *Брейтконфъ*, нарисованный литографическимъ способомъ съ весьма похожаго портрета, находящагося въ самомъ Институтѣ.—Издашеть долгомъ почиваешеть извѣстить особь, коимъ принята память ея; что число остающихся экземпляровъ нераспроданными весьма мало и что новыхъ опіецашковъ съ камня уже снятъ нельзя. В. Лангеръ.



Благотворенія.

Издашеть *Благонамѣреннаго* получилъ 19 ч. минувшаго Марта опъ неизвѣстной особы для раздачи бѣднымъ двадцать пять рублей 25 р.

Изъ оныхъ роздано:

Бѣдному чиновнику 7 класса съ женою и шрема малолѣшными дѣшьями (см. XLVI N° *Благ.* 1822, спран. 275) 10 р.
 Бѣдному и больному чиновнику *И. И. В.* 10—
 Престарѣлой вдовѣ *Зайцовой* (1819, XVIII, 390) 5—

Ишого 25 р.



Извѣстія о бѣдныхъ сѣмействахъ.

(Изъ писемъ къ Издателю.)

1.

Спаршая сестра покойнаго и незабвеннаго нашего Трагическаго Актера *Алексѣя Семеновита Яковлева* дѣвица *Татьяна Яковлева* находилась въ самомъ крайнемъ положеніи. Не въ состояніи будучи по причинѣ разсброеннаго своего здоровья и слабаго зрѣнія доставать себѣ хлѣбъ, какъ прежде, трудами рукъ своихъ, не имѣешь она почпи дневнаго пропитанія. Желаящія, хоща изъ уваженія къ памяпи покойнаго брата ея, оказать ей какое либо пособіе, могутъ найти ее въ домѣ Абалихиной подь № 76, въ I кварталѣ Рожѣшвенской части.

0.

2.

Уроженецъ острова Кандіи, храбрый и несчастный Капитанъ Греческаго флота *Иванъ Кардици*, родившійся и жившій прежде въ изобиліи, доведенъ нынѣ на спароспи до ужаснѣйшей нищеты. Великодушные благотворители, на соспраданіе коихъ имѣешь онъ полное право, могутъ обспояшительно узнать о несчастіяхъ сего опважнаго и поч-

шеннаго Грека въ кварпирѣ его, въ домѣ Коровина подѣ № 392, у Семеновскаго моста.

Р.

3.

Близъ Спекляннаго Завода на Черной рѣчѣ, въ домѣ служителя Онисимова подѣ № 132, живеть престарѣлый и разбишый параличемъ старецъ *Афанасій Дериглазовъ*. Друзья человѣчества безъ сомнѣнія облёгчашъ сколько нибудь спраданія сего несчастливца, помятагося подѣ сугубымъ игомъ мучительной болѣзни и убійственной нищеты.

Н. С.

4.

Въ Семеновскомъ полку, въ первомъ Офицерскомъ корпусѣ, у одного изъ своихъ родственниковъ имѣеть на время приспанище бѣднѣйшая вдова Поручица *Лишева* съ дочерью своею, по же вдовою, у кошорой четверо малолѣсныхъ дѣшей. Сіи несчастныя по испинѣ заслуживають всякое вспоможеніе.

Я. Г.

5.

Неоднократно имѣль я удовольствіе осушашъ слезы бѣдныхъ, давая знашь объ

нихъ сострадашельнымъ читателямъ *Благоналюбреннаго*. И теперь прибѣгаю къ тому же средству, надѣясь, что не опречетесь помѣстить въ вашемъ Журналѣ извѣстія о несчастной осмидесятилѣтней вдовѣ, истинно заслуживающей помощи.

Покойный мужъ ея Типулярный Совѣтникъ *Конскій*, служившій беспорочно болѣе сорока лѣтъ вышелъ по старости и болѣзненнымъ припадкамъ въ опшавку съ пенсіономъ по 300 р. въ годъ. Не имѣя никакихъ другихъ доходовъ, симъ единственно пенсіономъ нѣсколько лѣтъ содержалъ онъ свое сѣмейство, состоявшее изъ жены и двухъ племянниковъ. Два года тому назадъ онъ умеръ, оставя жену свою не только безъ всякаго состоянія, но, такъ сказать, безъ куска хлѣба. Бѣдная осмидесятилѣтняя вдова *Конская* до сего времени кое-какъ содержала себя какъ собственными своими трудами, такъ равно и пособіемъ одного изъ своихъ племянниковъ, живущаго съ нею вмѣстѣ; но нынѣ, къ величайшему ея несчастію, и сія послѣдняя надежда исчезла. Племянникъ болѣе шести мѣсяцовъ лежитъ на смертномъ одрѣ, и она, истощивъ силы свои и испрашивъ послѣднія крохи, совершенно изнемогла подъ бременемъ угнѣшающей бѣдности. — Наступаетъ праздникъ для всѣхъ радостный, а она должна его встрѣтить со слезами и опчаяніемъ.

Вотъ положеніе сей несчастной спрада-
лицы! Малѣйшая помощь оживишь ее и
обрадуешь послѣдніе, можетъ быть, дни ея
жизни.

Человѣколюбивые чашатели могутъ лич-
но видѣть бѣдность сей вдовы, живущей
Московской части 2 квартала, въ малой Офи-
церской улицѣ, въ домѣ Копосовой подъ
№ 192.

Имѣю честь быть, и проч.

10 Апрѣля 1823.

А. З.



Къ Благотворителямъ.

Вотъ праздникъ на дворѣ: теперь ко мнѣ
найдушь
Спарушки - вдовушки; куда опъ нихъ мнѣ
дѣшься?

По упру и пера взяшь въ руки не дадушь.—
“Что, машушка?,” — Да нечемъ разго-
вѣшься . . . —

А я шакъ, мой опець,
Три дни и печки не попила;
Ни кашицы, ни щець
Три дни ужь не варила:
Хотъ бы полно дровъ . . . — Съ дѣтьми семъ
душъ всѣхъ насъ;

Сиропочкамъ на хлѣбъ. . . Я въ первый
 разъ;
 Вопшь и свидѣтельство! . . . — Ну чпо мнѣ дѣ-
 лать съ ними?
 Легко раздѣлашься съ иными;
 Другимъ нельзя не дать. . .
 Нельзя ли къ празднику хошь чпо нибудь
 прислать
 Для бѣдныхъ истинно? — Изъ нихъ есть и
 такіе,
 Которые ко мнѣ не ходящъ, а сидящъ
 Безъ плащя на дому, унылые, больные
 И хлѣба иногда дни по два не ѣдящъ!

И.

~~~~~

### Отъ Издателя.

Издатель *Благонамѣреннаго* нужнымъ по-  
 чищаетъ повѣрить по, о чемъ объявлено  
 уже было въ XXXV N<sup>o</sup> Журнала его прошед-  
 шаго 1822 года (снран. 357), а именно:

1) Чпо онъ никакихъ *извѣстій о бѣдныхъ*  
 ошъ людей *вовсе ему неизвѣстныхъ*, или скры-  
 вающихъ ошъ него свои имена, помѣщающъ  
 у себя въ Журналъ не будещъ — да и зна-  
 комыхъ своихъ покорнѣйше и убѣдитель-  
 нѣйше проситъ не адресовать къ нему по-  
 напрасну бѣдныхъ, но лучше извѣщающъ объ  
 нихъ *письменно* съ подробнымъ означеніемъ

мѣста ихъ жительства (т. е. части города, квартала, улицы, также имени хозяина дома и нумера) и причинъ, по коимъ заслуживающъ они вспоможеніе.

2) Хотя Издапель *Благоналюбреннаго*, благодаря почтеннымъ своимъ друзьямъ и сотрудникамъ, не имѣетъ недоспашка въ матеріалахъ для Журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщать будетъ въ ономъ доставляемыя къ нему опъ поспороннихъ особъ сочиненія и переводы, если полько найдетъ ихъ по содержанию и по слогу соотвѣтствующими плану его изданія. Въ прошивномъ однако случаѣ не принимаетъ онъ на себя запруднишельной обязанности пересылать обратно къ Гг. Сочинителямъ и Переводчикамъ полученныхъ опъ нихъ піэсь, или входитъ съ ними о томъ въ переписку. Если какая либо изъ присланныхъ къ нему піэсь въ шеченіи двухъ мѣсяцовъ не напечатается въ *Благоналюбренномъ*, то сіе будетъ значить, что она по содержанию своему, либо по слогу, показалась издапелю несоотвѣтственною съ планомъ его журнала—или что ее не пропустила Цензура, копорой — замѣшимъ мимоходомъ для пылкихъ нашихъ молодыхъ писапелей—спрожайше запрещено пропускать сочиненія, неимѣющія нравственной и полезной цѣли; особенно содержація въ себѣ сладоспращныя

карпины, или такъ называемыя *либеральныя*, т. е. возмущительныя мысли, и между прочимъ вмѣнено въ обязанность не одобрять къ напечатанію и такихъ піесъ, въ коихъ много ошибокъ противъ *чистоты языка* и *здраваго смысла*.

3) Газетная С. П. бургскаго Почтамта Экспедиція давно уже приняла со своей стороны самыя надежныя мѣры къ вѣрному и своевременному доставленію иногороднымъ подписчикамъ всѣхъ здѣшнихъ періодическихъ изданій: каждая книжка всякаго журнала посылается въ особомъ конвертѣ на имя пренумеранша, а если въ какой городѣ нѣсколько человекъ выписываютъ одинъ и тотъ же журналъ, то всѣ такіе конверты кладутся въ общій пакетъ, въ который сверхъ того вкладывается *карта*, или *резстръ* означеннымъ *частнымъ* пакетамъ. Если паче чаянія и за симъ Г. г. подписавшіеся на *Благонамѣреннаго* не получаютъ иногда въ свое время нѣкоторыхъ книжекъ сего Журнала: въ такомъ случаѣ благоволяше отношиться о томъ въ упомянутую Газетную Экспедицію, или прямо къ Издашелю, смотря по тому кто гдѣ изъ нихъ подписался, и недосланные номера, либо книжки, буде оныя дѣйствительно не были еще отправлены отсюда, немедленно куда слѣдуетъ доставлены будутъ.

И.

*Лаконическая переписка съ Изда-  
телемъ Благонамбренаго.*

## 1.

Почему переменяли вы въ моемъ сочи-  
неніи нѣкоторыя выраженія и даже въ иныхъ  
мѣстахъ самыя мысли?

*Отвѣтъ:* Потому, что первыя прошив-  
ны были Русской Грамматикѣ, а послѣднія  
здравому смыслу, благоприспособности; слѣ-  
довательно и Уставу о Цензурѣ.

## 2.

Помилуйте: до сихъ поръ не печатаете  
вы ни шарадъ моихъ, ни анаграммъ, ни омо-  
нимовъ, ни логогрифовъ! Если вамъ что ни-  
будь въ нихъ не нравится, то можете по-  
править.

*От.* Прошу ошъ этого труда меня из-  
бавить.

## 3.

Я слышалъ, что вы плашите инымъ за-  
пискамъ, помѣщаемымъ вами въ *Благонамбрено-  
номъ* (желательно бы знать сколько?); а мо-  
ихъ сочиненій и переводовъ и даромъ не пе-  
чатаете! Сдѣлайте милость, помѣстите

хотѣ нѣкоторыя изъ нихъ: если угодно, то я вамъ за это заплачу.

*Отвѣтъ:* Нѣшъ, и за деньги не хочу! — Впрочемъ, если угодно, помѣщу копорыя нибудь изъ эпихъ *безцибныхъ* сочиненій на внутренней споронѣ обершки: за прозу можно взять со спраницы *въ пользу бѣдныхъ* 5 р. а за стихи нельзя менѣе 25 р.

## 4.

Для чего помѣщаете вы иногда у себя въ журналѣ плохія стихопворенія, каковы напримѣръ... по недоспашку ли матеріаловъ, или для угожденія авшорамъ?

*От.* По пой ли, или по другой причинѣ, не скажу; но впередъ помѣщать не буду. Les vers passablement bons ne valent pas le diable, сказалъ весьма справедливо какой-то Французскій Крипикъ.

## 5.

Позволише ли прислать къ вамъ *благонаимбранныя* замѣчанія на стихопворенія, напечатанныя въ *Благонаимбреномъ* нынѣшняго года?

*От.* Весьма обяжете.

Скоро ли начнете помѣщать въ своемъ Журналѣ извѣстія о новыхъ книгахъ съ критическимъ разборомъ оныхъ?

*От.* Скоро—съ IX, или непременно съ X N<sup>o</sup>.

## 7

Правда ли, что у васъ не будетъ уже болѣе *Сатирической Газеты*?

*От.* Не правда, будетъ.



## Опечатка.

Въ VI N<sup>o</sup> на стран. 459, въ спрокѣ 13 напечатано ошибкою: *ѡ Ништѣ* вмѣсто: *ѡ Ништадтѣ*.



Если кому изъ подписавшихся на *Благонамиренный* нынѣшняго 1823 года угодно будетъ получить опъ самаго Издашеля Журналъ сей за прежнія пять лѣтъ, въ шакомъ случаѣ имѣетъ бытъ сдѣлана весьма значительная усшупка. Всѣ первыя двадцашъ часшей, съ 1818 по 1823 годъ, можно выпи-сывать опъ него до 1 ч. будущаго мѣсяца

Юля за 75 р., не прилагая денегъ за пересылку.



Библиотеку для чтенія, составленную изъ новѣйшихъ повѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній изящной Словесности, части 1, 2, 3, 4, 5, 6, или Литтературныя Прибавленія къ Сыну Отечества на 1822 годѣ, можно получать въ шипографіи Издашеля С. О, въ кварширѣ Издашеля Благонаимѣреннаго на Пескахъ въ домѣ наследниковъ Моденовыхъ подъ № 283 и въ книжномъ магазинѣ Плавильщикова у Синяго моста. Цѣна за всѣ 6 частей, ш. е. за весь 1822 годѣ 17 р. 50 к.





# БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ.

1825. № VIII.

---

САКОНТАЛА.

(Восточное Сказаніе.)

I.

*Подарокъ Брашина.*

1805.

Саконшала, всѣми любимая Царица Индіи, прелестная супруга мудраго Царя Викрамы, праздновала день своего рожденія. И шумная радость зазвучала въ хижинахъ и черпогахъ обширнаго Государства, но живѣ ликовала она въ сердцахъ народа.

Ликъ Царицы былъ прекрасенъ и кропокъ, и взоръ очей ея сіялъ, какъ нѣжный лучъ вечерняго солнца, скрывающагося за горы и ниспосылающаго долу росу и прохладу.

Таковъ былъ ликъ Саконшалы. Жипели Индіи съ любовью и благодарностію взирали на несравненную Царицу свою и приносили ей въ даръ прекраснѣйшія распѣнія земли и масши и жемчугъ и злапо и драгоцѣнные камни. Другіе умоляли Брамю, да ниспосылаешь на нее благословеніе.

Тутъ присоединился къ народу, собравшемуся передъ чертогомъ Царицы, и спарець Браминъ, несшій въ рукъ корзинку, изъ проснника сплешенную и простымъ мохомъ покрѣшную.

“Уже ли Браминъ—шепшали между собою служилели Царскіе, стоявшіе у вратъ дворца—уже ли Браминъ предстанешъ передъ блескъ престола съ корзинкою, изъ проснника сплешенною и проснымъ мохомъ украшенною?,,

Но спарець смѣло подошелъ, и, поставивъ корзинку къ стопамъ Саконшалы, вѣщаль: “прелеспная владычица и матеръ швоего народа! смопри! проснникъ, изъ котораго сплешена корзинка, и нѣжный мохъ холмовъ и просшые цвѣшы сіи возросли въ шпой опдаленной долинь, на рубежѣ обширныхъ швоихъ владѣній, гдѣ улыбнулась шебѣ впервые весна жизни.,,

Такъ говорилъ Браминъ и корзинка шпола у ногъ Саконшалы.

И Царица взглянула съ улыбкою, исполненною крошкой радости, на цвѣшы, возлѣянныя долиною ея юности.

И Браминъ, любилель мирныхъ полей и нѣжный другъ Природы, возвращился въ уединенную долину, ибо видѣлъ прелеспный ликъ и крошку улыбку Саконшалы.

---

*Драгоценный камень.*

1807.

Саконшала, благодѣшная, прелестная Царица Индіи, праздновала день своего рожденія со слезами и тихою молитвою къ Брамѣ. Ибо война ужасная опустошала страну, и владыка Индіи, супругъ ея, былъ далеко отъ нее, въ пылу сраженій. Но горесть ея умножало то, что многіе вѣрные сыны опчизны уже пали въ бѣгствѣ, а другіе служители, хотя и осыпаемы были благодареніями и почестями, измѣнили своему Царю и, забывъ правила чести во время опасности, предали сердца свои неблагодарности и малодушію. И потому Саконшала пролила слезы въ тишинѣ, и день ея рожденія казался ей днемъ смерти.

Тогда одинъ изъ служителей, приближаясь къ спящей Царицѣ, вѣщалъ: «Государыня! пришелъ Браминъ, пощъ самый, который приносилъ щедрыя цвѣтны своей долины.,»

Но Царица, спячко вздохнувъ, сказала: «увы! могушь ли днесь цвѣтны радовать мое расперзанное сердце и служишь украшеніемъ блѣдныхъ лавищъ моихъ? Но... ведише его ко мнѣ!», — продолжала крошкая Царица — «да узнаю изъ дара его, что въ

горести моей осталась мнѣ еще любовь вѣрнаго добродушія.,,

И сшарецъ Браминъ предспаль предъ Сакопалу, поникъ главою къ землѣ и вѣщаль: “прелестная владычица и маперъ швоею народа! швои шпранія не унесли ошъ тебя сердцець обиташелей шой долины, гдѣ нѣкогда шешшвовала ты, гдѣ улыбнулася тебѣ впервыя весна жизни. Непостоянство своенравнаго шчасшія не можетъ разорватъ узъ вѣрной любви: оно еще крѣпче ихъ швязуетъ.,,

“Цвѣшповъ не приношу тебѣ въ даръ: они пошраны въ нашей долинь, но расцвѣшпуть пышнѣе, когда Брама ниспослеть къ намъ весну послѣ бури. Приношу тебѣ алмазь, прекраснѣйшее и драгоцѣннѣйшее произведеніе нашей долины. Индія не славилась еще подобнымъ.,,

Прелестная Царица съ удивленіемъ взглянула на Брамина.

“Я посвящаль тебѣ цвѣшпы — продолжалъ шшарецъ — когда на прекрасномъ лицѣ шшвоемъ сіяль еще блескъ безоблачной радости. Но Брама ниспослаль на тебя шшпранія. На блѣдныхъ ланишахъ шшвоихъ вижу слѣды дуновения мрачной горести; я зналь, что ты со слезами шшпрѣшишь день своего рожденія. Для душъ прекрасныхъ шшакія слезы сушь роса небесная, довершающая ихъ цвѣшть.,,

«Такъ Брама свяшишь любимыхъ чадъ своихъ, а я приношу тебѣ въ даръ прекраснѣйшее произведеніе природы!»,

При сихъ словахъ сшарець весело и почтительно поставилъ гебеновый ларчикъ къ спопамъ Саконшалы. Алмазь сіялъ еще лучезарнѣе въ темной оправѣ.

Царица склонивъ взоръ, смошрѣла съ умиленіемъ на ларчикъ съ драгоценнымъ камнемъ, копорый сверкалъ, подобно звѣздѣ—на темносинемъ сводѣ—и двѣ свѣшлыхъ слезы навернулись на очахъ ея.

И Браминь, исполненный тихой грусти, возвратился въ уединенную долину, ибо видѣлъ слезы Саконшалы.

### 3.

#### *Могила.*

1814.

Исполненный тихой грусти, шешивоваль Браминь въ уединенной долинь и часто вспоминалъ сшрадалицу—Царицу, постигнутую рокомъ. Вдругъ снова возгорѣлась война ужасная. Мощный губитель пошекъ опъ Запада на Воспокъ съ опустошительною бранью. Бурные сонмы его внесли убійства и пожары въ предѣлы мирныхъ спранъ и челошчество застѣнало подъ игомъ пришешнителя.

Благочестивый старецъ днемъ и ночью молился Брамъ за Викраму, Царя правосуднаго, и за Саконшалу, его прекрасную и благодѣтельную супругу. Но моленія его были тщешны. Буря войны свирѣпѣла ужасно, и разлилась, какъ яростный весенній пошокъ, до мирной обихели Брамина.

Старецъ съ сокрушеннымъ сердцемъ удалился въ горы и долго скрывался въ мрачныхъ пещерахъ дикихъ утесовъ. Исполненный безмолвной горести, онъ желалъ смерти, какъ Ангела избавителя.

Но желаніе его не исполнялось, и многіе годы жилъ онъ уединенно между скалами. Вдругъ слышишь: въ дали раздающа клики побѣды и пѣсни мира, сопровождаемыя звуками трубъ и кимваловъ.

И старецъ, повергшись ницъ на землю, молился Брамъ, пошомъ вспалъ, помазалъ главу и вѣщалъ: «прежде, нежели умру, хочу видѣшь торжество праведныхъ и радостный ликъ Царицы!»,

И наполнивъ снова корзинку прекраснѣйшими весенними цвѣтами, и покрывъ ихъ юными отростками масличнаго и пальмоваго древа и благовонною вѣшвѣю нѣжнаго мирша, Брамъ схватилъ свой посохъ и поспѣшно усстремился къ Царскому граду и шествовалъ безмолвно между ликующими сонмами народа.

Достигнувъ врашь обинесли Царской, очи сшарца возсіали веселіемъ. Онъ опшверзь успа и сказалъ служителямъ “Ведите меня къ Царицѣ. Да применъ она благосклонно и опъ меня дань признашельности и всеобщей радости!,,

Изумленные служители, смопря другъ на друга, безмолвспшвовали и слезы подились изъ очей ихъ.

“Почшо вы плачете? друзья!—вопросиль ихъ Браминъ — почшо смоприше на меня взоромъ унылымъ, смущеннымъ?,,

— Развѣ шы пришелецъ на землѣ? — опшвѣспшвовали служители—развѣ одинъ шы не знаешъ, что случилось?—И повели его къ могилѣ Царицы.—Смопри, спшарецъ! — говорили они—здѣсь спшпъ она сномъ безмятежнымъ и вѣчнымъ . . . . попоки слезъ прервали рѣчь ихъ.

Тущъ лице сшарца преобразилось и очи его засверкали огнемъ юношескимъ. Возрѣвъ на Небо, онъ вѣщаль: “такъ! вижу блескъ вѣчнаго океана свѣша и прешполь Брамь. И Саконшала покоится у спопъ его, на легкомъ облакѣ ушренной зари, и сѣ улыбкаю взираешъ долу. Чистѣйшая жершва примиренной опчизны — она шеперь сіяешъ жрицею небснаго мира! Тѣнь незабвенная! смопри, и днешъ еще посвящаю шебѣ цвѣшы земные.,,

Старець умолкъ и приникъ главою къ цвѣшамъ и могилѣ. Поднялся тихій шопопъ— и душа Брамина возлешѣла въ селенія горнія.

*Изъ Круллахера — В. Тило.*

~~~~~

О ВЛІЯНІИ ВРЕМЕНИ НА ЧЕЛОВѢКА И ПОЛЬЗА ЗИМЫ.

Природа! ты заключаешь въ себѣ все, что только составляетъ для человека счастье въ этой жизни. Безъ тебя былъ бы онъ несчастнѣе послѣдняго насѣкомаго!—Разумъ, сей свѣшильникъ души, не могъ бы разогнать въ немъ мрака горести, еслибъ благотельное содѣйствіе природы къ тому не спосѣшествовало. Докажемъ это примѣромъ: вообразимъ себѣ человека, лишеннаго отца, матери, друзей.... Какое ушѣшеніе принесешь ему разумъ! Онъ представитъ, что это непремѣнный порядокъ вещей; что все мы рано, или поздно, должны будемъ сокрыться въ нѣдра земли; что многіе живутъ

сиротами, одинокими, и шолько? — Но достапочно ли этого? — Можно ли это назвать ушѣшеніемъ? — Ушѣшишь, значишь: испребить въ злополучномъ всѣ слѣды горестей его; заставишь его забыть всѣ свои несчастія и наслаждаться приятностями жизни; не шолько оперешь слезы на глазахъ, но и поселишь на устахъ его улыбку радости. Ишакъ произведешь ли подобное сему дѣйствіе холодный разсудокъ? — Можешь ли онъ ошановишь спремленіе горестей, ежели сердце, удрученное ими, чуждо всѣхъ ушѣшеній, кошорыми окружаешь его щедрая природа? Нѣтъ — онъ шолько облегчаетъ болѣзнь, а исцѣлишь ее нѣ въ состояніи.

Но что разумѣете вы подѣ природою? Не принимаете ли вы ее въ такомъ же шѣсномъ смыслѣ, въ какомъ дюжинные стихотворцы воспѣвають красоты ее въ видѣ пестрыхъ луговъ, ароматныхъ цвѣшовъ, кудрявыхъ деревьевъ и изумрудныхъ холмиковъ? Не одни поля и лѣса образуютъ природу, и слѣдовашельно не однимъ шолько лѣшомъ человекъ можетъ ушѣшаться. Благодѣ-

шельное вліяніе природы существуетъ и зимою, и—даже могу сказаць— сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ лѣтомъ. Мнимый видъ ея хладной суровости заставляеть насъ знакомиться съ нею короче. — Зимою люди сближаются съ людьми, и опъ того становящся всѣ счастливыми. Лѣто, украшая деревья и луга, опилекаетъ человѣка опъ человѣка. Всякой почти живетъ для себя, дышетъ чистымъ воздухомъ, чувствуетъ благовоіе аромата, восхищается холмиками и лѣсочками, и думая о цвѣтущей природѣ, не думаетъ о другихъ. Жаръ палящаго солнца ослабляетъ физическія силы и дѣлая человѣка лѣнивымъ, приближаетъ его къ сосоянію животныхъ, дѣйствующихъ испинкомъ. Зима производитъ совершенно противное. Человѣкъ, не находя прелестней въ мершвыхъ вещахъ, ищетъ ихъ въ подобныхъ себѣ, и занимаясь окружающими его, болѣе привыкаетъ къ нимъ, и болѣе дѣлается человѣколюбивымъ, болѣе способнымъ къ дѣятельности, къ шрудамъ и удовольствіямъ. Что значатъ предъ нами жишели Экватора,

у коикъ вѣчное лѣшо? Какъ ничтожна жизнь ихъ передъ нашею! Какъ даже крапка, или лучше сказать длинна опись презрѣннаго бездѣйствія!—

Загляните во время зимняго вечера въ убогую хижину: почтенный старикъ, окруженный семействомъ своимъ, бесѣдуешь о прошедшемъ и настоящемъ; и рассказывая примѣры, исправляетъ нравъ и сердце своихъ слушателей, или — по крайней мѣрѣ сообщаетъ ихъ памяти нужныя для будущаго свѣденія. Посмотрите въ кабинетъ ученаго—онъ трудится для соотечичей, между темъ какъ лѣшомъ живешь по большой части для себя, и каждый день желая начать что нибудь и откладывая всякой разъ—начинаешь уже зимою. Обратите ваше вниманіе на внутренность огромныхъ палатъ: что тамъ дѣлается? — Танцуютъ. Но не думаете ли вы, что одни танцы занимаютъ молодыхъ людей на эпомъ балѣ? Ахъ, нѣтъ! лимонъ и сахаръ кладется въ воду только для того, что бы пріяшнѣе утолить жажду. Въ поже время какъ ноги молодаго кавалера дѣлають па—сердце и умъ его

находяшь для себя пищу въ сердцѣ и умѣ молодой, танцующей съ нимъ дѣвицы, и окончаніе танца, раздѣляя руки, часто соединяешь сердца ихъ навѣки!—Обратимъ вниманіе на нашу столицу: что дѣлается лѣпомъ? Всѣ выѣзжаютъ изъ города, слѣдовательно удаляюшся другъ отъ друга; но зимой собираюшся вмѣстѣ и кажутся живущъ одинъ для другаго. Спросите каждого, что онъ сдѣлалъ хорошаго въ продолженіи лѣта?—и будешь отвѣтъ — отъ одного: *я прохаживался каждый вечеръ въ саду, поджавши руки; отъ другаго — я катался каждый день по Невѣ; отъ третьяго—я травилъ зайцовъ; отъ многихъ: мы дѣлали тоже, утирали потъ, задыхались отъ жара, и каждый день — сгоняли съ лица мухъ и комаровъ. Но узнайте, что каждый дѣлалъ зимою. Одинъ сочинилъ полезную книгу; другой перевелъ хорошаго Автора; претій обогащилъ умъ свой познаніемъ сердца человѣческаго чрезъ чтеніе книгъ, или сидя въ театръ. Вообще всѣ исправляли должность свою рачительно и принесли пользу себѣ и другимъ. Вошь мое*

мнѣніе! — Не спору, что льпо имѣеть
 много приятностей: я не скучаю имъ;
 но зима восхищаетъ меня!!!!

1820.

В. Томилиньб.



ВЕЛИЧІЕ И БЛАГОСТЬ ТВОРЦА.

Изъ VIII Псалма .

Сколь имя Господа велико во вселенной!
 Онъ вѣчный Свой престолю надъ швердію
 вознесъ;
 Великъ онъ мудросью и силой безпредѣль-
 ной,
 Великъ онъ множеспвомъ чудесъ!

*

Младенцы кропкіе невинными усшами
 Тебѣ, Всевышній Царь, хваленія поюшь:
 Да посыдятся всѣ, порочные дѣлами,
 И ниць передъ шбой падушъ!

*

Ты изъ ничшожеспва извлекъ сей мірь чу-
 десный,
 Ты словомъ лишь однимъ палящій огонь из-
 лилъ,
 Раскинулъ, какъ шаперъ, огромный сводъ
 небесный,
 Водами землю окружилъ,

*

Главу высокихъ горъ одѣяль облаками,
 Покрыль лице полей цвѣтущей пеленой,
 Усыяль небеса блестящими звѣздами,
 Мракъ ночи освѣпилъ луной.

*

Что бранный человекъ, Господь мой, предъ
 побою!

Почто склоняешься съ величья Твоего—
 Почто любовію и благосыю святою
 Господь, низходишь до него?

*

Подобно Ангеламъ, побою сотвореннымъ,
 Ты увѣнчалъ его умомъ и красотою;
 Ты озарилъ его лучемъ Твоимъ безсмертнымъ:
 Онъ на землѣ есть образъ твой!

*

Поспавиль ны его владыкой всѣхъ живош-
 ныхъ,

И покорилъ ему шворенья рукъ швоихъ:
 Овецъ, пасущихся среди луговъ зелёныхъ,
 И дикихъ жителей лѣсныхъ—

И птицъ, которыя по воздуху лешающъ,
 Восходящъ къ облакамъ, вишающъ на ска-
 лахъ—

И рыбъ безчисленныхъ, которыя ныряющъ
 Въ бездонныхъ, шумныхъ глубинахъ!

*

Сколь имя Господа велико во вселенной!
 Хвалише Господа, Власшителя Царей:

Великъ онъ мудросью и силой безпредѣльной,
Великъ онъ благосью своей!

К.—Д.—Г.



ПАГУБНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ НЕПРИЗНАЮЩИХЪ БОГА.

Изъ XIII Псалма.

Безумецъ мнишь въ душѣ своей!
“Нѣшь Бога, нѣшь Творца людей,
На небомъ, ни землей никпо не управляетъ,,
Онъ, въ ярости своей, копье и мечъ оспришь
И спрѣлы ядомъ обливаешь;
На немъ гремишь желѣзный щипъ;
Убийствомъ веселясь въ душѣ своей неправой,
Какъ жадный шигръ, вокругъ онъ мещепъ
взоръ кровавой!

*

Господь Всевышній, Богъ боговъ!
Опецъ всѣхъ праведныхъ сыновъ,
Съ престола Твоего возри на земнородныхъ;
Въ ужасномъ мѣрѣ семъ свирѣпствуешь раз-
вращъ;
Въ пылу дѣяній беззаконныхъ
Они забышь Тебя спѣшашъ:
Разрушилъ человекъ, злодѣйствомъ ослѣплен-
ный,

Законъ, Твоей рукой въ сердцахъ запечат-
лѣнный!

*

Страну, любимую Тобой,
И Твой народъ, и Храмъ Святой,
Уже толпы враговъ ногами попирають,
Повсюду предъ собой бросають смерть и
страхъ:

Предъ ними вси исчезаютъ
И грады падаютъ во прахъ,
И мирныя поля, разцвѣпшія плодами,
Покрышы кровію и мерзевыми шѣлами!

*

Враги добра и алшарей,
Вы мните въ слѣпотѣ очей,
Что кровь невинная прольется безъ пощады,
Что вопли спраждущихъ разсѣются какъ
дымъ! —

Но се! доспойныя награды
Уже гошовапся и имъ:
Исчезнешъ, какъ мечпа, блаженство нечеспи-
выхъ,
И громы мщенія пробудятъ сонъ спропши-
выхъ!

*

Когда на судъ сзывая насъ,
Пробьешь время послѣдній часъ;
Свѣшь солнечныхъ лучей въ мракъ ноци
превратится,
Звукъ трубный плѣнными косями попрят-
сешъ,

Вселенна съ громомъ развалишя
 И вѣчность гробы опонрешъ —
 Чшо вы опвѣщшвуйше Творцу—въ сей день
 нежданный,
 Опвергшія Его, сердца неблагодарны? ...

К.—Д.—Г.

ттиттит

О ПЕРЕВОДАХЪ *)

(Окончаніе.)

(Продолженіе прилѣговъ на переводчиковъ - Латинянь)

Я думаю, что пошъ самый, кошорый во время Германской брани изъ нѣдръ Испаніи призывалъ себя, какъ вѣрнаго защитника державы, самъ предаваясь нѣгѣ и снѣдаясь зависію къ *туждымъ доблестямъ*, даже тогда, когда шребовалъ ихъ помощи; сей самый Государь не безъ страха нѣкогда ощутилъ такое къ шебѣ удивленіе, какимъ нѣкогда, по совершеніи тяжкихъ подвиговъ и исполненіи лютыхъ велѣній, непобѣдимый и неутомимый Иракль смущалъ Царя своего — Демиціанъ шрепешалъ, говорю, въ душѣ своей,

*) См. *Благонамѣреннѣй* 1899 года № XLI и XLII.

когда ты, совершая одни походы за другими, являлся всегда доспойнымъ новыхъ почестей.... Ты узналъ въ десятилѣтнихъ походахъ нравы народовъ, положеніе спрань, выгоды мѣстъ; привыкъ разныя перемѣны водъ и воздуха переѣсипшь, *подобно отечественнымъ истотникамъ, подобно отечественному солнцу* (1). Коликокрашно коней, коликокрашно обвѣпшавшіе доспѣхи перемѣняли ты!..—Какъ прияпно видѣшь *казнохранилище безмолвнымъ и спокойнымъ*, какимъ оно было прежде доносипелей! Нынѣ оно истинный храмъ, нынѣ истинное жилище бога, *неграбилище* гражданъ, не кровавыхъ добычъ хранилище *ужасное* (2); нынѣ во всей подсолнечной оно еспъ единое мѣсто, гдѣ въ царствованіе мудраго Государя добродѣпельный *неравенъ* съ злодѣемъ...—Самъ же ты съ какимъ дружеспвомъ *вспрѣчаешь*, съ какимъ (?) *ожидаешь* всѣхъ (3), и проч. и пр.

Или:

Сѣмени *павшу на землю*, оно разверзаеиъ
пихо,

(1) *Ut patrios fontes patriumque sidus, ferre consuevisti. Plin secundi panegyri.*

(2) *Non spoliarium civium, cruentarumque praedarum saevum receptaculum. Ibid.*

(3) *Ipse autem, ut excipis omnes! ut expectas! Ibid.*

Внуковъ нашихъ покрывъ общая тѣнью
 своею,
 Яблонь ошъ сѣмени взросшая, скоро приращивъ
 ныя свойства
 Позабываетъ, и сладкихъ плодовъ, одичавъ,
 не приноситъ. (4)

3.) На Галломановъ, кои пишутъ по-русски такъ, какъ въ блестящемъ кругу свѣта говорятъ наши модники и модницы, то есть: удерживая *фразологию* и вмѣшивая иногда слова и выражения *единственнаго, несравненнаго Французскаго языка*. Иногда, не выразумѣвъ смыслъ подлинника, или понявъ его не такъ, какъ понималъ сочинитель, они, такъ сказать, *передразниваютъ* се-го послѣдняго на Русскомъ языкѣ, что составляетъ особое украшеніе ихъ слога, извѣстное вообще подъ названіемъ *галлматъи*.

Примѣры:

Сей послѣдній былъ худъ и блѣденъ

(4) Iam quae seminibus jactis se sustulit
 arbos,
 Tarda venit, seris factura nepotibus umbram:
 Pomaeque degenerant, succos oblita priores.
 Virg. Georgic. L. II.

жалкии образи; но его физиономія и черты лица обнаруживали большой улы . . . Она имѣла къ слову: *геній*, и къ требованію на оный такое опвращеніе, которое доходило до ужаса.

Или:

Пространства и огня вамъ мало на земли (5).

Или:

Бѣдняжка задрожитъ тогда, какъ мертвый
листв.

Или:

А Эпиграма что?—почти *слово одно*,
Но только острое въ двѣ рѣмы включено (6)

Или:

Или злосчастнаго открывъ Ореста рокъ,
Веселье въ душу летѣ, изпоргнувъ слезъ по-
покъ (7).

(5) N'ayant sur l' horizon:

Ni feu ni lieu qui puisse alonger votre nom.

(6) L'Epigrame plus libre en son tour plus
borné

N'est souvent qu'un bon mot de deux rimes
orné.

(7) D'Oreste parricide exprima les alarmes,
Et pour nous divertir nous arracha des lar-
mes.

Или:

Героевъ, героинь напрасны изстуженья,
Коль не возбуждашь въ насъ *прелестна сожа-*
лбня.

Не нуженъ пышныхъ словъ блистательный
наборъ;

Мнѣ сердце холодить *цѣлый разговоръ* (8).

Или:

Играло сердце тамъ ошъ шума и вина,
И *лучшему пѣвцу*—одинъ козель—*цѣна* (9).

Или:

Стремится *устоять* въ гоненіи жестокомъ,
Располагая *мань* и въ будущемъ далекомъ (10).

Боимся наскучить нашимъ чина-
шелямъ дальнѣйшими выписками. Пе-
реводъ сей Поэмы естъ испинная па-

(8) Si d'un beau mouvement l'agréable fu-
reur,

Souvent ne nous remplit d'une douce terreur

On n'excite en notre âme une pitié charmante

En vain vous étalez une scène savante.

(9) La, le vin et la joie éveillant les esprits,

Du plus habile chanteur un bouc était le prix.

(10) Contre les coups du sort songe à se
maintenir

Et loin dans le présent regarde l'avenir.

родія подлинника. Французскій Стихотворецъ совѣтуешъ писать гладкими стихами—и Поэма его, видно для примѣра, переведена шероховатыми; онъ предостерегаетъ отъ словъ низкихъ и площадныхъ—а такихъ словъ вспрѣчаешъ понѣскольку на каждой страницѣ перевода. Хвала и честь переводчику, который постигъ, предузналъ нашу теорію переводовъ и постарался заблаговременно обогатить ее примѣрами.

4) На Тевшоно-Россовъ и Брипанороссовъ. Я подвожу подъ одну категорію оба сіи разряда переводчиковъ, по тому что переводы ихъ имѣють между собою какое-то романтическое сродство; и какъ поле сіе очень обширно и нынѣ весьма многими обрабатывается съ чудеснымъ успѣхомъ, то по долговременнымъ наблюденіямъ надъ произведеніями сего рода и по сличеніи оныхъ между собою, вывожу слѣдующія изъ нихъ правила, для пользы и употребленія желающихъ. Правила сіи вообще относятся къ стихотвореніямъ. Въ примѣрахъ не будетъ недосыпка: спишишь только развернушь любой изъ

стихотворныхъ переводовъ, копорыми нынѣ восхищаются. Я ограничусь весьма немногими.

а) Главное правило соспоишь въ томъ, что бы всякое стихотвореніе сего рода переводилъ размѣромъ подлинника, дабы не разрушить романтическую сладость стиховъ его. Правила введеннаго у насъ и приличнаго нашему языку стихосложенія здѣсь нисколько не должны быть принимаемы въ уваженіе. Разспановка словъ подлинника должна шакже въ семъ случаѣ спрого наблюдатья, наримѣрь (11):

Предъ звѣринцемъ своимъ,
Сраженъ звѣрей въ ожиданьи,
Сидѣль Францъ Король и за нимъ
Вельможи сидѣли въ молчаньи,
А кругомъ на балконѣ, *въ огахъ*
Съ нетерпѣніемъ зрѣлись придворныя жены
въ вѣнкахъ.

(11) Примѣръ сей есть превосходнѣйшій въ своемъ родѣ. Кто бы подумалъ, что эта дурная проза—*стихи*, если бы они не были написаны отдѣльными спроками и ограждены прописною буквою.

Вмигъ по Королевскому шупъ мановенью;
 Отперзлось звѣрей заключенье,
 И оснорожнымъ шагомъ
 Молча левъ выпуна шъ
 И просяжно зѣваетъ
 И гривой своей пошрясаешъ.

И снова ужъ поданъ знакъ Королемъ
 И растворилась въ мгновенье
 Вторая дверь —
 Быстро выпрыгнулъ шигръ, кровожаднымъ
 звѣрѣмъ

Изъ ней въ разъяренье;
 И льва онъ лишь шолько узрѣлъ,
 Диво взревѣлъ,
 И глазами сверкаетъ,
 И землю хвостомъ
 Бьетъ въ оспервенѣннн зломъ,
 И языкъ выспавляетъ,
 Какъ лезвее меча,
 И гнѣвно рыча,
 Льва ѳзираешъ —
 Попомъ къ споронъ онъ идешъ
 И шихо ложншя.

Король знакъ опяшъ подаетъ —
 И леопардовъ пара шспремншя
 Изъ раздвнгнушыхъ вращъ,
 Тѣ звѣри къ сраженню кнпашъ
 И на шигра лешашъ;

Тигръ острые когти на нихъ успрямляетъ;
 Вдругъ левъ,
 Издавши пронзительный ревъ,
 Поворошился —
 И всюду миръ воцарился,
 И ужасомъ зришеля все попрысались
 И люпыя звѣри въ кругу улеглись.

Тушь съ балкона упала
 Въ средину межъ пигромъ и львомъ
 Перчатка съ прелестной руки. — И сказала
 Съ насмѣшливымъ видомъ, взглянувши кругомъ,
 Кунигунда Делоржу Рыцарю: “таешь
 Если ты въ спрасши ко мнѣ, какъ въ томъ
 Всечасно меня увѣряешь,
 Любовь докажи мнѣ свою,
 Подними перчатку мою.,”

И скорыми Рыцарь шагами
 Въ средину чудовищъ идетъ,
 Наклоняется, смѣло перстами
 Перчатку береть.

И Рыцари и придворныя жены,
 Взирающъ со спрахомъ на шо, изумлены:
 Онъ перчатку приносиптъ назадъ.
 И клики хвалы ему всюду гремятъ.
 И его Кунигунда встрѣчаетъ
 Со спрасшью, горящей изъ ясныхъ очей.

Но Рыцарь перчатку въ лице ей бросаетъ—
 «Благодарности я не желаю твоей!»,
 И мгновенно ее оставляетъ.

б) Для достиженія совершеннаго успѣха въ такихъ переводахъ, надобно какъ можно чаще употреблять нѣкоторыя слова и выраженія, составляющія условныя красочныя сего рода Романтической Поэзіи. Таковы, на примѣръ: *таинственный, сладострастный, былое, туманная даль, молодая жизнь — глаза, не зря смотрящія — уста, безъ словъ говорящія — руки, развѣвающія персты, и* ш. п.

На примѣръ (19):

*И звѣздочка на небесахъ потухшихъ
 Затемлилась въ таинственномъ огнѣ,
 Озолопивъ лице полей, заснувшихъ
 Въ спорожевой покойной тишинѣ. (!!!)*

*

(19) Хотя это переводъ не съ Нѣмецкаго и не съ Англинскаго языковъ, но совершенно въ духѣ Романтической Поэзіи, какимъ отличаются переводы новой школы.

Я слышу шумъ межъ мрачными дубами,
 Украдкою вѣющійся въ етьвяхъ (?)
 Какъ иногда надъ сирыми гробами
 Вишаетъ тѣнь при мѣсячныхъ лучахъ.

*

Вдругъ спихло все ... и лучъ, какъ вѣстникъ
 тайный,
 Сорвавшійся съ тела звезды noctной,
 Слетѣлъ ко мнѣ, пришлецъ нежданный,
 Чшобъ усладить гонимаго судьбой.

.
 Иль ты слетѣлъ, чшо бы міровъ зажженныхъ
 Таинственность свяшую мнѣ раскрышь?

.
 Иль тайный гласъ влечетъ шебя къ несча-
 спнымъ
 Ихъ усладить, согрѣть въ ихъ сердцахъ хладъ?
 Иль ты блеспишь для нихъ по днямъ не-
 наспнымъ,
 Какъ въ вихрѣ бѣдъ надежды милый взглядъ?

*

Иль ты слетѣлъ, чшо бы душъ усталой
 Разоблатить грядущаго привѣтѣ? (???)
 О муть святой, не пыль, о госье бывалой,
 Не пыль зари желанной, вѣчной свѣшъ?

 Слешайпеса въ часъ, думамъ посвященный,
 Дарить меня бесѣдою нѣмой!

.

Когда заснетъ украдкой свѣта шумъ!

Слепайшеся ... но небеса ночныя

Заволоклись рядами мрачныхъ пучъ,

Туманъ съдой одѣлъ лѣса густые,

И скрылось все ... и обольститель луть!

Или:

А младенецъ?—въ маперинскомъ лонѣ

Онъ лежалъ въ припшой пишинѣ;

Въ розѣ упренней, въ младамб пюмб

Милый сынъ мой улыбался мнѣ.

Но улыбка мнѣ была ужасна,

Съ нею адъ вселялся весь въ мой духъ;

То въ любви я млѣла сладострастно,

То въ опчаяньи хладѣла вдругъ.

Слышу спукъ! по вѣспникъ смерти грозный!

Грудь горю! Духъ спѣснился въ ней

Слезы стражб убійства проливаешъ?

Ахъ! повязка, оти обложи!

с) Преимущесшвеннѣйшія достоинства сихъ переводовъ должны бытъ: безпорядокъ мыслей, таинсшвенность, запушанность и непоняшность.

Слѣдующія зашемъ правила соспоашъ въ почномъ и спарашельномъ со-

блюденіи пого, что показано въ §§: 2, 4, 5 и 7 общихъ правилъ для переводовъ рабскихъ.

5) На переводчиковъ *смишанныхъ*, копорые въ одномъ и томъ же сочиненіи употребляютъ по заимствованные изъ древнихъ языковъ, по Французскіе, Нѣмецкіе, Итальянскіе и Англинскіе обороты и выраженія. Читая ихъ переводы, невольно вспомнишь Вавилонское сполцошвореніе и Египетскую пьму, копорыя могутъ быть приняты за символъ ихъ совершенства.

Заключеніе.

Не всегда переводчикъ бываетъ одинаковъ съ начала до конца. Часто, въ одномъ и томъ же переводѣ, дѣлается онъ истиннымъ Пропеемъ, являясь попеременно по шворцемъ, по подражателемъ, по рабскимъ послѣдователемъ своего подлинника. Такая пестрота составляетъ нерѣдко существенное достоинство перевода, показывая читателямъ сколь разнообразны способы и дарованія переводчика.

Житель Выборгской стороны.

ПЛОВЕЦЪ *).

(Подражаніе Жуковскому.)

Въсперь дунуль, чолнь пуспился —
 По волнамъ лешипь спрѣлой;
 Берегъ родины сокрылся —
 Бездны моря подо мной —
 Даль шуманна... гдѣжь предѣлы?
 Назади знакомый брегъ!
 Въсперь дуешь въ парусь бѣлый —
 Кшо удержишь быспрый бѣгъ?

*

День угасъ, и сѣрой мглою
 Ночь одѣла бездны водъ;
 Впереди сѣдой горою
 Туча грозная всшасъ.
 Сердце вѣщее заныло,
 Вихорь буйный набѣжалъ,
 Сорвалъ парусь и кормило
 Раздробилъ свирѣпый валъ!

*

Взвыла буря и бросаешь
 Легкій чолнь мой по волнамъ:

*) Издашеть *Благ.* просипь досшавляшь къ нему и
 впередь шакіе хорошіе списхи. Для нихъ найдешь онъ
 всегда мѣсто въ своемъ Журналѣ.

То онъ въ бездны низпадаетъ,
 То взлещаетъ къ облакамъ.
 Лучъ надежды, ушѣпшитель!
 Ты въ душѣ моей погасъ!
 О спаси меня, Спаситель!
 Ошврати кончины часъ!

*

Горе мнѣ! оставя радость,
 Презря мирный опчій кровъ,
 И любви и дружбы сладость,
 И красы родныхъ береговъ —
 Я пустился дерзновенный
 Счастья ложнаго искашь.
 Берегъ родины, безцѣнный!
 Мнѣ тебя ужь не выдашь!...

Илецкая Защита.

Крюковъ.

11 Марта 1822.



ХОРОШЕ СТИХИ:

(Отрывокъ изъ моего Журнала.)

— Хотите ли слушать небольшую, превосходную пьесу? — говорилъ *N.* дядѣ своему Барону *B.*, держа въ рукахъ нѣсколько книжекъ въ голубой, красной и синей обверткахъ. — “Опячь какой нибудь разговоръ о *Полярной Звѣздѣ*, похвальныя стихи *друзьями-Поэтами*? — Ни то ни другое; но прекрасное подражаніе *Оссіану*, котораго сколько вы хвалите; я увѣренъ, что вы останетесь довольны. — “Посмотримъ!”, — *N.* раскрылъ четырнадцатый номеръ *Сына Отечества* и читалъ намъ стихотвореніе *Г. Мансурова: Умирающій Бардъ*. Мы слушали съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Сочинитель изображаетъ смерть юнаго Барда, котораго, будучи раненъ въ сраженіи, при кончинѣ проситъ со товарищей своихъ, въ послѣдній разъ воспѣшь ему славу опечесшва:

Да встрѣшишь смерть съ завидной славой
Да слышишь пѣснь про край родной!

Два пѣвца: Рино и Альпинъ, въ прекрасныхъ стихахъ воспѣвають славу Фингала; Оссіанъ, одушевленный пѣснями юныхъ пѣвцовъ, соединяетъ съ ними голосъ свой, и умирающей Бардъ, съ жадностію внимая ихъ пѣснямъ, угасаетъ.—Чистота языка, гармонія стиховъ и полноша карпинъ суть достоинства сего стихопворенія. — Баронъ два раза заставлялъ читателъ слѣдующее прекрасное изображеніе Фингала:

Недвижно море у береговъ,
 Чуть видно зыби содроганье,
 Чуть слышно дремлющихъ валовъ
 Въ заливѣ слабое плесканье.
 О море! одному ли мнѣ
 Ты *въ нѣгѣ беззаботной (?)* мило!
 Какъ любишь дневное свѣшало
 Въ швей прохладной глубинѣ
 Покоишься въ часы *свободы (?)!*
 Какъ любишь раннею зарей
 Смотрѣшься мѣсяць молодой
 Въ швои незаблемыя воды!
 Какъ любяшь дѣвы шайный *вупъ,*
 На брегъ швой скромный, молчаливый —
 Но только голосъ бури грянешь,
 Твоя исчезнешь тишина,
 И ошь прерывисшаго сна

Поверхность чудная воспрянешь!
 Ея послушавъ вѣщій вой,
 Сбѣгнутся волны - исполины!
 Одни, свирѣпою спопой
 Ударивши о дно пучины,
 Рванушся къ небу, и челомъ
 До раскаленныхъ шучь достигнуть!
 Ихъ жерла яркія задвигнуть
 И заглушатъ ихъ рѣзкій громъ!
 Другія, съ гибельнымъ спремленьемъ
 И воплемъ, бросившись на брегъ,
 Ознаменуютъ свой набѣгъ,
 Неопразимымъ разрушеньемъ!

Таковъ и ты, Комгаловъ сынъ!
 Какъ море—въ мирѣ ты прекрасенъ;
 Какъ море—въ гнѣвѣ ты ужасенъ,
 Когда съ сосѣдственныхъ долинъ
 Къ тебѣ кичливый врагъ придетъ!
 Но дрогнешъ сердце пришлеца,
 Когда онъ швоего лица
 Веселье грозное завидитъ!
 Въ немъ спихнешъ гордосшь пылкихъ дѣшъ,
 И онъ, спрашасъ неравной сѣчи,
 Заброситъ шяжкій щипъ за плечи
 И обратишь къ тебѣ хребешъ!

Вотъ это Поэзія! — говорилъ Баронъ—такіе спихи можно чипашъ съ удовольствіемъ. Слѣдующее изображеніе

спароспи также весьма ему понравив-
лось:

Какъ вешній ледъ на солнцѣ пашеъ,
Какъ вялый листъ съ дубравъ слепашеъ,
Такъ дни ошъ насъ бѣгушь толпой!
Уйдушь и въ спароспи глубокой,
Побѣдныхъ пѣсень звукъ высокой,
Не пронешъ нашъ холодный слухъ!
Тогда не всчупимъ въ бой кровавой,
Но будемъ жишь чужою славой,
И къ дѣшсцу перейдешъ нашъ духъ!

“Жаль, говорилъ Баронъ, что слѣ-
дующіе за симъ два стиха:

И шакъ, доколѣ съ нами младосшь,
Воземъ на нашу долю радость!

“И слабы и не въ духъ Оссіана. Эша
мысль прилична Горацию, а не Оссіану;
пришомъ же она весьма не ушѣщи-
тельна для юнаго умирающаго Барда,
кошорый просиль ихъ усладить пѣсня-
ми послѣднія его минушы. — Гораздо
приличнѣе было бы при семь случаѣ
упомянуть о безсмертіи души, кошо-
рая, по мнѣнію древнихъ Шотландцевъ,
слепашеъ въ видѣ легкой пѣни любо-
вашья башвами и веселишься пѣсня-

ми Бардовъ: не мѣшало бы также посвятить нѣсколько стиховъ и умирающему славолюбивому пѣвцу.,,

Окончаніе стихосворенія сего весьма удачно, вопль оно:

Такъ пѣли Барды — рѣснямъ ихъ
 Спрадалецъ съ жадностью внимая,
 Далеко отъ роднаго края,
 Угасъ на берегахъ чужихъ,
 И вокругъ холма, гдѣ прахъ героевъ
 И прахъ пѣвца ихъ — обрѣкли,
 Въ добычу вражеской земли,
 Склонясь на копыта сонмы воевъ,
 Стояли въ мрачной тишинѣ.
 Подобно роцямъ Гармадлара,
 Когда — подъ понкимъ слою пара —
 Онъ почіюшь при лунѣ.

«Прекрасно! прекрасно! повторялъ Баронъ — такихъ стиховъ давно уже не читалъ я въ *Сынъ Отечества*., — Я говорилъ вамъ, что это прелестная пѣса. — «Да, не уже ли она и тебѣ понравилась?», — Спранный вопросъ! Вы, кажется, отказываете мнѣ даже въ способности чувствовать красоты Поэзіи. — «Я не говорю этого; для меня чудно, какъ можешь человекъ, чувствующій

испипня красопы, восхипщась моднымъ вздоромъ, спихопвореніями безъ цѣли, безъ плана, купденами, копорые не знаешь какъ назавъ и копорые въ безпрерывной борбѣ шо съ Логикой, шо съ Грамматикой., — Вы спипкомъ нападаете на мѣлкія спихопворенія; эти бездѣлки, копорыя вамъ шакъ не нравятся, могутъ бышь превосходны въ своемъ родѣ. — “Сомнѣваюсь; но положимъ, что и шакъ — положимъ, что эти лоскушки, эти часпицы *тегд-то* и дѣспивипшельно прекрасны; но спояшь ли они шого, что бы ихъ печашапъ, наводняпъ ими Липшперашуру? Сравнимъ Поэзію съ Живописью. Почему шы вмѣсто прекрасныхъ головокъ, развѣшанныхъ у тебя по спѣнамъ, не украсишь кабинета своего прекрасными носами, зубами, глазами, ушами, и проч. Знаешь ли, что я думаю о вашихъ романшическихъ бездѣлкахъ? Мнѣ кажешя, что вы пишете ихъ пошому, что не можете написатъ ничего лучшаго; скажи, какой живописецъ станешъ заниматся изображеніемъ ногвей, пальцевъ и проч.; когда онъ въ соспояніи соеди-

нѣтъ сѣи частн въ одно прекрасное цѣ-
 лое? Не уже ли ты думаешь, что Дер-
 жавинъ, Озеровъ, Дмитріевъ, Крыловъ
 и другіе извѣстные наши Поэты не мог-
 ли писать романтическихъ вашихъ без-
 дѣлокъ *)? Однако же они не занимались
 ими; ибо чувствовали себя выше. Въ
 Одахъ Державина есть много такихъ
 спрофъ, которыя будучи опдѣлены, со-
 ставили бы сами по себѣ нѣсколько
 прекрасныхъ небольшихъ стихотвор-
 еній; но Державинъ не печаталъ ихъ
 опдѣльно; а изъ прекрасныхъ частей
 составлялъ прекрасное цѣлое. Онъ знаетъ,
 что каршины и чувствованія, набросан-
 ныя безъ примѣненій, не дѣлають на
 насъ впечатлѣнія; они скользятъ, какъ
 сказашъ, въ душѣ читателя, не попря-
 сая оной. Если мы осуждаемъ людей,
 говорящихъ безъ связи, безъ цѣли: то
 что же должны сказать о стихотвор-
 цахъ, которые пишутъ такимъ обра-
 зомъ?,,

*) По прочтеніи которыхъ всегда почти
 надобно спросить: кто усопшій?

— Я не расположенъ сегодня спорить, сказала N., и въ доказательство этого прочту вамъ стихи, копорые, говоряшь прошивъ меня же. Раскрыль четвертый нумерь *Соревнователя Провсвщенія* и читайль *Посланіе къ Людмилу*, соч. Г. Загоскина. Сочинитель даешъ въ ономъ совѣшь другу своему перешашь писать Комедіи и заняшья моднымъ родомъ стихопвореній, хвадишь друзей-Поэзовъ, вино, любовь, и проч. Посланіе сіе писано хорошими стихами и чистымъ языкомъ. Сочинитель, будучи самъ драматическимъ писателемъ, весьма удачно изобразиль безпокойства и неприятности, копорымъ подвергаюся сочинители Комедій. — Многіе стихи опличаюся оспрошю, рѣзкостію и вѣрностію изображеній. Таковы описаніе суебы предъ начашіемъ представленія, безпокойство во время самой игры и вызовъ Авшора. Выпишу послѣднее.

Но вотъ ужъ наспуилъ желанный часъ
награды;
Могущество свое доказывашъ любя,

Паршеръ шумишь, кричишь и пребуешь
тебя,

Всѣ эти вызовы между собой похожи:
Съ приличной скромностью, согнувшись
весь въ кольцо,

Приятелямъ своимъ покажешь шы изъ ложи,
Давно уже для нихъ знакомое лицо.

Болѣ всего понравилось Барову
окончаніе сего Посланія. Вопшь оно:

Людмилъ! оставь сей трудъ неблагодар-
ный!

Коль славнымъ хочешь бышь, спунай инымъ
пушемъ!

Извѣстность не всегда подруга дарованья:
Будь Лирикомъ, мой другъ! примись ка за
посланья,

Писателей-друзей хвалишь не усавай!

Хорошихъ попому, чшо ихъ хвалишь не
спыдно;

Дурныхъ же для шого, чшобъ не было обид-
но;

Описывай пиры. а чаще ихъ давай;

А такъ, какъ здравый смыслъ давно уже не
въ модѣ,

То можешь иногда пишашь и въ мрачномъ
родѣ:

Поймутъ шебя, иль нѣшь...чшо нужды все
равно!

А лучше и того, пѣвецъ любви счастливой,
Воспой прелестный взглядъ Лаисы прихотливой,
ливой,

Забавы юности, безпечность и вино. —

“Да эпо, скажешь ты: не новые предметы:
“Въ семь родѣ естъ давно отличные Поэты.,,
ты.,,

Опъ нихъ-шо и живись! Гражданскія права
Не значашъ ничего въ Республикѣ словесной:
Таланпъ украсишь нельзя, шакъ выкради слова.
ва.

Леши во слѣдъ мечпы — *крылатой* и прелестной,
лестной,

Всѣ сны *волшебные* чувствительной души,

И *нѣги* празднои сонѣ описывай *въ тиши*;

Оплачь поперю дней, въ чужбинѣ проведенныхъ,
ныхъ,

Кипящей младости опцвѣпшіе года,

Короче: модныхъ словъ, *шаланшомъ* освященныхъ,
щенныхъ,

Будь полнымъ словаремъ — описывай всегда

Души разштерзанной всѣ бури и ненастья,

Цвѣтѣ жизни молодой, *грядущаго* обѣтѣ

Бывальья мечты, а пуще *сладострасть*е:

Безъ этого словца въ стихахъ спасенья
нѣшъ.

Хопъ эпо все старо — не спорю я ни мало;

За шо Людмилъ — чернилъ лишь только бы
дошало;

А шо, мой другъ, пиши! Стихи швои жестки?

Не бойся ничего! друзья найдутьъ въ нихъ
 силу,
 Разбавлены водой? Такъ чшожь? они легки!
 Ошибки всѣ просящъ богатому Людмилу,
 Шампанскимъ кшо поишь, шого никшо не
 шронь!
 Нѣшь смыслу наконецъ—за шо какой огонь!—
 И словомъ шы рожденъ писашелемъ чудес-
 нымъ!
 Ты долженъ славнымъ бышь, шы долженъ
 бышь извѣстнымъ!
 Сшихамъ швоимъ гремишь повсюду по-
 хвала;
 И вскорѣ, можешъ бышь, безъ всякихъ за-
 шрудненій,
 По милосши друзей и сышнаго шшала,
 Ты будешъ все—шаланшь, Поэшь, и даже
 Геній!

“Спасибо, говорилъ Баронъ: спаси-
 бо Е. Загоскину! Посланіе его какъ по
 мыслямъ, шакъ и по сшихамъ, очень мнѣ
 нравится. Ну, видишь ли, не одинъ я
 думаю, чшо вы пишете вздоръ; вошь
 вашъ же брашь сшихопворецъ и не въ
 шесшдесять лѣшь, а шо же говоришь
 Правду сказашь . . . ,

—Вы совсемъ ограбили меня, ска-
 зала Баронесса, вошедши къ намъ: за-

брали всѣ журналы, всѣ газетны! Хотя бы *Инвалида* оставили мнѣ. Не правда ли, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: не правда ли, что послѣдняя *Шарада* очень мила? — “Превосходна!”, отвѣчалъ Баронъ.—А ты читалъ ее, другъ мой?— “Нѣтъ, да это все равно; вѣдь уже вѣрно: мой первый слогъ—предлогъ; второе въ азбукѣ....—Ну, бабюшка! вѣдь не всѣ же могушь писать Трагедіи да Комедіи. — “Правда! за то можно ничего не пишешь: это отъ насъ зависишь...—Твоя страсть спорить! (обращаясь ко мнѣ) Не хочише ли сыграть грандъпасьянса? — Съ удовольствіемъ! — И мы съли раскладывать карты.—“Куда какая веселая игра!”, сказалъ Баронъ, закурилъ трубку и началъ перелистывать журналы.

Житель Васильевскаго Острова



ВЪ АЛЬБОМЪ А. В. Т—ВОЙ.

Ты комплиментовъ не велѣла,
Дорида, въ свой альбомъ пишешь;
Ты лести слушаешь не хотѣла —
Такъ правду я рѣшусь сказать.

Не думаешь ли, что приятно
Мнѣ въ обществѣ своемъ бывать?
Сказалъ ли правду?—Многократно
Мнѣ въ немъ хошѣлось сильно спать.

Въ своемъ бывалъ я часто домъ:
Прилизие виной пому;
Я разхвалилъ себя въ альбомѣ —
И ты повѣрила сему!

Твой разумъ вовсе не прельщаетъ;
Любезность, вкусъ не восхищаетъ;
Ты милой переспала слышь —
Ссылаюся я въ помъ на Леля.

Прошу однако не забыть,
Что нынчѣ первое Апрѣля.

Калуга, 1 Апрѣля.

Н. К.—тб.

~~~~~

ГДѢ ТЫ.

Гдѣ ты—шамъ мысль моя лешаетъ,  
Туда стремятся всѣ мечты —  
И сердце шамъ лишь бышь желаетъ,  
Гдѣ ты.

«

Гдѣ ты—шамъ самый день свѣщлѣе;

Миръ половъ райской красоты;  
забавы, радости живѣ

Гдѣ ты.

\*

Гдѣ ты — шамъ въ сладкомъ чувствѣ заб-  
веньи

Не вижу время долгопы —  
И знаю шамъ лишь наслажденьи,

Гдѣ ты.

Калуга.

М. т. к. н.

~~~~~

БАСНИ.

1. Дубъ и Хмѣль.

Дубъ гордо возвышался
Въ могучей силѣ вѣковой;
Къ нему прильнувши, обвивался,
Хмѣль гибкой; молодой;

И шакъ сказалъ: “гордецъ! ты ослѣпленъ
мечшою;

Въ швоемъ величьи славы нѣшь:
Ты возвышаешься спо лѣшь;
А я — родившися весною,
Уже равняюся съ шобою,,
—Одной лишь выщиною! —

Ему Дубъ отвѣчалъ
И замолчалъ.

*

Вошь Басни изъясненье,
 Чшо безъ доспоинспва не славно возвышенье,

Ев . . . Т . . . ев.

2. Богатый и Бѣдный.

“Какой невѣжа ты, Евсей!
 —Такъ говорилъ Богачъ Евсею—
 Какъ далъ ты пятьдесять рублей
 Послѣднѣе на лошерею!
 Вѣдь эшо, братецъ, все равно,
 Чшо бросишь ихъ въ Неву на дно
 Невы деньгами не запрудишь!
 Когда умнѣй, Евсей, ты будешь?
 Ужь по-по вы мнѣ, бѣдняки,
 Всегда на счастье кричите;
 Анъ какъ посмотришь—дураки,
 Вы сами денегъ не хошите!,, —
 На сей привѣшь,

Сказаль Евсей Богачому въ отвѣшь:
 Пожалуй, вы меня считаите за невѣжду;
 А я купиль себѣ—надежду.

М с л в т ь.

~~~~~

КЪ Д. М. С.

Давно ли весною  
 Все жизнью цвѣло?

Но время съ собою  
 Красы унесло!  
 Гдѣ роза алѣла,  
 Тамъ иней сѣдой;  
 Зима шамъ возсѣла  
 На пронѣ ледяной.  
 Весна возвраишся,  
 Цвѣшы расцвѣшущъ,  
 И все оживишся,  
 Дни Майски придушъ;  
 Но мы ужъ съ шобою,  
 Мой другъ, опцвѣли,  
 И съ нашей весною  
 Мечшы прошекли,  
 Кошорыми къ счастью  
 Мы въ жизни неслись;  
 Обманушы спрасшью,  
 Въ погибель влеклись.  
 Упихло волненье  
 Въ насъ бурныхъ спрасшей;  
 Но гдѣжь наслажденье  
 Сихъ опыша дней?  
 Ахъ! знашь все съ собою  
 Взяль Лель золошой  
 И спаль къ намъ спиною  
 Съ улыбкою злой!  
 Въ любви мы увяли,  
 Но дружбой цвѣшемъ;  
 Чрезъ опышь узнали:  
 Въ ней счастье найдемъ.

Почтожь намъ заранѣ  
 Душой унывать?  
 Умѣривъ желанье,  
 Не станемъ спрдашь.  
 Богатство и слава  
 Ужь насъ не прельспишь.  
 Въ нихъ сладка оправа  
 Лишь юности льспишь.  
 Мы преплыли море  
 Жишейскихъ спраспей,  
 И радость и горе  
 Мы въ жизни своей,  
 Все, все испытали!  
 Измѣны друзей!  
 И жершвой бывали  
 Коваршва людей.  
 Намъ полно скипашься,  
 Оконченъ нашъ пушь;  
 Пора наслаждашься,  
 Пора опдохнуть.  
 Приди же скорѣ  
 Въ мой шихій приюшь:  
 Тамъ дружба, веселье,  
 Мой другъ! тебя ждушъ.

*Гавриловъ Посадъ.*

*Ес . . . Т—сб.*



## ЗАПИСКИ МОСКВИЧА.

29 Января 1823.

Охопа пуще неводи! Я успаль, какъ поденыцикъ; желаль бы поскорѣе опдохнуть на мягкой постелѣ: но долженъ писать свой Журналь! Такъ у меня заведено!

Пересмаприваю свои прошедшія записки, и не нахожу дня, въ которомъ бы я спрадалъ болѣе нынѣшняго.

По обыкновенію, выпивъ чашку кофе, иду бродить по улицамъ и переулкамъ. Вдругъ слышу крикъ: *стой, стой!* Остановливаешься кареша и изъ нее выскакиваетъ Пуспяковъ—Пуспяковъ мой давнишній знакомецъ, богатый помещикъ, живущій по зимамъ въ Москвѣ.—“Здравствуйте, почтеннѣйшій! А я все къ вамъ собирался! Привѣхаль въ Москву еще въ Декабрѣ...Жена моя неперпѣливо желаетъ васъ видѣть...Не угодно ли со мною въ карешу? Сдѣлайте милость! Вы насъ много обяжете!...,—Жершвую своею прогулкою...сажусь въ карешу—и мы въ его домъ! Дорогой узнаю, что онъ при-

ѣхаль въ Москву закладывашь имѣніе, что спаршая дочь его выходишь замужь, а сынъ произведенъ въ Корнетшы.

Въ госпиной, на огромномъ диванѣ сидѣла хозяйка и выкладывала на счешахъ издержки за шовары, набранные на Кузнецкомъ мосшу. У окна сидѣли невѣспа и женихъ—въ углу, сынъ и человекъ семь молодыхъ людей, громко разговаривали — кажешся, о погодѣ. Мое появленіе распроило порядокъ. Хозяйка шоропливо поднялась со своего дивана—и чепцы и блонды попадали на полъ — женихъ съ невѣспой разошлись по споронамъ. Молодые люди спали въ одну линію. Хозяинъ, проводя меня до госпиной — скрылся въ свой кабинетъ.

“Какъ я рада, что вижу васъ! говоришь хозяйка—Садилесь, садилесь!..Здоровы ли вы? Аннушка! вели подашь водку и закуску! А я, въ хлопошахъ! У насъ свадьба!..—Слышаль, сударыня! — “Вопшь все ѣздила по мадамамъ! Присшупу нѣшь! Все дорого!..Чтожъ водки-шо, Аннушка!

Аннушка между шемъ сидѣла уже опяшь подлѣ жениха, а молодые люди ушли въ заль.

Женихъ—опшпавный Подпоручикъ—  
 мужчина видный и съ спрашными уса-  
 ми (хотя служилъ въ пѣхотѣ, и по съ  
 небольшимъ два года). Всѣ прочіе моло-  
 дые люди, которыхъ я пушъ же нашель,  
 были спашскіе; но всѣ съ усами! Въ  
 Москвѣ шеперь усы необходимы для по-  
 рядочнаго молодаго человѣка; а попому  
 всякой Региспраторъ, Конпорщикъ,  
 Сидѣлецъ — съ усами! Съ усами непре-  
 мѣнно! Невѣспы прямо отказывающъ  
 женихамъ безъ усовъ! Послушайте, что  
 рассказываетъ сама маминька: “Аннуш-  
 ка моя, сама нашла своего суженаго \*)!  
 Судьба! всему судьба \*\*)! Мы и неслы-  
 хивали про Карпа Ивановича (женихъ)  
 Она увидѣла его въ собраніи — попомъ  
 спалъ онъ ѣздишъ мимо нашихъ оконъ  
 — разъ десятиъ въ день! Попомъ позна-  
 комился въ театръ съ моимъ Сидоромъ  
 Сидоровичемъ! Приѣхалъ къ намъ — Ан-  
 нушка влюбилась въ усы—вошъ и все!,,  
 (И въ самомъ дѣлѣ—кромѣ усовъ и

---

\*) Умница! Изд. Бл.

\*\*) Судьба, судьба всему виною!

и долговъ, женихъ ничего болѣе не имѣлъ! Ничего не зналъ!..Ничему не учился!)

Потомъ словоохотная хозяйка рассказала мнѣ о своихъ деревенскихъ занятіяхъ, о сосѣдяхъ и наконецъ заключила съ важнымъ видомъ: “да вѣдь вы не видали еще мою Машиньку (младшая дочь). Она уже прешій годъ училась здѣсь у Мамы Гавопы. Сегодня у нихъ танцы...Не ходите ли съ нами? Посмотрите Машиньку!..Мы васъ уже не опустимъ никуда!..Послѣ обѣда поѣдемъ-ше на бѣгъ—а послѣ въ театръ..”

Я согласился на все—меня подспрыскало любопытство прожить день по Пущыяковски.

Явилась закуска — явился и Сидоръ Сидоровичъ...Другой разговоръ: объ Опекунскомъ Совѣтѣ, о закладахъ, о процентахъ — однимъ словомъ, до самаго обѣда, т. е. до двухъ часовъ, я долженъ былъ терпѣливо слушать рассказы или о деньгахъ и займахъ, или о приданомъ и дороговизнѣ...и слушать, да не сходя со стула.

Сѣли за столъ. “Ахъ, Боже мой! закричала хозяйка: насъ тринадцать!

Ванюша! выдь! (сынѣ) выдь поскорѣ!., — Ванюша, Корнепъ Уланской, спаль-было доказывать маминькѣ, что эша пустая, несправедливая примѣна... “Вздоръ, сударь, вздоръ! вскричала мать: выдь изъ за стола! Нечего Философію — почитать! Видишь, вы учены слишкомъ спали!., — Ванюша поправиль усы и съ молодецкою улыбкою переспавиль свой стулъ къ маленькому столику.

Разумѣется — послѣ этого начался разговоръ о *приливѣтахъ*. Какъ хозяинъ, такъ и хозяйка вѣряпъ всему опъ души! Но по мнѣ лучше сидѣпъ за столомъ шринадцати, чемъ кормишь госпей сущенымъ зайцемъ и гусемъ, рубцами — бараниной, начиненной кашей, и поишь Сенжюльенемъ Московской работы и Шампанскимъ Росповской фабрики \*).

Мнѣ очень хошѣлось поѣспъ чего нибудь — но охота пропала при видѣ грязной скаперши и масляныхъ салфе-

---

\*) Въ Москвѣ такое Шампанское въ большомъ употребленіи, и продается подъ скромнымъ названіемъ: *Полушампанское!*

шокъ—а сушеные гуси и баранина во возбуждающъ аппетита.

Голодный вспаль я изъ заспола, но измученный отъ непрерывнаго подучиванья моихъ провинціаловъ. Послѣ спола подали—ячменный кофе.—Они пьютъ его для здоровья — попомъ наливки.— И всякая наливка лѣкарспвенная, по словамъ хозяйки... Та помогаетъ отъ боли въ груди, другая отъ водяной, претья отъ ревматизма...и каждая, пьянѣ всякой водки.

Напрасно спарался я уговорить моихъ провинціаловъ не лишашъ себя удовольствія спашъ послѣ обѣда: они, въ знакъ опмѣннаго своего благорасположенія ко мнѣ, пожертвовали припшой привычкой и предложили боспощь.

Каршцы прекрасная выдумка! Благодаря имъ, я всегда уживался съ невѣждами и дураками! Благодаря имъ, я часшо не слыщу вздора и сплешней! И спеперь съ радостью взялъ каршу. Съли: хозяинъ, хозяйка, женихъ и я. Мы сыиграли шолько одинъ кругъ, какъ невѣста прибѣжала къ намъ въ огромной шляпѣ съ пребольшими перьями, и въ бархаш-

номъ капопѣ. “Маминька! все гоцово! Пора ѣхать набѣгъ!”, — Въ самомъ дѣлѣ пора, сказала маминька: мы кончимъ боспонь въ другое время!—Подали чешверомѣспныя сани—цугомъ \*)! Хозяинъ не поѣхалъ.—Приѣзжаемъ къ каменному мосту.— и мы въ ряду. Тысячи народа полпились на Москвѣ рѣкѣ и по набережной. Экипажи шянулись въ нѣскольکو рядовъ. Жандармы и Козаки суешились между ними, какъ на пожарѣ.

Невѣста не занималась гуляньемъ—она безпресшанно или смопрѣла на усы своего друга, или говорила съ нимъ: за шо маминька не успавала дѣлать замѣчанія на экипажи и шляпки—а встрѣшясь съ знакомыми, кланялась и головой и руками и разговаривала, какъ у себя дома. Въ эпошъ разъ, въ самомъ дѣлѣ, было большое гулянье, хошя мало хорошихъ экипажей. По большой части, шарыя, грязныя карешы, урод-

---

\*) Въ Москвѣ очень не рѣдко встрѣшише сани, копорыя можно свезши одной лошади, заложенныя чешверкою, или въ шестѣ лошадей съ двумя форейшорами.

ливья коляски и сани: Избранная молодежь гуляла верхомъ, или пѣшкомъ но не по набережной, а между рядами экипажей. Всѣ съ усами—въ венгеркахъ, въ желтыхъ фуражкахъ, и съ лорнетами.

Прямо съ гулянья въ Пансіонъ къ Машинькѣ. Я удивился огромному зданію, въ которомъ Француженка просвѣщаетъ Русскихъ дѣвицъ..Какое великолѣпіе! Какая богатая мебель! Я думалъ, что вмѣсто Пансіона насъ привезли къ какому нибудь Вельможѣ, или опкущику. Но это точно былъ Пансіонъ Мадамъ Гавотъ.

Съ гордымъ, шоржеспвеннымъ лицомъ вступаетъ моя Провинціалка въ танцовальный залъ — Мадамъ встречаетъ ее — сажаетъ — начинаешь громкую похвалу Машинькѣ... Машинька только что кончила мазурку, запыхавшись прибѣгаетъ къ маминькѣ... поцѣлуй, объятія... Заиграли Копильонъ, и Машинька побѣжала къ своей партнерѣ Танцмейстеръ хлопочетъ, бѣгаетъ, кричишь, бьешь въ ладоши. Все прыгаетъ и верпшся. Мадамъ расхаживаетъ крѣ



гомъ шанцюющихъ—подходишь къ роди-  
 шелямъ—хваляшь успѣхи малюшюкъ. Я  
 удалился въ другой конецъ залы и сѣлъ...  
 Вдругъ музыка пересшааетъ—шанцюющіе  
 сполнились—крикъ—около моей про-  
 винціалки кружокъ. Иду узнать причи-  
 ну такой внезапной перемѣны — и на-  
 конецъ узнаю, что моя Матрена Савиш-  
 на обижена, страшно обижена!.. Танц-  
 мейстеръ взялъ за руку Машиньку и  
 закричалъ на нее, что она дѣлаешь не  
 шѣ па! — Матрена Савишна не вышор-  
 пѣла—вскочила съ кресель и прямо къ  
 Танцмейстеру. “Какъ смѣешь ты, нѣм-  
 чурка, обращаться такъ съ благородны-  
 ми дѣшми? Мадамъ! сей часъ откажи  
 ему отъ Пансіона — не то я беру отъ  
 тебя Машиньку \*)!”, — Танцмейстеръ рас-  
 шаркивался, Мадамъ начала извиняшь  
 Танцмейстера—“А такъ ты, машушка  
 съ нимъ заодно! Такъ мнѣ и себя не на-  
 добно! Гдѣ эшо видано, такъ обращаешь-

---

\*) Гдѣ говоришь Матрена Савишна,  
 памъ я употребляю собственныя ея слова и  
 изрѣченія. Я не виновать, если они слиш-  
 комъ выразишельны!

ся съ дворянскими дѣшьями? Да знаешь ли ты, что мой отецъ былъ *Енаралъ*, а дядя Губернашоръ!.. Нѣшь! нѣшь: сей часъ беру Машиньку! прощай, мадамъ!.. Машинька! пойдемъ!,,..и Машинька слѣдуетъ за машерью, а я за женихомъ, а женихъ за Аннушкой...и до самой кварширы Машрена Савишна не устала бранить мадамъ и Танцмейстера. Я слушалъ ее съ восхищеніемъ и радовался ея патриотизму и благородной гордости.

Прошло шесть часовъ съ половиной, и мы отправились въ театръ. Сидоръ Сидоровичъ, оспрашный любитель драматическаго искусства, поѣхалъ туда еще въ пять часовъ. Я Московскій житель, но рѣдко бываю въ театрѣ—по многимъ причинамъ: и потому что не могу принудить себя удивляться Актеру для того только, что онъ ученикъ знаменитаго чтеца; и потому что не люблю пристрастия, а здѣсь у всякаго знамока свой фаворитъ Актеръ.—Но для Машрены Савишны я поѣхалъ въ театръ, будучи твердо увѣренъ, что ея ложа позабавитъ меня болѣе всѣхъ актеровъ на свѣтѣ.

Давали Ифигенію въ Авлидѣ и Водевиль: *Деревенскій Философъ*. Скажу къ чести Гжи Клишемнеспры, что она довольно удачно дразнишь неподражаемую Петербургскую Клишемнеспру; о прочихъ Аксприсахъ и Акперахъ нечего сказать. Приходящъ, уходящъ, говорящъ, молчащъ...или кричащъ, вздыхающъ, спонушъ, крипящъ—а имъ аплодируютъ!—особенно Эрифилъ, потому только, что она молода—и Ахиллесу потому только, что онъ коверкается и кричитъ безъ пощады. По окончаніи Трагедіи, вызвали всѣхъ Акперовъ и Акприсъ.

Помомъ видѣли мы Комедію-Водевиль: *Деревенскій Философъ*. Мои Пущяковы перпѣшь не могутъ никакихъ философовъ, а пошому и хохотали безъ умолку, когда рассказывали на сценѣ, что эпощъ деревенскій философъ ужъ пущкай былъ бы онъ теловѣкъ, а то животное—и пошомъ на распѣвъ:

И хощъ даже не Ассессоръ,  
Но Полишки Профессоръ  
И ужасный философъ!!!

А Сидору Сидоровичу и очень понравилась эша піэса. Можешь бышь и потому, что онъ до службы не охопникъ; а шупь онъ видѣлъ передъ глазами, какъ одурачили человѣка, который хошѣлъ служить и который жерпвовалъ богапой невѣспой и спокойною жизнью, когда ему сказали: *отество васъ призываетъ*.

Наконецъ спектакль кончился! Новая бѣда — я долженъ ѣхать оняшь къ Пуспяковымъ и доиграшь боспонъ. Никакія опговорки не смягчили моихъ пирановъ — и меня принудили ѣхать и играшь въ карпы, и бышь свидѣшелемъ ужина, пошому что я продолжалъ поспишься и съ почпеніемъ ошказывался ошь гусей и ошь рубцовъ.

И вошь — шеперь уже четшвертаго половина — я дома.

Журналь написанъ — пора спать!

Москвитѣ.

(Продолженіе обѣщано.)

## ГРОЗНЫЙ ПРИГОВОРЪ \*)

(Отрывокъ изъ моего Журнала.)

Вчера, гуляя по Невскому проспекту съ прияшедемъ моимъ А . . . , зашли мы въ кандипорскую прочишашъ послѣдній нумеръ Сына Отечества. Пробъ-

\*) Отрывокъ сей доставленъ Издашелю при слѣдующей запискѣ: “Боѣ вамъ судья, М. Г. , вы вооружили противъ меня людей, кошорые безъ вашего журнала можешъ бышь когда нибудь были бы моими прияшедами, или по крайней мѣрѣ не бранили бы меня, не зная, сущешвую ли я въ семь мѣрѣ. А шеперь! . . и всему злу причиною Благонамѣреннѣй! — Вы, господа журналисты, гоповы забавляшъ чишашелей всѣми средспвами; да каково-шо шѣмъ, на чей счетъ забавляете? Каково напрымѣръ было мѣ слышашъ собешвенными ушами грозный приговоръ не полько лишперашурнымъ бездѣлкамъ моимъ, но и самому сочинишелю. Правду сказашь, дошавалось и вамъ, да и подѣломъ! не печашайте моихъ бездѣлокъ. “Но чшо все это значишь?,, спросите вы. — Прочишите прилагаемый присемъ отрывокъ и вы узнаете.  
Ж. В. О.

жавъ нѣкошорыя піэсы, подошли къ окну и глядѣли на толпу народа, кошорый спѣшилъ пользоваться краснымъ днемъ. Два человекъ, споявшіе у самаго окна, обрапили на себя наше вниманіе. Одинъ изъ нихъ былъ средняго роста, нѣсколько худощавъ, но довольно благообразенъ, съ небольшими темнорусыми бакенбардами; фізіогномія его казалась крошкой, но принужденною. Другой, такого же почти роста, но поплечисше, и волосы имѣлъ нѣсколько свѣлше; полное, широкое лице его украшалось вдѣшными на насъ серебрянными очками; въ одной рукѣ держалъ онъ палку, въ другой книгу. — Судя по ихъ бровямъ, безпрестанно движущимся по вверху, по внизу, по ихъ фізіогноміи и жестамъ, заключили мы, что они говорятъ о чемъ нибудь важномъ. — “Эшо судья и просишель!”, сказала я. — Нѣшь, опшвѣчалъ А.: они не шакъ смошряшь. — “Ну шакъ должникъ и займодавецъ.”, — И въ эшомъ сомнѣваюсь. Знаешь ли кто? Я госповъ держашъ пари, что эшо романшическіе писатели! — Между темъ, какъ мы продолжали дѣлать наши до-

гадки, колокольчикъ зазвенѣлъ, дверь хлопнула и они, разговаривая съ жаромъ, вошли въ ту самую комнату, гдѣ мы сидѣли.

“Эпо: совершенное невѣжество, говорилъ одинъ: глупость, которой нельзя чипашь безъ оскорбленія!.,

— Не понимаю, прибавилъ другой: какъ эпошъ *толстый* \*) Издашель печатаетъ подобныя вещи! (*бросивъ на столъ книгу*) Эпо показываетъ совершенное отсутствіе вкуса и *бѣдность на піэсы* \*\*).

\*) Дѣйствительно *толстѣ*! Правда, совершенная правда! *Изд. Благ.*

\*\* ) По крайней мѣрѣ эпо неправда: сколько у меня оригинальных писемъ къ Издашелю, посланій къ друзьямъ, романтическихъ спшишковъ, эпихъ лишшерашурныхъ *ушковѣ*, *носковѣ*, *глазокѣ*. Каковы, напримѣръ, эши спшишки?

### *Путникѣ.*

Пожелно-вязкому, сыпучему песку,  
Межъ камней и спреминнѣ, надъ дремлющей-рѣкою,  
Усталый путникъ шель излучистой пропою-

Онъ горестъ сердца и шоску

Души безоблачной, кипящей

Мечпой былого удволяъ;

*Первый.* И такъ думають въ сподлицѣ и въ девятнадцатомъ сполѣтїи! О невѣжество!

При сихъ словахъ онъ сжалъ кулакъ и изо всей силы ударилъ по несчастной книжкѣ.

“Сей часъ!”, раздался голосъ въ прихожей и вслѣдъ зашемъ вошелъ мальчикъ съ вопросомъ: *кто прикажете?*

*Перв.* Мы не звали тебя, однако же къ спаши—дай намъ шоколаду.

*Вторый.* Жаль, что недосугъ мнѣ, а ужъ ондѣлалъ бы я эпошъ нумерь.

*Перв.* Да вопъ я примусь за него на будущей недѣлѣ. Не знаю только куда отослать аншикрипику. Думаю въ *Вѣстникѣ Европы.*

*Вт.* Помилуй! развѣ ты забылъ, что Редакторъ его прошивъ романтическихъ писателей и считаешь святопапшш-

---

И блѣдный ликъ его, на зыблхъ водѣ дрожащій,  
Какъ шѣнь усоншаго во глубинѣ мелькаль.

Исчезли звѣзды съ темною,  
Лучъ солнца по горамъ скользитъ,  
И посохъ сираника надъ впрянувшей рѣкою  
Одинъ, осиротѣвъ, лежитъ.

А такихъ піесъ у меня цѣлыя кипы! Могъ подѣлиться. *Изд. Благ.*



вомъ нарушеніе школьныхъ правилъ.

*Пер.* Правду ты говоришь—опдамъ лучше въ *Сынъ Отечества* \*); еслижь и шамъ не помѣсшатъ, то напечаашаю особо и пошлю въ Газетную Экспедицію для раздачи при вѣдомостяхъ. Вѣдь ихъ болѣе всего выписываютъ.

*Вт.* И хорошо сдѣлаешь; пора, пора проучишь этого жителя *Васильевскаго Острова* \*\*)!.

При сихъ словахъ сердце у меня сильно забилося. “Нелегкая дернула меня писать замѣчанія,—сказалъ я въ полголоса приятелю своему *А.* — Ты вѣрно заврался, или не сдѣлано ли какихъ грубыхъ погрѣшностей.—“Не помню, легко можешь спастись; да за что же они бранятъ меня?,, — Погоди, мы шопчасъ узнаемъ это. —

*А.* подошелъ къ сполу, на кошоромъ лежалъ VI № *Благонадѣреннаго* и со всевозможною вѣжливостію спросилъ:

\*) Почему же не въ *Благонадѣренный*? *Изд. Благ.*

\*\*\*) Когда-то доидеть очередь и до меня?  
*Изд. Благ.*

“эшо конечно послѣдній №?,, — Да! отвѣ-  
чали ему. — “Позволише взглянуть?,, —  
Извольше. — “Есть ли шуть что хоро-  
шее?,,

*Перв.* Хорошее? Да развѣ въ эшомъ  
Журналѣ бываешъ что нибудь хорошее?

*А.* Кажешся, вспрѣчаюшся піэсы из-  
рядныя.

*Вт.* Завидуемъ искусству вашему на-  
ходишь ихъ. Впрочемъ въ эшомъ нуме-  
рѣ есть изящная *глупость*.

*А.* Право? А что шакое?

*Перв.* Спашья подъ названіемъ: *Но-  
вая Школа Словесности*. Не угодно ли  
полюбопытствовашъ?

*А.* Позвольше.

*А.* Взялъ книгу и сѣлъ возлѣ меня.  
Пробѣжавъ давно знакомую ему спашью,  
онъ шихо сказалъ мнѣ: “Издашель не  
виновашъ: спашья шочно шакъ напеча-  
тана, какъ ты чишалъ мнѣ. Между шемъ,  
какъ мы разсмашривали *Благонашѣрен-  
наго*, *знакомые*, *незнакомцы* занялись  
шоколатомъ и, казалось, переспали сер-  
дишься; но сіе спокойствіе ихъ продол-  
жалось недолго. Вскорѣ я услышалъ  
*ерозный приговоръ* мнѣ и опшрылкамъ мо-

его Журнала. А. подошелъ къ столу положишь книгу, и пошь, кошорый былъ въ очкахъ, поднявши голову, спросилъ съ важностью: “что какова новостъ?,” — Я нахожу, что не совсемъ дурна. — “Вы шушите!,” — сказалъ другой съ язвительною улыбкою.

А. Нимало: мнѣ кажется, что въ этой спашь много справедливаго.

*Перв.* Помилуйте! это чистая глупость, невѣжество, педанство.

*Вт.* Сочинитель самъ не знаетъ что пишешь — всѣ опривки его вздорны, безполковы.

*Перв.* Какъ смѣшь крипиковать образцовыхъ писателей?

А. Я не липператоръ, однако же люблю говорить о Липпературѣ; ипакъ позвольте мнѣ продолжитъ разговоръ нашъ. (Онъ взялъ стулъ и сѣлъ къ нимъ ближе.) Вы несправедливы; судя такъ спрого сочинителя этой спашьи.

*Перв.* Могу увѣритъ васъ, что спашья никуда не годна, и сочинитель долженъ быть невѣжда, совершенный невѣжда.

А. Да почему же?

*Вт.* Какъ почему? Пошому...пошому,

сударь, что, какъ изъ всего видно, онъ не знаетъ Нѣмецкой Литтературы.

*А.* Да вѣдь онъ говоритъ не о Нѣмецкой, а о Русской Словесности.

*Пер.* Все равно, что бы судить основательно о изящномъ, должно знать древнюю и новую Литтературу.

*А.* По этому, что бы чувствовашь красоты Гете, или Байрона, должно знать Словесность Русскую?

*Перв.* Я не говорю этого, но...

*Вт.* По крайней мѣрѣ, не должно крипиковашь классиковъ тому, кто едва имѣетъ поверхностное знаніе въ сухой Французской Литтературѣ и — вѣроятно — безъ лексикона — не можешь прочешь двухъ словъ понѣмецки, да и на Русскомъ — по пишешь во вкусъ Ганина.

*А.* Я не знаю сочинителя, а пошому и не скажу ничего о его познаніяхъ; но думаю, что вообще имѣя здравый умъ, вѣрный вкусъ, зная теоріи изящныхъ наукъ и Грамматику собственнаго языка, можно говоритъ о произведеніяхъ нашей Литтературы.

*Вт.* И даже крипиковашь классиковъ!

А. И даже кришиковать, если хопите.—Но, позвольте спросить, кого кришикуешь сочинитель этой спашьи? Называет ли онъ хопя одного писателя, хопя одну піэсу? Разбираешь ли онъ чье нибудь произведение? Онъ говоритъ не о сочинителяхъ, не о сочиненіяхъ; но вообще о спранности вкуса молодыхъ нашихъ писателей. Доказательствомъ сему можешь служить еще и то, что онъ предлагаетъ даже примѣры изъ переводовъ; а вы знаете, что переводчикъ не подвергается кришикъ ни за содержаніе сочиненія, ни за способъ изложенія его.

*Втор.* Если шакъ, то онъ могъ бы говорить о спранностяхъ вкуса вообще, не выводя никого на сцену.

А. Я думаю, что обвиня въ заблужденіяхъ, должно ихъ показашъ; какъ же сдѣлашъ это, не приведя примѣровъ?

*Перв.* Да зачемъ же выписывашъ примѣры изъ Поэшовъ, признанныхъ классическими?

А. Я не вижу эшого въ его піэсѣ. Но еслибы и шакъ, то развѣ это прешупленіе? *И въ солнцѣ и въ лунѣ есть*

*тепныя лиѣста.* Астрономъ видишь ихъ, а между шемъ удивляешся свѣшиламы симъ болѣе, нежели проспой челоуѣкъ, почишающій ихъ чистыми, прозрачными. Показывать недостапки хорошихъ писашелей сполько же полезно, какъ и замѣчашь красоты ихъ. Это предосперешь подражашелей опъ погрѣшностей, не рѣдко самыхъ грубыхъ, которыя прощаюшся однимъ шолько гениямъ \*).

*Пер.* Не спанеше ли вы шакже о правдывашь дерзосшь, съ какою замѣчаешь онъ спихъ: *Поэтъ наполнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я?* Какъ смѣшь \*\*) сказашь, что “здѣсь видно вмѣстѣ и уваженіе къ своимъ таланшамъ и признаніе цошери ихъ?,,

---

\*) И Геллершъ съ Хемвицеромъ позволяюшъ спотыкашся однимъ шолько лучшимъ верховымъ конямъ. (См. *Басни и Сказки Хемнищера.* Ч. I. Б. 2.)

\*\*) “Павлина нашего ругашь Щегленокъ смѣль!  
“Клевашь его, клевашь!,, — Щегленокъ  
улетѣлъ

И опышомъ узналъ, что никогда не должно

*А.* Я не вижу здѣсь ни малѣйшей дерзости, а угадываю намѣреніе сочинителя намѣкнуть о той дерзости, съ какою въ наше время всякой называетъ себя *Поэтомъ*.

*Перв.* Да кто же запрешитъ мнѣ называть себя *Поэтомъ*, когда я дѣйствительно пишу стихи?

*А.* Онъ и не запрещаетъ, но говоришь только, что это смѣшно, а въ отношеніи къ нѣкоторымъ можетъ быть и безстыдно. Пишешь стихи не значишь еще быть *Поэтомъ*. Мы имѣемъ пьему *риематей*, довольно стихотворцевъ; но много ли *поэтовъ*? Между темъ во всякомъ новомъ Посланіи читаемъ: *я Поэтъ, ты Геній, онъ Тассъ, Анакреонъ, Гораций*. Скажите искренно не смѣшно ли это?

*Вт.* Мы, кажется, смопримъ на предметъ съ разныхъ почекъ.

О недоспашкахъ пишичь почешныхъ говоришь;  
А позволяешся ихъ шолько лишь хвалишь.

Басня: *Павлинъ, Щегленокъ и Воробы*.  
Это ваши спишки, Г. Издашель! *Ж. В. О.*

*А.* И попому намъ шрудно согласишься!—Это правда.

*Пере.* Скажите однако же ревностный паршизанъ поборника *старой школы*, скажите мнѣ: зачшо онъ озлился на спихопворцевъ, которые воспѣваютьъ *вино & любовь*. Развѣ сочинители *старой школы* не писали о сихъ предметахъ?

*А.* Писали, но совершенно не въ помъ духъ. Они большею часпю говорили о помъ шупя и съ возможною скромносшю изъ слабоспей нашихъ не дѣлали добродѣтелей и не восхищались усилъхами развраша.

*Вт.* А Парни? а Овидій? а Анакреонъ?

*А.* Вы все паки забываете, что сочинитель говоришь о Русской Словесности.

*Вт.* (сѣ досадою) о чемъ бы онъ ни говорилъ, но онъ говоришь глупо! (возвышая тонъ) Надобно прочесъ всѣ опрывки этого жалкаго сочинителя, что бы видѣшь его невѣжесшво. Напримѣръ, спихи искренняго моего прияшеля, Господина \* \* \* \*, поэша съ пламеннымъ *мелтучимъ* воображеніемъ, называетъ онъ



сумбуромъ! Образцовые разборы другаго, и вопль именно его (*указывая на товарища*) панигириками знакомымъ и прияшелямъ.

А. Право?

Вт. (*съ большимъ жаромъ*) Этого мало. Онъ, сударь!...о невѣжество!...Желаль бы я показать вамъ разборъ, который сдѣлалъ онъ одному изъ лучшихъ моихъ спихотвореній. Вообразите: этошь педаншь піэсу, исполненную вымысла, называешь *уродцелъ* и помѣщаешь въ какую-то глупую лишперашурную *кунсткамеру*.

А. Не уже ли?—Послѣ этого я не скажу ни слова. О! вы имѣете полное право *вездѣ* бранишь его, называешь педантомъ, невѣжею, глупцемъ. Не хвалишь сочиненій искреннихъ вашихъ прияшелей, а лучшее ваше произведение называешь *уродцелъ*!—Онъ виновашь, кругомъ виновашь!

Смотря на лице А., который съ удивительною важностію бранилъ меня, я едва не расхохотался и что бы не измѣнилъ ему и вмѣстѣ себѣ, схватилъ шляпу и бѣжалъ. Черезъ минушу

*А.* былъ возлѣ меня и долго шупиль надо мною, спрашивая: “каково было слушашь грозный приговоръ?”,

*Житель Васильевского Острова.*



## *Переписка съ Издателемъ Благонамбренаго.*

### **I.**

Два года назадъ шому скончался мой двоюродный брапецъ. Онъ былъ спрасшный любитель Словесности; слѣдовашельно и не оставилъ мнѣ въ наслѣдство ничего, кромѣ двухъ коробовъ со спихами и прозою. Горешно было бы получить наслѣдство и не воспользовашься имъ; а пошому и прошу покорнѣйше васъ; М. Г., увѣдомишь меня, можно ли будешъ мнѣ присылашь въ Журналь ващъ прозу и спихи покойнаго моего двоюроднаго брапца подъ моимъ именемъ. На первый случай препровождаю при семъ одну небольшую піэсу подъ заглавіемъ . . . .

*Выбор. стор.*

*А. Л.*

*Отв.* Сія піэса напечатана уже въ *Благонамбреномъ* подъ именемъ покойнаго ва

шего двоюроднаго брата; и такъ пришлише другую.—Какимъ шрифтомъ прикажете напечатать имя ваше?

## 2.

Убѣдительнѣйше прошу васъ напечатать въ первомъ номерѣ *Благонаименнаго* прилагаемую при семъ эпиграмму на одну неизвѣстную вамъ даму. — *N. N.*

*Отв.* Если эта неизвѣстная мнѣ дама также дурна, какъ и Эпиграмма Гна *N. N.*: то я, напечатая ее въ *Благонаименнои* съ условіемъ, изъясненнымъ въ VII N<sup>o</sup> моего Журнала (спран. 78). Если же напрошивъ того дама эта хороша, мила: то прошу меня извинить — не позволю въ Журналъ моемъ ее бранить.

Есть адъ, и мѣсто есть особенное тамъ  
Для шѣхъ, которые поносятъ милыхъ дамъ \*).

А я нехочу идти въ адъ за неизвѣстную мнѣ даму и за чужую, плоскую эпиграму.

---

\*) Ceux enfin dont les vers ont noirci quelque belle.

*Les Amours de Psyshé et de Cupidon  
par la Fontaine.*

## Благотворенія.

### Письма къ Издателю.

#### 1.

Въ прошломъ году вы писали въ Журналѣ, издаваемомъ вами, что охотно примете ошъ дамъ шруды рукъ ихъ въ пользу бѣдныхъ. Не имѣя возможности иначе помогашъ имъ, я обрадовалась сему вызову и препровождаю къ вамъ корзинку съ цвѣшми, прося покорнѣйше обратишь оную въ деньги и упошребишь въ пользу извѣстныхъ вамъ бѣдныхъ, ибо мы видимъ, что шѣ, коимъ вы помогаете, испинно заслуживаютъ вниманіе.

Имѣю честь бышь, и проч.

13 Апр. 1823. Жительница Васильев. Острова.

Р. С. Корзинку, кажешся, можно разыграшь въ лощерею.

*Прим. Изд.* Эша корзинка съ цвѣшми, сдѣланная съ удивительнымъ искусствомъ изъ бѣлой бумаги, разиграна черезъ два, или три дни въ лощерею во ста рубляхъ. Сверхъ того передъ праздникомъ и на праздникъ Св. Пасхи Издатель получилъ ошъ многихъ неизвѣстныхъ благошворителей для

раздачи бѣднымъ *двѣсти* *восемьдесятъ* *пять* рублей, что составишь всего *триста* *восемьдесятъ* *пять* рублей. Деньги сіи почти всѣ уже розданы; сколько же когда, отъ кого именно получено и кому роздано, о томъ Издашеть не оставишь извѣстишь подробно въ слѣдующей книжкѣ.

## 2.

За припечатаніе письма моего въ послѣднемъ номерѣ *Благонамереннаго*. о *восемьдесятипяти* *летней* вдовѣ *Типулярной* *Совѣтницѣ* *Кон—ской* съ больнымъ племянникомъ, я приношу вамъ искреннѣйшую благодарность, пошому что доставили мнѣ новый случай видѣть слезы благодарности сей вдовы за пособія, полученныя ею на *Спросной* *недѣлѣ* отъ *К. Д—вой*, отъ васъ и отъ нѣшорыхъ еще неизвѣстныхъ благошворителей. Она встрѣшила праздникъ съ радостію, посвятивъ первую молитву къ Воскресшему Христу Слассишелю не за себя, а за виновниковъ сей радостіи, и вѣроятно провела бы его съ душевнымъ спокойствіемъ, но къ нежданному ея несчастію больной племянникъ ея умеръ въ концѣ Святой недѣли. Не имѣя чѣмъ похоронить его, она принуждена была обратиться къ другому своему племяннику, родному брашу покойнаго, человѣку также весьма

недоспашочному. Сей, будучи опцемъ сѣмейсва, при всемъ спѣсненномъ своемъ состояніи, по необходимости принялъ участіе въ гореспномъ положеніи пешки, и опдалъ послѣдній долгъ своему брапу, похоронивъ его приличнымъ образомъ.

Теперь бѣдная вдова *Кон—ская*, оставшись одна полагаешъ всю свою надежду на благопворишелей, успокоивавшихъ до сего времени послѣдніе дни ея жизни.

Имѣю чесшь бышь, и пр.

30 *Апрѣля* 1823.

А. З.

~~~~~

Надпись къ портрету Графа М. И. Платова.

Вошь Ашаманъ Донскихъ удалыхъ Ко-
заковъ,
Который шпиговалъ *) Ощечесства враговъ.

*) Слова напечатанныя здѣсь косыми буквами, суть собщвенныя выраженія покойнаго Графа М. И. Платова.—См. *Жизнь и подвиги Графа Матѣя Ивановича Платова. Сочиненіе Николая Смирнаго*. Въ трехъ частяхъ. Съ искусно гравированнымъ портретомъ Графа М. И. П. и многими другими

Наполеона онъ поставилъ въ размышленья
 И даже въ сокрушенья,
 Когда въ двѣнадцатомъ году его онъ въ тылъ
 Давилъ.

И.

~~~~~

### Букетъ.

Какъ незабудка ни цвѣла,  
 Какъ ни прельщаль левкой, алъя;  
 Какъ роза ни пышна была,  
 Какъ ни свѣжа была лилея,  
 Увяль прелеснѣйшій букетъ!  
 Поблекли вы, цвѣшны прекрасны!  
 Ни запаха, ни вида нѣшь!  
 Васъ кинушь.—Ахъ, Меналкъ несчастный!  
 Ты цвѣль, весна шебъ была,  
 И Ниса вѣрной бышь хошѣла;  
 Украдкой юносшь оплешѣла,  
 Любовьъ измѣной опощла!

Б. Федоровъ.

~~~~~

изображеніями. Сія любопытная и весьма хорошая книга продается въ лавкахъ Заикина. Цѣна за всѣ при часши 50 р., а съ пересылкою 35 р.

РЕЗЕДА.

Тропинкой сада Варя шла,
 Смогля, какъ памъ піоны рдѣлись,
 А памъ горшензія цѣла
 И колокольчики пестрѣлись;
 Тюльпановъ живописныхъ рядъ
 Она любуясь—проходила ...
 Но вдругъ повѣялъ аромашъ—
 И Варя далъ не спѣшила.
 Она ошпановилась памъ ;
 Ей запахъ сладосный въздыхая,
 Резеда близко къ шѣмъ мѣспамъ
 Росла въ куспахъ себя скрываая.
 Въ любви памъ поспояншва нѣпъ,
 Гдѣ красоту одну встрѣчають;
 Но скромность власпъ вѣрнѣй берешъ,
 И крылья спрасни ошпадають—

Б. Федоровъ.



БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № IX.

ПРИТЧИ КРУИМАХЕРА.

1. Саломонъ.

Саломонъ, мудрый Царь Израиля, болѣе тридцати лѣтъ владѣлъ уже престоломъ отца своего Давида и всѣми сокровищами земли, и наслаждался уже всѣми радостями жизни. Вдругъ помрачился ликъ солнца и глубокая тѣнь простерлась по землѣ Иудейской. Царь, опираясь главою на длань, сидѣлъ безмолвный на мраморномъ крыльцѣ своей обители и душа его была исполнена горести.

Въ думу погруженный сидѣлъ онъ до глубокой ночи и несчетныя сонмы міровъ шекли надъ главою его по небесамъ высокимъ. Успремляя взоръ на звѣздный сводъ, онъ вѣщаль "сонмы Божіи, сіяющіе надъ солнцемъ, текущъ въ вѣчномъ блескѣ и неувядаемой кра-

солнѣ, безъ перемѣны свѣта и мрака; но великое свѣсило дня, озаряющее землю, имѣешь пашна и минушы мрачнаго за-пмѣнія; и луна безпрѣспанно измѣняется, и подѣ луною, быспро мелькая, исчезающѣ падающія звѣзды, и скоропечное сѣверное сіяніе—чада мгновенія—а наземлѣобманчивый свѣшъ блуждающихъ огней, изъ зыбкихъ болошъ исходящихъ!,,

“Ахъ, вы радости земныя!,, — воскликнулъ наконецъ Царь, вздохнувь — вась съ жадносшю ловишь смершныи, а око его спремишя за предѣлы звѣздъ!,, Долго смолрѣлъ онъ на звѣздное небо. Попомъ возвращилсѣ въ чершогу свой и вѣщаль: *все суетно подѣ солнцемъ!*

2. Соловей.

Въ одно лѣшнее утро молодой Софронъ пошелъ съ опцемъ своимъ въ поле. Жаворонокъ пѣлъ надъ ихъ главами. “Какая веселая пшица!,, — сказалъ опецъ—“она звонкими пѣснями вспрѣчаешъ какъ первые лучи дневнаго свѣшила, шакъ и шихое пробужденіе весны; она высоко взлешаешъ, дабы всѣ внима-

ли нѣснямъ ея и умолкаешь только тогда, когда хладная зима погружаетъ Природу въ сонъ глубокой.,,

—Это правда—опивчалъ юноша—но почто Природа такъ скоро лишаетъ насъ прекраснаго, несравненнаго пѣнія соловья? Мнѣ всегда кажется, будто онъ нѣлъ только нѣскольکو дней! —

“Недовольный!,, — сказалъ отецъ съ улыбкою — “такъ и ты говоришь по образу мыслей бо́льшей части людей! Уже ли *самое изящное*, столь скудно даруемое намъ Небомъ, должно служить только къ тому, что бы сдѣлать насъ равнодушными *къ прекрасному и доброму*, которе оно ниспосылаетъ намъ въ изобиліи?,,

— Не равнодушными, любезный родителъ мой!—возразилъ юноша — но не долженъ ли человекъ спремишься къ высочайшему? Не долженъ ли онъ уважать посредственное, но любить высочайшее? Уваженіе къ посредственному не рождаетъ ли любовь къ прекраснѣйшему и высочайшему?—

“Конечно, милый сынъ мой!,,—продолжалъ спарець—“я говорилъ о томъ

только образъ человеческихъ мыслей, какой сущесшвуешь, а не о томъ, какой бы долженъ бышь „

— Когда прекраснѣйшее есть цѣль, къ которой человекъ долженъ стремиться—сказаль Софронъ по краткомъ молчаніи — то зачѣмъ Природа шакъ скоро лишаешь насъ удовольствія внимашь согласнымъ цѣснямъ пѣвца весеняго? —

„Помнишь ли еще, Софронъ, —спросиль отецъ— что ты чувсшвоваль, когда въ первый разъ внималь пѣнію соловья? „

— Ахъ! никогда не забуду того прекраснаго вечера! — возкликнулъ юноша.

„Тебя пронуло важное и высокое пѣніе, которое Природа дала сѣму нѣжному шворенію. Преданіе глубокой древности, будно душа любезнаго пѣвца первобытныхъ временъ міра перешла въ сіе маленькое живошное *); ты по-

*) По словамъ Платона, душа Фамириса перешла въ соловья.

цѣпалъ истиною, ибо каждый звукъ казался тебѣ чувствомъ и мыслью — все въ немъ высочайшимъ совершенствомъ въ своемъ родѣ.,,

—Такъ! чемъ болѣе сближаемся съ Природою—сказалъ юноша—темъ болѣе сердце наше ошверзается гласу ея, темъ понятнѣе становишься намъ младенческій языкъ простаго, первобытнаго міра!

“Внимавъ нѣсколько недѣль дубравному пѣвцу,, — продолжалъ старецъ. — “ты хощя и слушалъ съ радостію, но не съ прежнимъ чувствомъ: восхищеніе швое угасало — ты слушалъ равнодушнѣ—не шакъ ли, сынъ мой?,,

Софронъ согласился и взглянулъ съ удивленіемъ на отца.

“Вопросъ мой приводитъ тебя въ изумленіе; что бы справедливо разсуждашь о шомъ, что внѣ насъ, мы должны сперва взглянуть въ себя самихъ справедливымъ и яснымъ взоромъ. Признайся: не перешалъ ли бы ты наконецъ вовсе чувствовать высокое, прекрасное и шрогашельное въ цѣсняхъ пѣвца весенняго?,,

—Но жаворонокъ—прервалъ юноша рѣчь опца — радуешь насъ своимъ приятнымъ пѣніемъ во все продолженіе весны и лѣта. —

“Конечно, любезный сынъ! *Прекрасное* есть потребность человеку, и поэтому природа является намъ *оное* *вездѣ и всегда*; но *прекраснѣйшее, совершенное* есть нѣчто святое: оно должно стремись насъ къ высочайшему, а не сдѣлаться обыкновеннымъ. Природа даруетъ намъ *оное* всегда, но *сіе* является намъ рѣже, дабы приняли его въ нашу душу. Не правда ли: въ сей упрепной часъ пѣніе соловья возбуждаетъ въ тебѣ что самое чувствво, какое ощущалъ ты, внимавъ въ первый разъ вдохновеннымъ пѣснямъ его?,,

Юноша улыбулся и кивнулъ головою, и оба, безмолвствуя, долго шествовали по цвѣшущимъ лугамъ и прохладнымъ сѣнямъ рощи.

3 Поликарпъ.

Поликарпъ, мудрый Епископъ Смирпскій, оставивъ городъ по причинѣ жестокихъ гоненій на Хриспіанъ, удалился

въ свое сельское убѣжище съ ученикомъ Кресценпомъ. Когда вечерній сумракъ спустился на долины, онъ пошелъ подъ кровъ высокихъ деревьевъ, освѣнявшихъ сельскую хижину, гдѣ заспалъ Кресценша, сидящаго подъ дубомъ: глава его опиралась на длани, и слезы лились изъ очей его. Спарецъ, подошедъ къ нему, спросилъ: “о чемъ плачешь ты, сынъ мой?,,

—Какъ не плакашь мнѣ?—опвѣчалъ ему Кресценшъ — я размышляю о Царствіи небесномъ на землѣ: буря и непогода сгущаются надъ нимъ и разрушаютъ его въ юности. Многие сдѣлались уже ошсшупниками опъ истинной вѣры, и поносивъ ее и словомъ и дѣломъ, доказали, что и недостойные могутъ ей слѣдовать ушами, а не сердцемъ. Вошь что наполняешь мою душу уныніемъ, а очи слезами!—

“Любезный сынъ мой!,,—сказалъ Епископъ, и крошкая улыбка возсіяла на усахъ его—“небесное Царствіе истины подобно древу, возлелѣянному пахаремъ. Тайно и тихо предаешь онъ сѣмя нѣдру земному и уходишь. Но сѣмя пу-

скаешь опростокъ; восходишь средѣ
справъ и шерній, его окружающихъ; воз-
носишь главу надъ ними — и справы и
шернія увядаютъ сами собою, ибо гу-
сная шѣнь древесная ихъ заглушаетъ.
Юное чадо полей ростешь и усили-
вается: бури свирѣѣють вокругъ него,
и колеблють вершину и вѣтви; но
чемъ болѣе они неистовствуютъ, темъ
глубже простирающіяся корни его въ
нѣдра земли и крѣпко обнимающія уще-
сы подземные, а вѣтви стремящаяся
къ небу. Ипакъ бури укрѣпляютъ мо-
лодыя силы древа. Когдажь оно возно-
ситъ чело свое все выше и выше и его
шѣнь исполинская покрываетъ долину
— тогда снова восстають подъ его сто-
пами справы и шернія; но съ высоты
своей оно взираетъ на нихъ съ презрѣ-
ніемъ, и въ шихомъ и спокойномъ ве-
личіи стоить *древольъ Божиимъ!*,

Такъ вѣщаль мудрый Епископъ и
умолкъ. Потомъ подалъ ученику десни-
цу и сказалъ съ улыбкою: “смотри на
вершину древа, могутъ ли беспокоить
тебя шернія, при подошвѣ его расту-
щія? Предсказавъ это Тому, кто наса-
дилъ его!,,

Тутъ Кресцентъ вспаль и очи его блистали радостію; ибо подлѣ него шестшовалъ старецъ, согбенный лѣшми, но юноша сердцемъ и швердостію духа:

4. Оссіанъ.

Оссіанъ, сынъ Фингала, знаменитый пѣвецъ Морвена, сидѣлъ однажды при захожденіи солнца у входа своей утесистой обители. Мальвина, цвѣшущая дщерь Тоскара, стояла подлѣ безмолвнаго старца.

“Солнце совершило ли свое печеніе и багрянится ли западное небо вечернею зарею?,”—спросилъ пѣснопѣвецъ.

—Западъ пылаешь послѣдними лучами заходящаго свѣшила—опвѣчала Мальвина съ тяжкимъ вздохомъ.

“Почто вздыхаешь, Мальвина?,”—вопросилъ ее слѣпый старецъ.

—Увы! опецъ мой! вѣчала дѣва: ты не видишь ни восхода, ни заката прекраснаго дневнаго свѣшила!—

“Ахъ!,” — присовокупилъ Оссіанъ съ крошккою улыбкою — “не вижу и прелѣснаго взора Мальвины, моей дщери!

Но развѣ не внимаю, Мальвина, сладостному гласу твоихъ пѣсней, сопровождаемыхъ звуками моей арфы? Развѣ не слышу полена пѣней, вьющихся надъ ея струнами?,,

—Опець мой! какъ можешь ты внимать звукамъ незримыхъ пѣней?—спросила дѣва.

“Мальвина!,, — сказалъ спарець — “ночь, для копораго внѣшній міръ умеръ и погрузился въ глубокій мракъ, ночь слышишь тихое шептаніе высшихъ міровъ. Мальвина! смопри! Уже око его угасло прежде, нежели смерть приходишь, и земля покоится предъ нимъ во мракѣ ночи. Какъ скоро надъ завѣсою земли восходишь сіяніе звѣздъ—спускающя къ нему свыше звучащія лучи и касающя струнамъ его арфы и жаждущаго духа.... Подай мнѣ арфу, Мальвина!,,

Такъ вѣщаль Оссіанъ. Дѣва безмолвно подала ему арфу и спарець — слѣпецъ грянулъ въ струны.

Съ Нѣм. В. Тило.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

(Ошвѣтъ на вопросъ: *гелѣ* дружба
преимущественнѣ любви?)

Любовь—минушное ешь чувшво,
А дружба—чувшво многихъ лѣшь!
Измѣна, лешъ—Любви искусствво;
Блещишь намъ въ Дружбѣ Правды свѣшь.

*

Любовь—лишь ревностью спремится
Терзашъ и мучишь свой предметъ;
Она все легкости спрашишь,
Въ самой же пошодисшва, нѣшь—

*

А Дружбѣ цѣну всякой знаешь:
Она спокойна цѣлой вѣкъ;
Ее всему предпочипашъ
Съ умомъ и чувшвомъ человекъ.

*

Любовь иные забываютъ
Для блеска, злаша и чиновъ;
Когдажь все эшо расшеряють —
Тащаша къ Дружбѣ подъ покровъ.

*

Она несчастныхъ ушѣшашъ,
Объ нихъ жалѣешъ всей душой;
Она спрадальцамъ предлагаешъ
Въ опраду—вѣрность и похдй.

*

Ктожь для Любви все забываетъ,
Надѣясь съ нею вѣкъ цвѣсти;
Любовь шѣкъ щедро награждаетъ:
Смѣясь имъ говоритъ: *прости!*

*

Прости! и какъ спрѣла вспорхнувши,
Лезишь, другихъ чшобъ обманушь;
А шѣбднѣжечки, вздохнувши,
Спрямясь—съ Дружкой опдохнушь.

*

И такъ, пущь пошь Любовью льсшишь,
Съ заботами кто хочешь жишь! —
Дай Богъ вамъ Дружкой насладишь
И съ нею вѣкъ свой проводишь.

Даргомыжская.

~~~~~

## ЧЕРНЫЙ БАРХАТНЫЙ КАПОТЬ.

### *Повѣсть.*

Бересфордъ, весьма богатый купецъ, полагалъ все счастье свое въ деньгахъ. “Деньги—думалъ онъ заславяшь уважать меня; а потому и не считалъ нужнымъ заботиться о новыхъ знакомствахъ, или поддерживать старья—

не удостоивалъ своими посѣщеніями даже и пѣхъ, которые имѣли полное право на его уваженіе. Однако первѣйшее желаніе Бересфорда состояло въ томъ, что бы дочь его, единственная по немъ наслѣдница, вышла замужъ за знатнаго человѣка.—Съ какою радостію узналъ онъ, что одинъ изъ его сосѣдей, молодой и богатый дворянинъ, возвратившійся недавно изъ путешествія, располагался жить въ помѣстьяхъ своихъ предковъ.—Бересфордъ рѣшился не упускать изъ виду такого драгоценнаго сосѣда, и вочью бы то ни стало, привлечь его своею пышностію.

Происшедши отъ бѣдныхъ родителей и постепенно приобретаая богатство, Бересфордъ сохранилъ привычки перваго своего состоянія. Онъ старался блеснуть передъ молодымъ Барономъ, и хотя дѣлалъ необыкновенныя издержки, но при всемъ томъ нельзя было не замѣтить его скупости. Внушительное украшеніе его дома представляло странную неспросту; господствующая спрость невольна открывалась въ образѣ его жизни и обнаруживалась по-

среди самаго изобилія. — Несмотря на то Бересфордъ не упустилъ ни одного случая показашь свою щедрость. Онъ дѣлалъ даже благошворенія—разумѣется явно—а шайно, можетъ быть прокляналъ принужденную свою благошворительность.

Юлія, дочь Бересфорда, получила отъ природы прекраснѣйшія качества. Скупость отца мучила ее чрезвычайно. — Слыша безпрестанно о богатомъ своемъ приданомъ и о знашномъ наслѣдствѣ, сожалѣла она, что не могла ничемъ почти располагашь по своему желанію. Воспитанная добродѣтельною матерью, поперю копорой оплакивала она непрерывно, Юлія научилась помогашь бѣднымъ, ходилъ за больными, облегчалъ спраждающихъ и разливалъ счастье на все, что ее ни окружало. Къ сожалѣнію не шакъ — то часто могла она предложить что либо несчастнымъ кромѣ утѣшенія, обѣщаній и посѣщеній. Рѣдко, очень рѣдко находила она средства помогашь бѣднымъ — и то лишая себя необходимаго. — Отецъ опорочивалъ въ Юліи эту благородную привычку къ бла-

гошворишельности ; но можно ли оп-  
казаться опъ сей добродѣтели, вкусивъ  
хотя однажды ея сладость?

Часто, не имѣя денегъ, Юлія посы-  
лала къ бѣднымъ свое платье и ку-  
шанье. За то всѣ говорили, что гор-  
дый и богашый Бересфордъ имѣешь дочь,  
достойную называться образцемъ бла-  
гошворишельности и человѣколюбія.

Слухъ о прибытіи Баронета раз-  
несся въ окрестностяхъ—и всѣ молодыя  
женщины рѣшились разспавить ему  
сѣщи. Бересфордъ не жалѣлъ денегъ,  
когда надѣялся обратишь ихъ въ свою  
пользу, и смѣялся внутренно зависти  
своихъ сосѣдей. Надѣясь превзойти ихъ  
пышностію и великолѣпіемъ, купилъ  
богашые комнатные уборы, прекрасную  
каресу и сказалъ Юліи, что она будетъ  
получать большое жалованье, если Фрид-  
рихъ Моршимеръ расположится житьъ  
въ своихъ помѣстьяхъ.

Сильно забилось сердце Юліи, ког-  
да услышала она о прибытіи молодаго  
Баронета. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ воз-  
вратился въ Англію, Юлія очень часто  
вспрѣчала его въ Лондонѣ и желала

казался ему столь же любезною, сколько онъ самъ ей нравился. Но желаніе это не исполнялось.—Имѣя правильныя черты, и будучи проста и скромна въ обращеніи, Юлія, въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ не могла быть замѣчена Сиромъ Фридрихомъ Морпимеромъ, въ кругу опборнѣйшихъ женщинъ.

Миссъ Бересфордъ не поражала при первой встрѣчѣ, но привлекала постепенно. Чемъ болѣе узнавали ее, темъ больше прилѣплялись къ ней; и ежели кто хотя однажды слышалъ сладостные звуки ея голоса и смопрѣлъ со вниманіемъ на трогательную ея наружность, когда внутреннее движеніе оживляло глаза ея и покрывало щеки прелестнѣйшимъ румянцемъ — тошъ не могъ предохранить себя отъ впечатлѣнія, которое одна красота рѣдко возбуждаетъ. Юлія имѣла нужду въ нарядахъ, какъ и всѣ молодыя женщины; но часто употребляя на благошворенія деньги, получаемыя ею для покупки уборовъ, при нуждена она была опказывать себя въ послѣднихъ; за шо искусный наблюдатель легко могъ замѣтить на лицѣ



Юліи внутреннюю веселость, которая украсила ее больше, нежели щегольская шляпка.

Юлія вошла однажды съ опцемъ своимъ въ богатую лавку. Между прочими товарами бросился ей въ глаза черный бархатный капоть. Она попросила Бересфорда купишь его, пошому что шарый ея розовый бархатный капоть чрезвычайно полинялъ и негодился уже на слѣдующую зиму.—Бересфордъ спросилъ о цѣнѣ, но услышавъ, что просятъ 12 гиней \*), въ ту же минуту рѣшительно отказалъ Юліи, хотя и согласился съ нею, что капоть дѣйствительно прекрасенъ и стоитъ этакъ денегъ. “Въ самомъ дѣлѣ очень дорого, сказала Юлія: 12 гиней можно употребить гораздо лучше.” При сихъ словахъ вышли они изъ магазина.

На другой день отправился Бересфордъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ Лондонъ и спустя нѣсколько времени уведомилъ дочь свою о прибытіи Сира Фридриха. — Баронетъ общался при-

---

\*) 300 рублей.

ѣхашь къ Г: Ганмеру, посмотришь заводскихъ его лошадей и побывашь на скачкѣ, куда приглашены были также всѣ молодые люди. Бересфордъ видѣль въ семь приглашеніи намѣреніе Ганмера, показашь Баронету великорослую свою дочь. “Ко мнѣ прислали билеты для насъ обоихъ, писалъ онъ Юліи: и какъ я не хочу, чшобъ нарядъ моей дочери былъ помраченъ убранствомъ дѣвицы Трасей, или другихъ, то посылаю присемъ модную, дорогую шляпку и 12 гиней на покупку чернаго бархатнаго капота, который такъ много тебѣ понравился. Надѣюсь, что этого для тебя достаточно, и что наследница богатаго Бересфорда покажется передъ Сиромъ Фридрихомъ въ приличномъ видѣ.

Можно судить объ удовольствіи Юліи, когда получила она это письмо. Ей позволено наряжашься для человека, которому кошѣла нравишься. Опложивъ однакожь покупку свою до слѣдующаго упра, Юлія, по обыкновенію своему, пошла прогуляшься. Погруженная въ приятную задумчивость, опшла она опъ большой дороги и непримѣнно очуши-

лась у ближней деревни. Тупь вспомнила она, что въ этой самой деревнѣ одинъ несчастный отецъ семейства — какъ сказывали ей — долженъ былъ оспа- вишь жену, дѣшей и идти въ рекруты, не имѣя возможности замѣнить себя другимъ. — Желая объ этомъ хорошенько освѣдомиться, Юлія пошла прямо въ деревню. Издали еще видишь она полпу кресьянь — подходись къ нимъ и ... это было въ ту самую минушу, когда злополучный въ послѣдній разъ прощался со своею женою и дѣшми. Бѣдное семейство, лишась единственней своей подпоры, должно было бы пойти по міру. Кресьяне, замѣняя участие, которое принимала молодая госпожа въ положеніи сихъ несчастныхъ, спарались другъ передъ другомъ объяснишь ей оное и возбудишь въ ней состраданіе. — “Какъ жаль, говорилъ одинъ изъ нихъ, что такой хорошій работникъ, такой добрый мужъ и отецъ долженъ идти въ солдаты!”, — Оспался бы онъ съ женою и съ дѣшми, подхвалишь другой: если бы у него было еще девять гиней. — “Девять гиней! вскричала Юлія;

и онъ могъ бы оспаться?»,—Точно такъ, Миссъ: вошь эптошь молодець охотно идешь вмѣсто него за осмнадцать гиней; девятьшо еспь у него у самого, да еще девяти недоспаешь. —

Юлія задумалась: ежели дастъ она девять гиней эптому бѣдному челоуѣку, шо онъ оспанелся при своемъ сѣмействѣ, жена и дѣши его не пойдушь по міру ... но шогда недоспанешъ денегъ на покупку капоша; опецъ ея, котораго не надѣялась она видѣшь прежде скачки, будешъ очень недоволенъ ... взяшь капошь въ долгъ—это шакой поспупокъ, котораго онъ ей никогда не простипшь; и шакъ должно было опказашься опъ удовольствія спасши бѣдное сѣмейство, или подвергнушься гнѣву опца... “Я не въ состояніи сдѣлать эптого, сказала Юлія сама себѣ: охотно пожертвовала бы я моимъ щеславіемъ; но какъ огорчить батюшку?»,

Въ продолженіи сей внутрешней борбы всѣ предстоющія посмапривали приспально на молодую госпону и полага-ли, что она дастъ недоспающія девять гиней. Они сообщили эпу надежду несчастнымъ, и когда Юлія подошла къ

симъ послѣднимъ, по все пренецивающее семейство смотрѣло на нее съ умоляющимъ видомъ.—“Жаль мнѣ очень, сказала Юлія: что не могу ничего для васъ сдѣлать. Вошь, возьмите.,—Она отдала имъ всѣ свои мѣлкія деньги и хопѣла удавиться ... но вдругъ рыданія опчаянной матери и вопль бѣдныхъ малюпокъ поражаютъ и попрысаютъ ея душу.

“Бѣдныя творенія! подумала Юлія: девять гиней могутъ перемѣнить опчаяніе ваше на радость, а я берегу ихъ для нарядовъ! Тотъ, который посылаетъ намъ богатство, не предписываетъ ли дѣлать изъ него лучшее употребленіе? Я боялась получить за это выговоръ, не размысливъ, что такой поступокъ не только не предосудителенъ, но заслужишь всеобщее одобреніе...шакъ, шакъ, доставлю себѣ удовольствіе, увидѣвши сихъ несчастныхъ и избавлю совѣсть свою отъ вѣчнаго упрека.,

Рѣшась на это, возвращается она поспѣшно назадъ, даетъ девять гиней обрадованному мужу, а послѣднія приженъ его на плашь малюпкамъ, и исчезаетъ какъ молнія, чтобы избѣжать благодарности и не быть узнаною.

Не возможно описать изумленія и восторга сихъ несчастныхъ, ни сладостныхъ чувствованій Юліи, которая не смѣла остановиться дорогою, опасаясь, что бы какое нибудь разсужденіе не уменьшило ея радости, происпекающей отъ совершенія добраго дѣла. Наконецъ, пришедъ въ усталость и насилу переводя духъ, принуждена была она сѣсть отдохнуть. — Вдругъ мысль о гнѣвѣ отца приводитъ ее въ прелесть.

“Что мнѣ дѣлать? вскричала она... взявъ въ магазинѣ капоть, не заплачю денегъ... нѣтъ, я не рѣшусь на это и безъ воли бабюшки не хочу входить въ долги... однакожь бабюшка будетъ очень недоволенъ мною, когда не увидитъ на мнѣ новаго капоша... онъ огорчится.. Ахъ! одна эта мысль оправляетъ всю мою радость, а я уже думала, что нечемъ мнѣ упрекать себя..”

Оскорбленное щеславіе вспушилось также за себя и поминутно шептало Юліи, что нѣтъ у нее чернаго бархатнаго капоша. Слѣдующій день прошелъ въ горестныхъ размышленіяхъ и въ тщетныхъ усиліяхъ увѣрить себя, что

она можешъ ѣхашъ и въ спаромъ своемъ розовомъ капотѣ.

Наступилъ день скачки. Солнце сіяло въ полномъ своемъ величїи и природа, шакъ сказашь, улыбалась. Но Юлія была совершенно разшироена и съ шрудомъ могла одѣшья. Холодное утро принудило ее надѣшья спарый розовый бярхашный капотъ, который никакъ не шель къ новой ея прекрасной шляпкѣ.

Оканчивая свой шуалешъ, Юлія думала про себя: “башюшка смѣялся надъ дочерью Г. Ганмера; шецерь Ганмеръ по смѣшется надо мной.„ Сильно забилося у нее сердце, когда сѣла она въ карешу и велѣла ѣхашъ какъ можно скорѣе, чшобъ поспѣшъ къ назначенному времени.

Бересфордъ, приѣхавъ на скачку прежде своей дочери, съ досадою замѣшилъ, что обѣ дѣвицы Трасей были одѣшья опмѣнно хорошо. Одна шолько мысль, что невольное замѣшашельство Юліи, при входѣ въ споль многочисленное собраніе, послужилъ ей украшеніемъ и привлечешъ всеобщее вниманіе—могла нѣсколько упѣшилъ его.

Явилась Юлія...но какой спыдъ для

гордаго, богатаго старика!.. въ старомъ, полинявшемъ розовомъ капотѣ, съ унылымъ и блѣднымъ лицомъ!—Бересфордъ внѣ себя!—Дочь его, богатая наследница, такъ дурно одѣта въ среди самаго блестящаго общества!—Съ трудомъ мой онъ глядѣлъ на нее.—Наконецъ, воспользовавшись первымъ случаемъ поговорить съ нею безъ свидѣтелей, Бересфордъ спросилъ ее: получила ли она его письмо? — “Получила, батюшка, и душевно благодарю васъ за него..—Для чегожъ не купила ты того, что я тебѣ приказывалъ? Черный бархатный капотъ вѣрно былъ еще въ лавкѣ, потому что здѣсь никто, кромѣ тебя, не могъ купить такой прекрасной и дорогой вещи? — “Я думала ... мнѣ казалось, что могу обойтись и безъ новаго капота.. — Вотъ совершенно ребяческое упрямство! Когда я не хотѣлъ купить тебѣ новаго капота, тогда онъ былъ необходимъ; теперь...Юлія!...это дурно, очень дурно, непросительно! ... Ты съ умысломъ хотѣла унижить себя и меня передъ этими гордыми дѣвицами, которыя разряжены какъ Принцессы, хотя



опецъ ихъ въ половину меня бѣднѣе. (Опецъ дѣвицъ Трасей считался соперникомъ Бересфорду въ богачествѣ). Ты одѣша такъ дурно, такъ бѣдно, что стыдно подойти къ себѣ.

Юлія предчувствовала гнѣвъ отца своего; на глазахъ ея навернулись слезы... Въ это время Сиръ Фридрихъ Моршимеръ подошелъ къ ней и спросивъ ее о здоровьи, замѣшилъ, что она очень блѣдна.

“Такъ блѣдна, вскричалъ Бересфордъ, что я самъ почти не узналъ ее! И такъ дурно одѣша, проворчалъ онъ пошомъ сквозь зубы: что кажется безобразною.,, Учтивый Баронешъ промолчалъ, соглашаясь внутренно съ Бересфордомъ, и въ шу же минушу съ низкимъ поклономъ оставилъ ихъ и пошелъ къ Миссъ Трасей. Между темъ какъ Моршимеръ ею занимался, Юлія, на копорую никто не обращалъ вниманія, удалилась въ ближній уголь и предалась шамъ печальнымъ размышленіямъ.

Когда доложили, что все уже готово къ скачкѣ, Баронешъ подалъ руки обѣимъ сеспрамъ Трасей. — “Пойдемъ,

сказаль Бересфордъ, схвативъ грубо Юлію за руку: видно мнѣ должно вести себя; вѣрно никто другой не предложитъ услугъ такой неряхѣ.,

Слова сіи споль сильно пронули Юлію, что она залилась слезами.—“Переспань, сказаль Бересфордъ: ты можешь занемочь и спыдно съ заплаканными глазами показаться въ общество... Скажи пожалуй, куда дѣвала ты свои деньги: я хочу непременно знать эшо,, Я отдала ихъ бѣд...—“И ты смѣла сдѣлать эшо!,,...вскричалъ съ бѣшенствомъ Бересфордъ, не давь ей договорись. Онъ оставилъ Юлію, и пошелъ одинъ.

Началась скачка. Всѣ были довольны, кромѣ Юліи. Приведенная въ отчаяніе гнѣвомъ отца и холодностію Баронета, съ шрудомъ могла она сносить свое положеніе. Одна только мысль, что ею возвращено счастье цѣлому сѣмейству, что оно ее благословляетъ...поддерживало ея бодрость. — “Въ чемъ раскаиваешься мнѣ? думала Юлія: можешь бышь никто здѣсь не имѣетъ спольбо причинъ радоваться, какъ я! Удовольствие опъ щеславія сравнишь ли когда съ сладостію благошворенія?,,—

Но героиня наша хопя и разсуждала какъ мудрецъ, однакожь чувспвовала какъ женщина; и пропивъ воли на лицѣ ея изображалось вмѣсто обыкновенной кропосци, внушрѣнное смущеніе.

Съ какимъ нешерпѣніемъ ожидала она окончанія скачки, чпобъ возвратиться домой.—Скачка дѣйспвишельно скоро кончилась, но къ большей неприятности Юліи всѣ госпи вмѣсто того, чпобъ ѣхашъ по домамъ, пошли къ хозяину завпракапъ, послѣ чего расплагались заняшъ музыкою и танцами.

Г. Ганмеръ просилъ Сира Фридриха начашъ менуетъ съ его дочерью. Баронешъ, пропанцовавъ съ нею, подошелъ потомъ пригласилъ Юлію, но она закраснѣлась и отказала.

“Спунай!”, вскричалъ Бересфордъ, надрываясь съ досады.—Юлія танцовала прекрасно.—Для чего не соглашаешесь вы танцовашъ, когда васъ просяшъ? спросили ее другія дѣвицы—“Я не шакъ одѣта, опвѣчала Юлія съ замѣшашельсшвомъ: и не могу сняшъ капоша.”

“Чтобы чортъ побралъ эшотъ капошь!”, вскричалъ Бересфордъ, потерявъ терпѣніе. Юлія едва могла удержашъ свои слезы, но виновата ли она, что такъ одѣлась?..она ѣхала не на балъ, а смотрѣшь скачку. Дѣвица Трасей была гораздо предусмотрительнѣе, и когда Баронетъ подошелъ звать ее, то она, снявъ съ себя капошь, явилась въ самомъ блестящемъ и модномъ платьѣ.

“Прелесшь! прелесшь!”, . . . раздалось шихо со всѣхъ споронъ. Раздраженный Бересфордъ взглянулъ съ укоризною на дочь свою. Сама Юлія, готовая всегда ондавать справедливосшь достоинствамъ другихъ, почувствововала шущъ всю неприязносшь своего положенія.

Послѣ менуета начали танцовашъ анлезъ. Юлія не могла опказашъся; но пропанцовавъ не болѣе пяши минушь, почувствововала боль въ груди. Не въ силахъ будучи продолжашъ танца, принуждена была она сѣсшь.

“Сегодня, кажешся, дочь моя съ ума сошла!”, вскричалъ Бересфордъ во весь заль. Спусти нѣсколько времени танцы кончились и началась музыка. Миссъ

Ганмеръ разыграла сонату, а Миссъ Трасей пѣла бравурную арію съ большимъ искусствомъ. Юлію попросили сыграть на фортепіано; однакъ она отказалась.—Такъ спойте что нибудь—сказала Миссъ Ганмеръ.—“Право не могу и пѣшь.,,—Какъ! и пѣшь ты не хочешь? закричалъ Бересфордъ.—“Я нездорова, папинька и.,,—Довольно, довольно...вошь миѣ плаша за всѣ издержки, копорыя упошребиль я на швое воспитаніе!.,

Миссъ Трасей пѣли попомъ Итальянскій дуэтъ, очень трудный. Общее рукоплесканіе было наградою ихъ искусства.—“Посмотри, сказалъ Бересфордъ своей дочери: какъ далеко отсшала ты отъ нихъ; а онѣ дуры!.,—

“Если не въ соспоянніи вы спѣшь большую арію, сказала Миссъ Ганмеръ Юліи: по вѣрно можете пропѣшь балладу безъ музыки; увѣряюшь, что вы превосходны въ эпомъ родѣ.,,—Я тоже слышаль; прибавиль Сиръ Фридрихъ: не лишите насъ эшого удовольствія, сдѣлайте одолженіе спойте.—“Съ охо-

шою бы спѣла, ошвѣчала Юлія дрожащимъ голосомъ, шакъ что едва можно было ее слышать: но, Миссъ Трасей, вы сами знаете, что просная баллада шребуешь болѣе смѣлосши, нежели другая арія, и что единственное достоинство ея состоишь въ чистотѣ произношенія и вѣрносши звуковъ.,—Согласна съ вами; но хоть попробуйше только — “Право не могу.,”

—Дѣвицы Трасей, пожавъ плечами переспали докучать Юліи своими просьбами.—“Эшо для меня чрезвычайно удивительно, сказала одна изъ нихъ споявшимъ близъ нее кавалерамъ: говорятъ, что Миссъ Бересфордъ шакъ любезна въ обращеніи, но шеперь...можешъ бышь она не въ духѣ!...или думаешъ нравишься однимъ только своимъ богатствомъ.,”

Никому не понравилось эшо замѣчаніе. Баронешъ сказалъ, что Юлія кажешся не очень здорова—“Ужь не влюблена ли она? перебила Миссъ Трасей, смѣясь сама своему замѣчанію. — Можешъ бышь—ошвѣчалъ Фридрихъ довольно сухо.

Моршмеръ начиналъ уже думать о женишьбѣ. Возвратясь изъ путешествія, спрашивалъ онъ у своего управителя о всѣхъ молодыхъ барышняхъ, живущихъ съ нимъ въ сосѣдствѣ, и пошпакъ хорошо описалъ ему прекрасныя качества и характеръ Юліи, что Фридрихъ внутренно укорялъ себя за малое къ ней вниманіе.

Бывши въ Лондонѣ, имѣлъ онъ случай видѣть у одного славнаго живописца портретъ Юліи. Сначала показалось ему, что кисть художника польстила ей; но потомъ разсмотрѣвъ его со вниманіемъ, согласился, что портретъ дѣйствительно имѣетъ большое сходство — особенно когда Юлія бываетъ весела. Съ тѣхъ поръ Сиръ Фридрихъ часто мечталъ объ ней, какъ о женщинѣ, назначенной Провидѣніемъ сослать счастлие его жизни. Въ самый день отъѣзда изъ Лондона ходилъ онъ смотреть портретъ Юліи; черты ея живо напечатлѣлись въ его памяти.

Представьте же удивленіе и досаду Сира Фридриха, когда нашель онъ въ Юліи такую ужасную перемѣну. — Но

молодые люди не любящъ долго печалисься — точно такъ сдѣлалъ и Фридрихъ — съ сожалѣніемъ взглянулъ онъ еще раза два на Юлію и...переспалъ смѣрѣвъ на нее, занявшись исключительно прелестною Миссъ Трасей.

По окончаніи музыки, господа пошли въ открытую бесѣдку, находящуюся въ концѣ сада. Тамъ посаженъ былъ превосходный полдникъ. Всѣ предавались общему удовольствію кромѣ одной печальной Юліи. Баронешъ сѣлъ между двухъ прекрасныхъ сесперъ, а Бересфордъ подлѣ своей дочери, чѣмъ *при сей вѣрной оказіи* побранилъ ее вновь за капошь.

Вдругъ вбѣгаетъ въ бесѣдку, мальчикъ лѣтъ десяти, останавливаясь и смотрѣвъ на всѣхъ, какъ будто бы кого-то ищешь. Онъ былъ чрезвычайно милъ, одѣвъ просто, но очень чисто; Сиръ Фридрихъ взялъ его за руку, приласкалъ и спросилъ кого ему надобно? — “Одну госпожу., — Какую, другъ мой? здѣсь много госпожъ.... Не васъ ли, сударыня, онъ ищешь спросилъ Сиръ Фридрихъ Миссъ Ганмеръ. — “Нѣтъ это не



ша.,—Тутъ мальчикъ примѣшилъ Юлію  
 ...съ распроспершими руками бросился  
 онъ къ ней и закричалъ: “вопъ она! вопъ  
 она! Бапюшка! мапушка! бѣгите скорѣе,  
 здѣсь она, здѣсь!., — Юлія узнала этого  
 ребенка и хотѣла выдти изъ бесѣдки;  
 но сѣмейство, которому возвратила  
 она счастье, заградило ей дорогу.—“Что  
 это значишь? спросилъ Ганмеръ. Чего  
 хотите вы, добрые люди?

“Извините насъ, сударь, мы искали  
 эту молодую госпожу, опвѣчалъ посе-  
 лянннъ, показывая на Юлію: чтообъ при-  
 нести ей нашу благодарностъ. Она  
 спасла меня и всю мою сѣмью. Еслибъ  
 не этошь ангель, то я былъ бы теперь  
 въ солдатахъ, а жена моя и дѣти по-  
 шли бы по міру. Этого мало! Она обу-  
 ла, одѣла насъ, мы вѣчно...,, — Позволь  
 мнѣ пройти, добрый человекъ, я прошу  
 себя объ этомъ; сказала препенущая  
 Юлія, спараясь выдти изъ бесѣдки. —  
 “Постой, Юлія, сказалъ пронушый Бе-  
 ресфордъ: останься здѣсь.,,

— Да зачемъ же сюда пришли вы,  
 спросилъ Ганмеръ, который подумаль,

что Юлія съ намѣреніемъ приготоовила такую папешическую сцену. — А вотъ зачемъ, сударь! извольше выслушать, разскажу вамъ всю испину... —

“Нѣшь, нѣшь, сказала Юлія: пожалуй выдь опсюда; мы послѣ поговоримъ еъ шобою.,—Почему же не шеперь? возразиль Баронешъ. Говори, добрый чловѣкъ, говори: мы всѣ хопимъ слушать шебя.—

Поселянинъ воспользовался немедлѣнно симъ позволеніемъ и разсказаль подробно, какъ Юлія, узнавъ о его несчастіи, дала ему недосщававція у него девять гиней и еще при женѣ его на плашье и обувъ дѣшамъ. “Намъ и радостъ не въ радостъ была, прибавиль онъ: когда эша добрая барыня ушла опъ насъ и не сказала даже кто она. Кого намъ благодарить? Гдѣ наша благодарпельница? Мы спали распрашивать и узнали, что эшо должна бышь Миссъ Юлія Бересфордъ. Намъ сказали, что она здѣсь болѣе всѣхъ дѣлаешъ добра.,”

Юлія, закрывъ руками лице свое, бросилась въ объятія къ опцу. — Все

общество хранило молчаніе. — Съ досадою слушали молодыя люди похвалу благодарныхъ поселянъ добродушной Юліи.

— Говори, добрый человѣкъ, говори все, сказала ему Баронешъ, опирая слезы. — “Вчера, сударь, присовѣтовали мнѣ перебраться въ городъ, мили за чептыре отсюда; шамъ найду я гораздо больше для себя работы. — Но какъ можно было намъ опривитись шуда, не поблагодаривъ нашу благодѣтельница; мы пошли къ ней, узнали, что она здѣсь, и осмѣлились войти сюда... Да благословишь васъ Богъ, добрая барышня, и да наградишь доснойно за всѣ ваши добродѣтели!,,

Юлія плакала и не могла произнесль ни одного слова; осчастливленное ею семейство возобновило свою благодарность. — “Это настоящая комедія!,, сказала съ коварною улыбкою Миссъ Трасей. — Но въ кошорой, присовокупилъ Баронешъ: каждому изъ насъ прияшно быль дѣйствующимъ лицомъ. Не угодно ли, продолжалъ онъ вынимая кошелекъ: подтвердишь слова мои самымъ дѣломъ, не для того, что бы сравнишь съ ве-

ликодушною Миссъ Бересфордъ, но по крайней мѣрѣ для того, что бы эти добрые люди не думали, будто во всемъ свѣтѣ одна только она помогаетъ бѣднымъ. — Всѣ одобрили его предложеніе; Фридрихъ обошелъ всѣхъ со своею шляпою, въ кофору положилъ напередъ при гиней, и молодыя Леди одна передъ другою бросали въ нее деньги. Самъ Бересфордъ далъ пять гиней, а Ганмеръ велѣлъ накормить у себя хорошенько бѣдное сѣмейство и снабдить необходимо нужными на дорогу вещами.

Сѣли опять за столъ. Между темъ какъ Бересфордъ со слезами провожалъ поселянъ изъ сада и возвращался потомъ въ бесѣдку—Баронетъ успѣлъ уже занять мѣсто подлѣ Юліи.—“Милостивыя Государыни! сказалъ Бересфордъ, подошедъ къ ней: вы увидите совершенно новую сцену — отца, просящаго извиненія у своей дочери. Милая моя Юлія, признаюсь, что до сихъ поръ очень дурно обращался я съ тобою; что былъ слишкомъ суровъ, суровъ...но шеперь... обними меня, другъ мой, прости несправедливаго отца твоего. Юлія бро-

силась въ объяшія Бересфорда. — “Что это? Еще комедія! сказала Ганмерь. Я не думалъ, чтобъ вы, господинъ Бересфордъ, были такъ чувствительны.,,

— Позвольте, отвѣчалъ шопъ: скажите вамъ напередъ нѣсколько словъ. Дочь моя огорчила меня сегодня ужаснымъ образомъ. Желая, чтобъ нарядъ ея не сдѣлалъ безчестія вашему празднику, послалъ я ей прешьягодни двѣнадцать гиней на покупку прекраснаго чернаго бархатнаго капота, который недавно видѣла она въ одной лавкѣ и который чрезвычайно ей тогда понравился. Представьте же себѣ мое удивленіе и досаду, когда увидѣлъ я ее здѣсь въ этомъ старомъ полинявшемъ капотѣ. Я разбранилъ ее, разругалъ при всѣхъ; но мнѣ и въ умъ не приходило, что бы эти деньги были употреблены на такое доброе дѣло... Теперь, господинъ Ганмерь, продолжалъ Бересфордъ: можете смѣяться надо мною и называть меня чувствительнымъ сколько вамъ угодно. Несмотря однако на то, что дочь моя такъ дурно одѣта, я горжусь ею болѣе, нежели гордилсябъ тогда, когдабъ она

разряжена была въ атласѣ и въ кружевахъ. — “Вы совершенно правы, сказала Фридрихъ: Миссъ Бересфордъ превратила эпошъ спарый капощъ въ самую почешную одежду. Предлагаю вамъ, Милоспивыя Государыни, шощъ: за здорovie женщины, могущей пожертвовать наслажденіемъ тщеславія удовольствію благотворительности.

Леди кусали себѣ съ досады губы, но не опвергнули шоща. Бересфордъ плакалъ опъ радости; Юлія была совершенно счастлива.

Полдникъ кончился, и всѣ снова начали просишь ее, что бы она процѣла балладу. Могла ли Юлія опказать усиленнымъ просьбамъ гостей и особенно шого, кто первый предложилъ пишь за ея здорovie? Она пѣла просиую, шогашельную балладу самымъ очаровательнымъ образомъ.

Никто не смѣлъ прервать ея рукоплесканіемъ, потому что всякой опасался пропустишь хотя одинъ изъ сладостныхъ, умилишельныхъ звуковъ доходящихъ прямо къ сердцу. Юлія окончила пѣніе, и всѣ изъявили ей свой

восторгъ, выключая Фридриха, копорый хранилъ молчаніе. Юлія примѣшила разспроенный его видъ, слышала вылетѣвшій изъ груди его вздохъ и была въ восхищеніи, что онъ не сказалъ ей ничего.

Г. Ганмеръ пригласилъ всѣхъ госпеш на вечерній балъ и ужинъ. Выходя изъ сада, Фридрихъ подаль руку Юліи. — «Какая прекрасная дѣвица!», сказалъ онъ ей, смотря на Миссъ Трасей. — Да, опвчала Юлія: и какъ хорошо поеш, какой удивительный голосъ! — «Ваша правда: чрезвычайно крѣпкій и сильный голосъ; впрочемъ онъ болѣе удивляетъ, нежели нравится. Извините, Миссъ, мое замѣчаніе: мнѣ кажется, что если эмблема дѣвицы Трасей ешь арія бравура, то вашею долѣжна быть баллада — одна обольщаетъ слухъ, другая прогаеш сердце.», — Къ чему такія сравненія! — сказала Юлія покраснѣвшись и поспѣшая соединиться съ обществомъ.

Вечеромъ одѣтая проспо, но совкусомъ, Юлія довольная сама собою и другими, привлекала общее удивленіе. И могла ли она не быть любезнѣе обик-

новеннаго, когда ясно видѣла, что потъ, кемъ занималось ея сердце, пипаль къ ней самую нѣжнѣйшую спрасць. Баронешъ не опходилъ опъ Юліи; любовь его изображалась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

Баль кончился, госпи начали разѣзжашься.—“Юлія! сказалъ Бересфордъ, сидя съ нею въ карешѣ: чернѣй бархатнѣй капощъ будешъ швой...Сиръ Фридрихъ, надѣюсь, шакже.,,

Предсказаніе его сбылось: капощъ подарилъ онъ дочери на другой день, а Баронешъ женился на Юліи спусщя два мѣсяца. Сдѣлавшись счаспливою супругою и счаспливою матерью, берегла она, какъ драгоцѣннѣйшій памятникъ, старѣй свой розовѣй полинявшій капощъ.

Тула.

(Сообщено.)



## ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Роса, освѣщенная алымъ сіаньемъ,

Блесшипъ на младомъ василькѣ;

Карпины цѣшущей весны съ препешаньемъ

Рисуюшся въ ясной рѣкѣ.

Прекрасны: испочникъ бѣгуцій съ утеса



И роща въ пурпурныхъ огняхъ;  
 И сладоснень сонъ озлащеннаго лѣса,  
 Глубокій покой на поляхъ!  
 Прекрасна злапая звѣзда на огнишпомъ,  
 Багряномъ краю облаковъ,  
 Кудрявая липа на холмѣ душишпомъ  
 И риза цвѣпная луговъ!  
 Прекрасень—въ долинь кустарникъ зеленый,  
 Увѣчанный прудъ проспникомъ,  
 И сладко журчащій ручей, осѣненный  
 Развѣсистой ивы шапромъ!...  
 Все шихо! лишь иволги въ рощѣ спенаньѣ,  
 И звонкая прель соловья,  
 И гибкой березы листовъ шрепетанье  
 Сливаюшся съ плескомъ ручья!...  
 О сколь восхишпелець вечеръ весенній,  
 Природы уснувшія видъ!  
 О какъ неизмѣнно—любовь въ своей сѣни  
 Сонмъ шварей союзомъ хранишь!  
 О сколь Ты премудро, Благій и Всесильной!  
 Для счастья мѣръ сошворилъ!  
 И розы долины—съ улыбкой умильной,  
 И сонмы горящихъ свѣшпиль!  
 Ты двинешъ десницей—и листъ упадаешъ  
 На крыльяхъ Зефира съ кустовъ;  
 Ты двинешъ—въ проспраншвѣ небесъ изче-  
заешъ  
 Сисшема плывущихъ мѣровъ!

П. Шкляревскій.



## ВСЯКОМУ СВОЕ.

(Отрывокъ изъ моего Журнала.)

“Странно, право странно! говорилъ А.: возражать чрезъ пять лѣтъ на нѣсколько замѣчаній, брошенныхъ въ журналъ!,, (1)

— Почему же, сказала я: давность еще не прошла и сочинитель имѣеть полное право возобновить процессъ...  
*Всякому свое дорого!*

... дитя мое горбатое, кривое,  
Но я его люблю; *мое*, а не чужое!

Желательно знать, что-що скажешь  
Рецензентъ?.. —

(1) Въ 1818 году въ 23 № Сына Отечества Кн. Цертелевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній (которыя, помнишь, не занимають и двухъ страницъ) на Грамматику Малороссійскаго нарѣчія, сочиненную А. Павловскимъ. Сочинитель чрезъ пять лѣтъ вздумалъ опвѣчать на оныя и издалъ свою антикриптику особою книжкою, въ кошорой болѣе двухъ печашныхъ листовъ.

А. Я думаю, что онъ ничего не скажетъ. Кому охота опвѣчать на тридцать чепыре страницы пустословія! — Во всей аншикрипикѣ я нахожу одну только возраженіе совершенно справедливымъ; именно на слово: *роека*. Но эта ошибка могла произойти отъ такой же неосмотрительности, копорю Аншикрипикъ оправдываетъ себя и которая гораздо извинительнѣе въ современной рецензіи, нежели въ Грамматики, лежавшей у сочинителя тридцать лѣтъ въ рукописи (2).

Я. Это правда: въ тридцать лѣтъ можно, по крайней мѣрѣ, тридцать разъ пересмотрѣть сочиненіе, приготоовленное къ печатанію.

А. Однако же я душевно сожалью, что замѣчанія, сдѣланныя вѣроятно безъ всякаго злаго намѣренія, помѣшали успешной продажѣ Малороссійской Грамматики (3), копорю сочинителю понадобилось напечатать (4). Если она

---

(2) См. Аншикр. стран. 8.

(3) Тамъ же стран. 34.

(4) ——— стр. 1.

не разойдется, по мы можемъ лишишься удовольствія видѣть изданіе *важнѣйшихъ трудовъ* (5) такого писателя, которому Грамматику кажутся *предметомъ весьма неважнымъ* (6).

Я. Право? Такъ я спану умоляшь всѣхъ моихъ знакомыхъ, что бы они покупали не только Малоросійскую Грамматику, но даже и Аншикрипику.

А. Вы можете прибавить, что послѣдняя исполнена превосходными доводами, на примѣръ: сочинитель, сказавъ, что Малороссіяне произносятъ всегда и какъ *ы* (7) и что между сими буквами нѣтъ средняго звука, говоришь: “ученые Малороссіяне въ словахъ: *tibi, tiefé, hardi*, произносятъ букву *i* не шакъ, какъ (наше) мягкое *i*, но почно шакъ какъ иностранцы.,

Я. Слѣдовательно, по мнѣнію его, какъ *ы*? ибо онъ не полагаешь средняго

(5) Тамъ же спран. 34.

(6) ————— г.

(7) Не уже ли даже и въ словахъ: *мои, твои, ихъ, снимаю?*

звука между мягкимъ и швердымъ произношеніемъ буквы *и*.—Ипакъ онъ думаетъ, что иностранцы и ученые Малороссіяне Лапинскія слова: *tibi*, *liber*, *lingva*, и п. п. произносятъ: *тыбы*, *лыберъ*, *лынга*; Нѣмецкія: *libe*, *winkel*, *listig*—*лыбе*, *вынкель*, *лыстыгъ*; Французскія: *ami*, *devenir*, *midі*—*амы*, *девеныръ*, *мыды*... Прекрасное было бы произношеніе!

*А.* Онъ большой мастеръ доказывать. Напримѣръ: *Ятка* у него не Малороссійское слово, потому что оно есть у Поляковъ; напрошивъ того *ма* Малороссійское мѣстоименіе по той причинѣ, что и Поляки употребляютъ его въ такомъ же значеніи.

*Я.* Это еще лучше. Но скажите однако не шузя, какъ вы находите его Грамматику?

*А.* Я нахожу, что она превосходное произведеніе въ своемъ родѣ. Да и можно ли сомнѣваться въ совершенствѣ оной?—Сочинитель кляпвенно ушверждаетъ (8), что онъ природный Малороссіянинъ; а этого развѣ не довольно, что

---

(8) Тамъ же, стран. 11.

бы написать хорошую Грамматику? Можеть ли быть несовершеннымъ сочиненіе писателя, который говоритъ, что Князь *Кій* построилъ Кіевъ (9); что все равно пишеть *Бож-дерево*, или *Бис-дерево* (10); что нарѣчіе древнихъ Полянъ было Малороссійское (11) и что нельзя ощу-

(9) Тамъ же спран. 15.—Этой баснѣ и тогда уже не вѣрили, когда Малороссійская Грамматика была еще въ рукописи.

(10) Антикрипикъ на спран. 18 говоритъ: “*Бис* есть испорченное слово, а именно: изъ *Бог* вышло *Бож*, изъ *Бож* вышло *Биж*, изъ *Биж*—*Бизъ*, изъ *Биз*—*Бисъ*; еще *Бож* и *Бис* одно и тоже слово, и слѣдовательно можно пишеть: *Бис-дерево* вмѣсто *Бож-дерево*. Это напоминаетъ мнѣ того Историка, который утверждалъ, что *Одоакръ* есть испорченное Русское слово: *Надѣжа-Царь*. — *Одоакръ*, говорилъ онъ: произошло отъ *Одоацеръ*, *Одоацеръ* отъ *Одоацаръ*, *Одоацаръ* отъ *Одѣацаръ*, *Одѣацаръ* отъ *Одѣяцаръ*, *Одѣяцаръ* отъ *Надѣяцаръ*, а *Надѣяцаръ* отъ *Надѣжа-Царь*; ergo *Одоакръ* есть Русское слово.

(11) Антикрипикъ на спран. 15 говоритъ: “я писалъ слова по тому произношенію, какое мнѣ случалось слышать въ разныхъ мѣстахъ, а главнѣйше въ Кіевѣ,

щастъ красоты и доспоинства стихотвореній, если надъ словами ихъ не будутъ поставлены ударенія, и если правописаніе не выражаетъ въ точности произношенія словъ (12) — Такой писатель конечно не ошибется!

Я. Какъ ему ошибиться! Теперь и я увѣренъ, что Рецензентъ не будетъ отвѣчать не только на одну Аншикришку Сочинителя Малороссійской Грамматики, но если онъ напишетъ и еще десятокъ, столь же искусныхъ и основательныхъ.

*Житель Васильевского Острова,*

*ттиттитт*

---

гдѣ жили древніе Поляне, сами Государи и Малороссійскіе Гетманы, а слѣдовательно и языкъ былъ *въ тистѣйшемъ состояніи*., Ипакъ Сочинитель думаетъ, что не только Гетманы, но древніе Кіевскіе Князья и Поляне говорили нарѣчіемъ Малороссійскимъ?—Весьма любопытно знать, откуда почерпнулъ онъ сіи историческія свѣденія.

(12) Какимъ же образомъ ощущаемъ мы красоту Поэзіи въ переводахъ?

## ОБЪЯВЛЕНІЕ

опъ будущихъ Издашелей *Литте-  
ратурнаго Календаря.*

Явилась *Полярная Звѣзда* — и всѣ  
бросились смотрѣшь ее: честь и сла-  
ва ей! Она показалась ѣ и исчезла — съ  
блескомъ!..И ее не видашь...ни въ obser-  
вашоріяхъ Глазунова, ни въ обсервато-  
ріяхъ Свѣшникава и Ширяева!

Не всѣхъ не угодишь! Нашлись зор-  
кіе люди, кошорымъ не понравилась  
*Полярная Звѣзда*. Ихъ тонкое зрѣніе на-  
шло въ ней тысячи пятенъ...что и не  
удивительно:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

Душевно раздѣляя скорбь всѣхъ *По-  
этовъ* и *Прозаиковъ*, имена кошорыхъ  
не сіяли въ *Полярной Звѣздѣ*—мы рѣши-  
лись издашь въ будущемъ тысяча во-  
семь сошь двадцашъ четвершомъ году  
Литшературный Календарь подъ на-  
званіемъ: *КОМЕТА*.

Цѣль нашего изданія самая благона-  
мѣренная.



Мы, по слѣдамъ *Полярной Звѣзды*, освѣтимъ хвостомъ нашей кометы всѣхъ древнихъ, всѣхъ новыхъ и всѣхъ новѣйшихъ писателей Русскихъ.

О древнихъ упомянемъ слегка. Они извѣстны и шворенія ихъ оцѣнены.

Объ умершихъ скажемъ или хорошее, или вовсе ничего, пошому что такъ угодно одному умершему Лапинскому писателю.

Спатья о новыхъ и самыхъ новѣйшихъ писателяхъ, въ полной мѣрѣ удовлетворить самолюбію всѣхъ и cadaго.

*Полярная Звѣзда*—свѣтила болѣе надъ Пешербургомъ; въ Москвѣ—показалась немногимъ. Хвостъ Кометы забереть все оставленное *Полярною Звѣздою*.

Кромѣ оставленнаго, *Полярная Звѣзда* забыла господъ: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Э, Ю, Я, Ѳ, V!! Всѣ эти господа теперь въ спрашномъ огорченіи. *Полярная Звѣзда* не бросила ни одного луча на ихъ Баллады, Гимны, Пѣсни, Надписи, Мадригалы, Христомашіи, Азбуки, Пѣсенники, Письмовники, Лѣчебники, Буквари, Таблицы... Всѣ эти

господа въ полномъ сіяніи являся въ хвостѣ нашей Кометы, а пошому и просимъ господь Сочинителей и Переводчиковъ прислать къ намъ:

- 1) Подробный послужный списокъ.
- 2) Ревстръ своимъ сочиненіямъ, изданнымъ и не изданнымъ.

3) Что нибудь для хвоста Кометы: Пѣсню, Валладу, Шарладу, Повѣсть, Новость, пол-Трагедіи, или четверть Комедіи, и ш. п.

Все примется съ испинною признательностію, и все будетъ напечатано, непременно.

Н. В. Наимолѣе просимъ обо всемъ эшомъ господь, несіявшихъ въ *Поларной Звѣздѣ*, какъ по: поэшовъ, кошорые видали въ печати свои сочиненія; славныхъ издашелей Хрисшомашій, Букварей и Азбукъ; редакторовъ Письмовниковъ и Пѣсенниковъ; переводчиковъ романовъ, занимающихся сочиненіемъ аппеляціонныхъ просьбъ, однимъ словомъ просимъ покорно всѣхъ пишущихъ ошъ скуки, ошъ бездѣлья, ошъ избышка разума, ошъ нужды, ошъ смершной охоты—просимъ покорно — прислать къ

намъ свои сочиненія и переводы. Все  
будешь напечатано, и имя каждаго, не-  
мерцаемымъ свѣсомъ возблеспишь въ  
хвостѣ Кометы 1824 года.

Адрессоваться въ Москву: *Издате-  
льмѣ Литтературнаго Календаря: Ко-  
мета.*

(Сообщено.)

Москва.

13 Апрѣля 1813.

~~~~~

КЪ В. Н. ГР... ВУ.

Забылъ ты, мечшатель, пусшынника друга,
Забылъ ты поварища лѣшь золотыхъ;
И рѣдко, ужь рѣдко изъ шумнаго круга
Словцо прилепишь въ кругъ Пенаповъ мо-
ихъ.

Такъ: вѣщрень, цоэшь, щы—лиць съ Музой
сдружился,

Лишь чашу Каспальскихъ водъ чистыхъ ис-
пилъ,

И славы Парнасской искашь успремился —
И дружбу, какъ сонъ легкокрылый, забылъ.

Напрасно, поварищъ! ты съ Музой своею,
Повѣрь, въ нерасчетный вступишь договоръ:

Безъ дружбы? мечшатель ошибся, жалѣю,
Ошибся: ты въ выборѣ слишкомъ былъ скоръ.

Уже ли безъ дружбы есть счастье въ семь
миръ?

Ахъ, нѣшъ! и нигдѣ и никто не нашель!
 Кипожь, съ дружбой, умѣешь играшь и на
 лиръ
 Тонъ счасливъ, пого мнѣ заѣидѣнь удѣль!
 Но можноль?...наперсникъ Горація, Тасса!
 Скажи мнѣ, пусть будетъ намъ всякій судья:
 Возможноль по спрогимъ законамъ Парнасса,
 Чинобъ были межъ вами Поэты друзья?—
 Нѣшъ, другъ мой! позволъ мнѣ подумашъ до-
 сугомъ,
 Чино, кажется, въ свѣшъ не можешъ шакъ
 быть,
 Что жинель Парнасса не можешъ бышь дру-
 гомъ,
 Не можешъ, не можешъ мечшашъ и любить,
 Ахъ, нѣшъ! шы не вѣрь мнѣ, я въ гореш-
 ной думѣ
 Забыль—признаюся охотно въ винѣ—
 Забыль, шы въ сполицѣ, въ неволѣ и въ
 шумѣ —
 Я въ приспани шихой, свобода при мнѣ.
 Приличіемъ моды всегда обольщенный,
 Ты приходи свѣшской бышь долженъ рабомъ;
 Иль можешъ бышь юной Аглаей плѣненный,
 Ты шепчешъ любовь ей, ей пишешъ въ аль-
 бомъ;
 Бышь можешъ, Форшуны счасливый иска-
 шель,
 Ты мчишься въ богапой возницѣ Паши..
 Когда же, скажи мнѣ, любезный мечшашель,

Когда же подумаешь о дружбѣ, скажи?—
 А я, въ уголкѣ одинокомъ, уютномъ,
 Вдали я отъ шумной столицы швоей,
 Мечтаю о счастья хопѣ въ мѣръ минувномъ
 И счастливъ въ кругу я родныхъ и друзей!
 При юномъ румяной денницы восходѣ,
 Брожу по холмамъ, по долинамъ самъ-другъ;
 Тамъ гимнамъ воздушныхъ пѣвцовъ на сво-
 бодѣ

Внимаю и гимнъ повсюрятся мой духъ.
 Недавно Природа еще сиротѣла,
 Подъ льдинымъ перспомъ не дышалъ ручеекъ;
 Теперь багряница дубраву одѣла,
 Теперь зеленѣетъ душистый лужокъ.
 Такъ, другъ мой! съ шѣхъ поръ, какъ раз-
 стался съ столицей,
 Не зная заботы, живу я въ пиши,
 Жизнь съ дружбой, съ любовью мнѣ ясной
 свѣшлицей,
 И вѣрь, не ищущу позолоты души.
 Послушай, мечшатель! коль съ дружбой въ
 союзѣ
 Поэшь бышь не можешь, по шрудный сей
 пушь
 Оставь-вошь совѣшь мой: опкланяйся Музѣ,
 Сбрось иго Поэша и другомъ мнѣ будь.

М. Шкловѣ.

С. Ст - ть.



ВЪ АЛЬБОМЪ

Л....Н....Пожарской.

Любовь съ любовью обихаетъ;
 Она въ глазахъ ея блистаетъ,
 Она алѣетъ на щекахъ,
 Она порхаетъ на устахъ—
 Сама Любовь объ эпомъ знаетъ....
 Къ комужь Любовь любовью шаетъ?
 Къ кому заботливо склоняетъ
 И нѣжный взоръ и шонкій слухъ?
 Взгляните—тушь споятъ вокругъ
 Амѹры-дѣщи и супругъ...
 Ахъ! у того холодный духъ
 И вмѣсто сердца камень вложенъ,
 Кто видомъ симъ не попревоженъ!...

Любовь есть лучшій въ мѣрѣ другъ:
 Она покоитъ и лелѣетъ;
 Въ преклонныхъ лѣпахъ чувствва грѣетъ
 И заславляетъ жизнь любитъ:
 Не можно безъ любви жить!

Любовь—души обвороженье,
 Въ блаженствѣ прочномъ—уѣренье,
 Въ напасняхъ жизни—подкрѣпленье,
 Безчувственнымъ—опягощенье,
 Чесплюбивымъ—обольщенье,
 Для эгоистовъ—привидѣнье,
 Ревнивымъ—адское мученье!

И шакъ, кшо можешъ неразлучно
 Съ любовью цѣлый вѣкъ прожишь,
 Влаженъ—но безъ любви скучно!
 И какъ безъ ней всю жизнь пробышь?
 Въ альбомъ любви для всѣхъ прияшно
 Писашъ остро, легко, поняшно;
 Но коль не могъ я угодишь,
 Прощу любовь меня простишь.

Леденскѣ.

Ив. Козловъ.



Къ портрету N. N.

Благихъ законовъ врагъ, добра прошивникъ
 бурной,
 Умѣлъ онъ ясно доказашъ,
 Чшо можно думашъ очень дурно
 И очень хорошо писашъ.

В.



КРИТИКА.

Замѣчанія на сочиненіе , изданное подъ заглавіемъ : *Хронологическое обозрѣніе достопамятнѣйшихъ происшествій, прославившихся людей и важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній отъ начала міра до окончанія Веронскаго Конгреса* *).

Г Издапель Сына Отечества въ 15 № своего журнала сдѣлалъ весьма справедливыя замѣчанія на сію книжку; ошибки и даже опечатки въ хронологическихъ сочиненіяхъ непрощительны. Достоинство оныхъ состоить въ точности лѣтосчисления и ясности въ оглавленіи достопамятностей. Въ упоминаемой же нами книжкѣ, высказанные годы покло приближенно сошлѣствуютъ происшествіямъ; а оглавленіе сихъ послѣднихъ слишкомъ обще и неопредѣленно; оцѣ чего и нельзя знать чѣму именно сошлѣствуетъ высказанный годъ. Напримѣръ:

1095 годъ до Р. Х. Война Троянская.

*) Издапель Благ. сожалѣетъ, что не могъ помѣстить въ этомъ номерѣ другой, гораздо подробнѣйшей критики на сію книжку, присланной къ нему при письмѣ Г. W опъ 9 ч. Маія; но она печаталась уже въ X №.

Начало эпои войны, неудачи Грековъ и взятіе Трои, все соопвѣствуетъ сему году.

218 годѣ до Р. Х. Вторая Пуническая война; Успѣхи Аннибала, Сраженіе при Каннахъ, Осторожность Фабія.

Все эпо случилось въ доспопамятномъ 218 году?

98 годѣ по Р. Х. Нерва.

117 — — — Траянѣ; Тацитѣ писалѣ свою Исторію при Нервѣ.

Почему же помѣстимъ Тацита съ Траянѣмъ, а не съ Нервою, когда онъ при немъ писалъ свою Исторію?

1588 годѣ. Могуцество Англитанѣ на моряхъ.

Англичане могуцественны на моряхъ и въ 1823 году

1623 годѣ. Гарвей; обращеніе крови.

1667—Способности Лувуа.

Развѣ за годъ предъ симъ Лувуа не имѣлъ способностей?

Но, можешъ бытъ, Издатели не имѣли намѣренія выставлятъ годы, шочно соопвѣствующіе историческимъ происшествіямъ, а замѣчали болѣе время объявленія нѣкоторыхъ указовъ, на примѣръ: выспакаленъ годъ, въ который Людовикъ XIII запрешилъ поединки. Почему же Издатели не помѣстили многихъ другихъ указовъ, изданныхъ правительствомъ различныхъ державъ, которыя

которыя несравненно важнѣе упоминаемаго *)? Симъ средствомъ могли бы они придать своей книжкѣ *значительную толщину*. Но вѣроятно, что упоминаемый Издаателями указъ доставляетъ имъ нѣкоторое приятное ощущеніе, и потому получилъ преимущество предъ прочими.

Издатели, стараясь упоминуть свою книжку и темъ облегчить своихъ читателей, не написали предисловія къ *Хронологическому Обозрѣнію*; почему и трудно узнать цѣль онаго: но впрочемъ къ чему могутъ служить невѣрныя часы, которыя беспрепятственно приводящъ насъ въ заблужденіе? Однако же и сіе не совершенно оправдываетъ Издателей; имъ надлежало показатъ источники, изъ коихъ почерпали они свои хронологическія свѣденія, ибо ихъ лѣтосчисленіе не сходствуетъ со многими историческими хронологическими сочиненіями. Еще должно было упомянуть: соотвѣстственно какой Исторіи раздѣлили они книжку свою на періоды. — Хронологія не имѣетъ нужды принимать историческое раздѣленіе: она, подобно про-

*) И эпохъ гораздо важнѣе, нежели многіе молодые люди думаютъ.

. . . . "О если бы велѣли
Мальчишекъ розгами за поединки сѣчь!,,

(Басня: *Поединокъ*.)

чимъ наукамъ, имѣеть свои эпохи, напри-
мѣръ: баснословныя времена; начало Олим-
пиады; начало Христіанскаго лѣтосчисленія;
бѣгство Магомеша изъ Мекки въ Медину,
или начало Магомешанскаго лѣтосчисленія,
и еще нѣскольکو. Въ одномъ однако же слу-
чаѣ, Хронологія можетъ приняты испориче-
ское раздѣленіе, т. е. когда она приложена
къ какой либо Исторіи; удобносью прииски-
вать годы, можетъ служить сему причиною.
Но сіе не извиняеть Издашелей *Хронологи-
ческаго Обзорѣнія*; раздѣленіе книжки ихъ на
испорическіе періоды не имѣеть причины
и безшлезно.—По моему мнѣнію, хронологи-
ческія сочиненія должны соспоять изъ двухъ
частей, изъ коихъ одна располагается по
годамъ, а другая по алфавиту, коего поряд-
ку должно слѣдовать при размѣщеніи загла-
вій достопамятностей, входящихъ въ со-
спавъ хронологическаго сочиненія. Въ сей
последней части, или описи, мы прииски-
ваемъ происшествіе, или названіе предмета,
коего мѣсто въ хронологіи желаемъ знать;
высшавденная спраница облегчаеть опши-
скиваніе онаго въ первой части, которая
насъ и удовлетворяеть.—Издатели же *Хро-
нологическаго Обзорѣнія* лишили насъ сей ал-
фавитной описи, и принуждають къ *при-
ятному* перечисыванію своихъ шрудоеъ, для
опыскиванія *приближеннаго* времени какого

либо происшествія. — Сей недостатокъ ихъ книжки немъ оцупишельнѣе, чемъ предметъ менѣ извѣстенъ. Напримѣръ, трудно приискать: когда умеръ Папа Иннокентій? Когда начали прививать оспу? Когда случилась близкая одна послѣ другой контина пяти Королевъ? Однако же Хронологическое Обзорѣніе показываетъ время сихъ происшествій.

Я. Г.

т т т т т

Литтературныя Новости.

Г. Грець и Князь Цертелевъ, по порученію Высочайше утвержденного С. П. бургскаго Общества любителей Россійской Словесности, занимаюпся двумя важными, для Словесности нашей, сочиненіями, Первый Россійскою Грамматикою, а второй Историческою Картиною Россійской Словесности. Тотъ и другой представили уже Обществу первые опыты своихъ занятій: Г. Грець *Корректурные листы Россійской Грамматики*, а Князь Цертелевъ *Взглядъ на состояніе Россійской Словесности до XVII столѣтія*. Сообщаемъ читателямъ *Благонамѣреннаго* краткое извѣстіе о сихъ полезныхъ сочиненіяхъ.

Корректурные листы Россійской Грамматики будутъ состоять изъ четырехъ ше-

прадей. Первая, копорая уже оппечатана, заключаешъ въ себѣ: *Введеніе, Этимологию общую и Этимологию частную до глагола; во второй будетъ окончаніе Этимологии частной; въ третей Синтаксисъ; въ четвертой Орфографія*. “По разсмотрѣніи, исправленіи и одобреніи сихъ коррекшурныхъ листовъ, говоримъ Сочинитель, я присуплю къ изданію своей Грамматики въ надлежащемъ видѣ:

Вопъ раздѣленіе первой шепради:

Ч. I. Г. 1. о буквахъ и ихъ сочетаніи.

— 2. о образованіи словъ.

— 3. о произношеніи буквъ.

Ч. II. Г. 1. объ имени существительномъ.

— 2. — — — прилагательномъ.

— 3. — — — числительномъ.

— 4. о мѣстоименіи.

До сихъ поръ—говоря искренно—мы не имѣемъ еще надлежащихъ правилъ языка нашего. Грамматика Ломоносова и Академическая, копорыя по справедливости почищаются лучшими, далеки еще опъ своего совершенства; а попому всякій опытъ въ изложеніи правилъ языка нашего должно приниматьъ съ благодарностію.—Московское Общество любителей Россійской Словесности съ нѣкопорого времени оказываешъ большія услуги по сей части. Надѣмся, что занятія и С. П. бургскаго Общества по сему предмету будутъ полезны.

Въ непродолжительномъ времени мы представимъ читателямъ нашимъ подробное разсмотрѣніе Корректурныхъ листовъ Россійской Грамматики; теперь же скажемъ только, что въ оныхъ есть замѣчанія новыя и что Г. Сочинитель, кромѣ изданныхъ на опечеченномъ языкѣ Россійскихъ Грамматикъ, пользуется еще Граммамиками Россійскими, изданными на языкахъ иностранныхъ.

Историческая Картина Россійской Словесности будетъ состоять изъ двухъ частей. Первая часть заключаетъ въ себѣ *взглядъ на состояніе Словесности отъ начала оной до конца XVII столѣтія*; вторая—*обозрѣніе оной отъ XVII столѣтія до нашихъ временъ*. — Памятники Словесности, о которыхъ упоминается въ первой части, расположены хронологическимъ порядкомъ; вторая часть будетъ разделена по матеріямъ съ соблюденіемъ хронологіи въ порядкѣ писателей *). Судя по представленнымъ опытамъ и образу мыслей Сочинителя, извѣстнаго любителямъ Словесности многими основательными рецензіями, разсѣянными въ жур-

*) О планѣ сего сочиненія подробнѣе можно видѣть во 2 № *Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія*.

налахъ *), можно надѣяться, что книга его будетъ полезна. Г. Гречъ въ *Опытѣ* своемъ *Исторіи Россійской Словесности* сдѣлалъ, такъ сказать, одинъ абрисъ; Князь Цертелевъ подарилъ Словесность нашу картиною, украшенною подлинными цвѣтами, составляющими ея предметъ. Начало первой части сего сочиненія напечатано въ 5 № *Соревнователя*. Оно заключаетъ въ себѣ разсмотрѣніе важнѣйшихъ памятниковъ нашей Словесности до нашествія Татаръ, каковы суть: *Переводъ Библии, Правда Русская, Лѣтопись Нестора, Духовная Владимира Мономаха, Проповѣди Туровскаго Епископа Кирилла, Вопросы нѣкоего Кирика, Посланіе Даниила Заточника, Епископа Симона и Слово о полку Игоревѣ*. Сочинитель подробно разсматриваетъ каждый изъ сихъ памятниковъ, говоритъ о ихъ содержаніи, духѣ и достоинствѣ; приводитъ примѣры, а въ началѣ бросаетъ взглядъ на состояніе просвѣщенія вообще въ семь періодъ. Отрывокъ этотъ весьма любопытенъ. Искренно благодаримъ почтеннаго Князя Цертелева за столь полезный трудъ и желаемъ ему успѣшнаго окончанія.

~~~~~

---

\*) Сочинитель, по скромности, въ большей части рецензій скрывалъ подлинное свое имя.

## Писмо изъ Кяхты.

15 Февраля приѣхали мы въ Кяхту. Городъ сей лежитъ между горъ на песчаномъ грунѣ земли при рѣчкѣ Кяхтѣ, которая весьма мѣлка и мушва. Дома здѣсь всѣ деревянные и худой архитектуры; улицы узки.

По случаю приѣзда въ Кяхту Гг. Губернатора и Генераль - Губернатора, Директоръ тамошни и здѣшнее купечество всякой день приглашающъ ихъ къ себѣ обѣдать и старающа сдѣлать пребываніе ихъ въ семъ городѣ сколь можно приятнѣе.

Начальникъ Кихайской крѣпости *Найматина* также угощалъ сполномъ Г. Генераль - Губернатора. Обѣдъ состоялъ изъ 72 блюдъ, пригошвленнхъ, по обыкновенію Китайцевъ, изъ баранины и свинины. Нѣкоторыя кушанья были довольно вкусны.

Кихайская крѣпость *Найматина* находится въ 4 верстахъ отъ Кяхты. Она обведена небольшимъ ровомъ и палисадомъ; съ одной стороны имѣетъ шрое ворошѣ, а съ другой однѣ. Дома въ ней всѣ сдѣланы изъ глины, перемѣшанной съ соломой, и всѣ одинаковой величины и вида. Улицъ въ длину только шри, а въ ширину двѣ, и всѣ чрезвычайно узки.

Въ сей крѣпости выстроены шри ку-



мирни. Въ первой находящся: законодатель ихъ Конфуцій, богъ войны, огня и торговли. Передъ всѣми сими кумирами положены на столахъ бараны и разные пироги. Сими жертвоприношеніями пользуются Кишайскіе Ламы, или жрецы.—Въ другой кумирнѣ поставлена богиня любви; а въ прешней двѣ лошади, копорыя, по словамъ Кишайцевъ, пробѣгали по тысячѣ верстѣ въ сутки.

Поклоняющся Кишайцы богамъ своимъ слѣдующимъ образомъ: войдя въ кумирню, ударяющъ при раза въ мѣдную чашку, что бы боги услышали ихъ молитву, а потомъ при раза повергающъ ницъ предъ кумирами.

М. Я.



ГОСПОДИНУ ИЗДАТЕЛЮ БЛАГОНАМЪРЕН-  
НАГО \*).

Государь мой!

Пріятели обяжутъ \*\*),

Когда усердствуя погрѣшности покажутъ.

У васъ, Г. Издапель, пріятелей мно-  
го по журналу. Житель Выборгской сто-

---

\*) Напечатано со всевозможною точностию. Издапель поправилъ только ошибки противъ орфографіи. Изд.

\*\*\*) Смори томъ 4. переводъ Науки сти-

робны и другіе присылають вамъ запѣ-  
ливья спашьи для помѣщенія въ *Благо-*  
*ѣ смѣренноиѣ*.—Вамъ оспаеся только  
любовашься богатшымъ запасомъ и по-  
мѣщашь безъ осмоприпельности и  
разбора все то, что попадаешся въ ру-  
ки ваши.

Я, жипель Конюшенной улицы, на-  
мѣрень также вспуишь въ перепис-  
ку на одинъ разъ съ *Благонасмѣренныиѣ*  
опиюдъ не присылкою сочиненій; но  
желаніемъ принести, опъ лица вамъ  
подобныхъ чипашелей, справедливую  
благодарность.—Вы озаряя лучами Кри-  
пики переводы Классическиххъ Авпо-  
ровъ, позволише мнѣ оспановишься на  
одной только спашѣ въ VIII N<sup>o</sup> сего го-  
да, помѣщенной, о переводахъ и имен-  
но: по моему незнанію Лапинскаго язы-  
ка, *Науки стихотворной* изъ Буало!....

Ваши труды на поприщѣ Крипики  
заслуживають особенное вниманіе. Вы  
сами Авшоръ, Поэшь, Баснописецъ и  
знамениый въ своемъ родѣ; а *Благона-*

---

*хотворной* книги 1, спраница 12, стихъ 83  
и 84. Соч.

дѣреннѣйшій вашъ, обогащаемый часто примѣчаніями вашими, есть вѣнецъ вашей славы. Забудьте на часъ о извѣстной скромности вашей, но увидите сами: какое проспанное поле вы открыли себѣ и всѣмъ достойнымъ васъ подражателямъ! — Но увѣ! кѣмо осмѣлился исполинскими шагами идти за вами къ безсмертію?...Такъ точно; одинъ *Благондѣреннѣйшій* будешь достопамятными кришиками своими: сіяшь тысящи вѣковъ на полѣ Опечесливенной Словесности! — Не прогнѣвайшесь — вы единственны въ своемъ родѣ, и сами оныи создали. — Сказываюшь, что есть Романпическая Поэзія: подобно тому *Благондѣреннѣйшій* открываетъ Романпическую кришику. — Въ спашѣ о переводѣ науки Спихоспорной примѣчается *затѣйливость, острога*, а болѣе всего *истина* при особливой *краткости*. Вы, прѣмя спроками сразу извѣснаго писащеля, по таланшу, вамъ одному свойственному, хорошій онаго переводъ обращаете въ ничтожесшво!....

Желая похвалу мою вамъ основать на доказательсшвахъ, почерпнушихъ

изъ безсмертнаго Журнала вашего, выпи-  
сываю собственныя слова *Жителя*  
*Выборгской стороны*, который упоми-  
ная только о двѣнадцати стихахъ Пе-  
реводчика, говоритъ \*):

Боимся наскучить нашимъ чи-  
тателямъ дальнѣйшими выписками.  
Переводъ сей Поэмы есть истин-  
ная *Пародія* подлинника. Француз-  
скій Стихотворецъ совѣщаетъ пи-  
сать гладкими стихами, и Поэма  
его, видно для примѣра, переведена  
*шароховатыми*. Онъ предостере-  
гаетъ отъ словъ низкихъ и *площад-*  
*ныхъ*, а такихъ словъ встрѣчаемъ  
почти сколько на каждой страницѣ  
перевода.—Хвала и честь Перевод-  
чику, который постигъ, предузнавъ  
нашу теорію переводовъ, и поспе-  
рался заблаговременно обогатить  
примѣрами.,,

---

\*) Смори *Благонамѣренный* сего года  
№ VII стран. 101. Сог.

Представя чипашелямъ сіи строки, достойныя бышь напечатанными золотыми буквами \*), повшорю, что хотя ваши сочиненія, Г. Издапель, и доказыють, сколько вы печешь о чистощь изящнаго вкуса: но вамъ, спрогому наблюдателю упонченности нынѣшняго времени, не оскорбительно будешь, если скажу, что кришика о переводѣ *Науки Стихотворной* равновѣситъ съ достоинствами Баснописца и разбирашеля многихъ сочиненій.

Итакъ, позволше мнѣ въ лицѣ вашемъ похвалишь *Жителя Выборской стороны*, не только за искусство его, но за смѣлосць изобрѣшателя новаго рода кришики. Запѣливая кисць, неслыханное пареніе, и образцовый духъ свободы, оживляешь эшу сшашью, несмошря ни на испишу, ни на правила, видно по

---

\*) За неимѣніемъ въ шипографіи золотыхъ буквъ и золотой краски, я напечаталъ слова сіи, единшвенно въ угожденіе Сочинителю *затѣливаеш* Посланія, *строгнѣлѣ миттелѣ*. Напечаталъ бы и *парагономѣ*, да не достало бѣ мѣсша. *Изд.*

мнѣнію сочинителя спашьи, мѣлочныя, ни на точность, каждому судѣею. Онъ идееть дерзновенно къ своей цѣли; ему захошѣлось, что бы переводъ былъ дурень. Онъ говоритъ это опкровенно, и, какъ быстрый орель, ухвапья добычу, шерзаетъ ее шремя спроками, забывъ о мнѣніи многихъ ученыхъ сословій и объ опзывахъ извѣспныхъ Липерашоровъ; но за шо обнажаетъ полное безприспращіе свое, любовь къ ближнему и шемъ одобряетъ талантъ. — Согласишесь, что сіе похвально, ново, превосходно, и едва ли, шпропуспя мимо древнихъ и новыхъ Зоцловъ, шщепся шому примѣръ во всей исторіи о Словесности. Переводъ, въ кошоромъ содержишся до 1000 стиховъ, назвавъ пародією, крипикъ величаетъ шароховапымъ и на каждой спраницѣ находишъ низкія слова, избавляя себя заболпы доказывашъ оное примѣрами.

*Вопшь геніальная небрежность!*—Вопшь награда за шруды! Вопшь печашъ искусства крипического! Припомъ изъ цѣлой Поэмы выпишашъ шолько двѣнадцашъ стиховъ, изъ коихъ иные недур-

ны, а иные могутъ собственно принадлежать сочинителю крипической спашьи, пошому что ихъ въ послѣднемъ изданіи нѣтъ.

*Хвала и теть крикику! Это смѣлость великаго человѣка; это прямое безпристрастіе такого цѣнителя, который не двусмысленно, но безъ околичности и справокъ топчетъ въ грязь переводѣ и переводчика.*

Истинно, Г. Издапель, я не могу разстаться съ Журналомъ вашимъ. Подлинно спашья ваша славная! Сочинителю оной нечего робѣть! Пускай переводчикъ будетъ кричать:

Не спорю: крикикомъ быть наслоящимъ трудно.  
А на угадъ судя легко; но безразсудно \*).

Пускай онъ говоритъ:

Что крикикъ знашокомъ себя опличнымъ числитъ \*\*)

\*) Смори томъ 2, спраница 92, стихъ 15 и 16. Сот.

\*\*\*) Томъ второй же, второе посланіе. Критикъ. Сот.

По имени пѣвца о сочиненіи мыслить.  
 Когда къ несчастію поспыль шворецъ ему,  
 Поэмы не чищавъ, кричишь на зло уму:  
 Изящнаго путь нѣтъ: не ясны мысли, плоски,  
 Безвкусные стихи, шараховашы, жестки.

Пускай педанты нашего времени,  
 послѣдователи славянизма, наперстники  
*старой школы*, не найдя въ кришикѣ  
*жителя Выборгской стороны* ни правды,  
 ни основательности, ни даже остроумья  
 и соли; заключающъ, что переводчикъ  
 правъ, а кришика несправедлива. Пу-  
 ская иные, похваляя Басенку: *Уху*, не-  
 давно напечатанную въ *Благонамѣрен-  
 номъ*, и копорую за рѣшмы несправед-  
 ливо кришикуете вы сами, Г. Издапель,  
 скажутъ, справедливо похваляя оную,  
 что нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ пере-  
 саливать не надобно. Не вѣрьте пустымъ  
 знашкамъ, копорые будутъ осуждать  
 вашу *славную статью*. Увѣнчайте сами  
 зеленымъ лавромъ *Жителя Выборгской  
 стороны*, копорый для васъ и подъ эги-  
 дою вашею похвально шрудился въ  
*Благонамѣренномъ*.

Я надѣюсь, что вы удостоите на-  
 печатать сіе мое письмо; впрочемъ это



воля ваша; только прошу не хлопотать о возраженіи. Будете увѣрены, что на оное ни опъ кого опвѣща не дожде- сесь. Переводчикъ, прочитавъ VIII № *Благонамѣреннаго*, окаменѣешь, будете хвалишься вашею кришикою и не замѣ- шипъ, что вы, опорочивая цѣлую Поэ- му, не выписываете хорошихъ стиховъ. Вѣрно оныхъ въ 10 сонняхъ не нахо- дится. А что касается до приятелией Русскаго Автора, то развѣ можешь быть приятели у писателя, вами нелюби- маго? Они вѣрно не осмѣлятся и пик- нуть, и *Житель Выборгской стороны* можешь спокойно продолжать свои кришики, на кого угодно. Вамъ же не удалось сказать, по примѣру другихъ: *пора кончить!*

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ  
есмь и буду,

вашъ Милоспивый Государь мой,  
покорный слуга

*Константинъ Нелестюхинъ.*

---

Издатель *Благонамѣреннаго*, принося *недвусмысленную* благодарность Г. *Нелестюхину* за остроумное и основательное его посланіе, покорнѣйше просишь доспавлять ему и впредь столь же *затѣйливыя* сщашья, и, если можно, побольше выписывать въ нихъ шакихъ стиховъ, какими подкрасилъ онъ здѣсь свою прозу. Проза хороша, но стихи несравненно лучше. И.

~~~~~

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА *).

или

Замѣтанія на нѣкоторыя статьи Журналовъ.

Давно уже многіе изъ криптиковъ нашихъ замѣчаютъ, что къ опличительнымъ чертамъ нынѣшнихъ Русскихъ Поэтовъ принадлежитъ какая-то непроницаемая шемноша ихъ произведеній (иные пожалуй назовутъ ее безсмыслицею), которая надъ каждымъ словомъ заспавляетъ не мало подумаешь,

*) Чувствительнѣйше благодаря Г. В...на за присылку сей сщашья, нужнымъ почишаю объявить ему, что ошъ 30 ч. Апрѣля ника-

и при всемъ помъ не всегда угадашь, что хопль сказашь Сочинишель. Нынѣ, кажешся, и Прозаики наши хопяшь подражать въ шомъ Спихотворцамъ. Приведу нѣсколько примѣровъ шому изъ *Русскаго Инвалида*, котораго нѣсколько нумеровъ шеперь у меня передъ глазами.

1) Въ извѣспіяхъ изъ Лондона въ No 105 читаемъ мы: "Третьяго дня былъ во дворцѣ большой выходъ, въ первый еще разъ въ нынѣшнемъ году., Во дворцахъ и въ домахъ *выходили* называютъ большіе, сухіе подвалы, дѣлаемые для храненія товаровъ, напитковъ, и шому подобнаго; а здѣсь Г. Издатель, кажешся, не шо разумѣешь. Зачемъ же заспавляешь читашелей недоумѣвать?"

2) Тамъ же описаніе вновь опкрышой въ Сѣверной Америкѣ пещеры начинаешся шакимъ образомъ: "На пять фушовъ опъ поверхности земли начинаешся пропинца, проспирающаяся въ глубину на 16 фушовъ. Здѣсь нашли мы первый сводъ въ 20 фут.

кого письма я опъ него не получалъ, а пошому и не могъ напечаташъ приложеннаго при немъ продолженія *Всякой всячины*. Съ кемъ же шо и другое было послано и не ошало ли у Сочинишеля черноваго? Вопричнымъ сообщеніемъ эшой піэсы онъ весьма много обяжешъ меня. *Изд.*

длинною и 16 фут. шириною. У входа въ оный лежитъ большій плоскій камень, или образованный самою природою изъ утеса споль, имѣющій опъ 12 до 14 квад. фут. Толщиною оный въ 2, а вышиною, считая опъ земли, въ 4 фута. Опъ свода до самаго камня висятъ огромные капельники и ш. д. „—Кажется, описаніе какъ бытъ должно, а начнешь читатьъ повнимательнѣе, шакъ и увидишь, что одного съ другимъ никакъ сообразишь нельзя. *На пять футовъ отъ поверхности земли нагнается тропинка.* На чемъ же идешь эта тропинка, если она шакъ высоко опъ поверхности земли? Что находится между сею послѣднею и ею? И почему надобно пройти, пробѣжать, или проползть эти пять футовъ, чтобы достигнуть начала тропинки? *Простирающаяся въ глубину на 16 футовъ.* Въ глубину чего? Въ рояшно воздуха, пошому, что тропинка находится выше поверхности земли цѣлыя пять футовъ. *Здѣсь нашли мы первый сводъ.* Путешественникъ, опускаясь въ глубину, находить сводъ; слѣдовательно онъ не идетъ подъ симъ сводомъ, но попадаетъ въ опверстіе сверху. По крайней мѣрѣ я не умѣю понять иначе этого описанія. Хорошо же посмотримъ далѣе. *У входа въ оный* (т. е. сводъ; это опять подтверждаетъ мое мнѣніе) *лежитъ большій плоскій камень, или об-*

разованный самою природою изъ утеса столбъ. Эпо какимъ же образомъ? Къ чему же прикрѣплень эпошь камень, или споль, находящійся у входа въ опверзшіе свода? И какъ согласишь съ эшимъ послѣдующія слова: *отъ свода до самаго камня висятъ огромныя капельники*—слова, копорыя показываютъ, что камень лежалъ внизу подъ сводомъ, а не при входѣ, или опверзшіи въ сводѣ? и ш. д.

5) Въ No 109 находишь извѣстіе, что одна бѣдная женщина въ помѣстьяхъ Графовъ *Фуггеровъ* (въ Баваріи) разрѣшилась опъ бремени живою дѣвочкою, весьма необыкновеннаго *устроенія* (?) “Ребенокъ сей—продолжаетъ *Русскій Инвалидъ*—не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ. Верхнія его конечности не доходятъ даже до локтей; а нижнія проспираются не болѣе, какъ на полшора дюйма,,—Какъ скоро у ребенка нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, то верхняя конечность его есть голова, а нижняя пуловище. Чпожь поймешь чпшатель изъ вышеприведеннаго описанія?

Но довольно . Мы никогда не кончимъ, если вздумаемъ приводить всѣ примѣры.

Въ 107 N° Издапель *Русскаго Инвалида* некспаши возвеличилъ *Лейпцигскій Театръ*, и безъ вины унизилъ *Вѣнскія народныя комическія піэсы*, копорыя ему угодно называшъ *Шта-*

берлиадали. *) Первый никогда не принадлежалъ къ числу лучшихъ Нѣмецкихъ Театровъ и всегда стоялъ далеко позади Вѣнскаго и Веймарскаго; изъ вторыхъ нѣкоторыя ошнюдь не суть пѣсы *низшаго разряда* или фарсы, забавляющія простой народъ, но принадлежащъ къ лучшимъ произведеніямъ Национальной Вѣнской Комедіи. Упомянемъ здѣсь хотя объ одной: *Die Bürger in Wien* (Вѣнскіе граждане), которая принята была со всеобщимъ одобреніемъ, играна въ Вѣнѣ нѣсколько десятковъ разъ, почти сряду, и во время Конгресса удостоивалась неоднократнаго посѣщенія Коронованныхъ

*) “Должно замѣшпшь,—говоритъ онъ—“что Вѣнскіе Драмашическіе писатели вывели на сцену какого-то Штаберля, глупаго продавца зоншиковъ, который (какъ увѣряють) дѣйствительно жилъ въ одномъ изъ шамошнихъ предмѣстій. Роль сія (подобно *Арлекину, Скопину, Скаралмушу* и проч.) здѣлалась поспояною во многихъ комическихъ пѣсахъ *нашаго разряда*, которыя по сей причинѣ и названы *Штаберлиадали*. Легко можно себѣ представить, что сіи фарсы, кои конечно забавляють простой народъ, не могли удовлетворить спрогимъ требованіямъ просвѣщенныхъ любителей Театра”

Особь. Впрочемъ не мудрено, что сіи Шпаберляды, не понравились въ Лейпцигѣ, ибо живописуюшъ нравы, обычаи, характеръ и даже самый языкъ природныхъ Вѣнскихъ жителей, для обитателей Лейпцига вовсе неизвѣстные, и слѣдовательно не интересныя. Однако же вѣроятно, что замѣчаніе принадлежитъ не Г. Издашелю *Русскаго Инвалида*, а подслушано имъ у кого нибудь изъ своихъ собратій Нѣмецкихъ Журналистовъ, изъ которыхъ также многіе (*c'est tout comme chez nous*) пишущъ по одному присшрасію и по личнымъ видамъ. И попому желаемъ Г. Издашелю *P. И.* бысть оспорожнѣ въ выборѣ своихъ источниковъ.

Какъ не подивиться чрезвычайной и непонятной *чувствительности* Фавиньянскихъ жителей! Но 109 *Инвалида* сообщаетъ намъ извѣстіе: “что на оспровкѣ Фавиньянѣ, что близъ Трепани, ощущаемо было, 27 ч. Марша, сильное землетрясеніе. *При себѣ слышатъ* — присовокупляетъ онъ — 22 человека лишились жизни., — Не уже ли въ самомъ дѣлѣ ошъ одного *ощущенія*?”

Тамъ же въ No 111 читаемъ мы: “Между Вѣною и Брюнномъ учреждены съ цер-

выхъ чисель с. м. (Апрѣля), почшовой коляски. Впрочемъ оныя назначены для однихъ шолько путешешвенниковъ и не принимающъ никакой поклажи., — Чшо ни будь да не шакъ! Между Вѣною и Брюнномъ давно уже сущешвуюшъ почшовыя коляски и для путешешвенниковъ и для поклажи.

(Продолженіе въ слѣд. N^o.)

~~~~~

### Эпиграмма.

Чернилинъ Секретарь въ Палатѣ увѣряешъ,  
Что резолюцію шруднѣй спиховъ пишашъ.—  
Ну, если вздумаешъ...и онъ спихи кропашъ—  
Вѣдь резолюція первенство потеряешъ!

14. 43.

~~~~~

Н. В. Книжка сія по непредвидѣннымъ обшпояшельшвамъ выходитъ позже назначеннаго срока. Слѣдующій X No уже печашся и выдешъ въ будущій понедѣльникъ ш. е. 4 ч. Іюня.

~~~~~



# БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № X.

---

КРИТИКА.

## Письмо къ Издателю.

Какъ любитель всего полезнаго, я порадовался узнавъ о выходѣ книги подъ заглавiемъ: *Хронологическое обозрѣнiе достопамятнѣйшихъ происшествiй отъ начала мiра, до Веронскаго Конгресса, составленное и изданное В. С. и А. Т.* ибо надѣялся, что сочиненiе сiе послужитъ добрымъ руководителемъ всякому любителю Истории, которому приятно видѣть передъ глазами имена великихъ мужей, напоминающихъ ему достопамятнѣйшiя происшествiя, и происшествiя, возобновляющiя въ памяти знаменитыя имена. Лестный отзывъ о сей книгѣ Газеты: *Conservateur Impartial* еще болѣе утвердилъ меня въ моемъ мнѣнiи. Я бы, можетъ быть, долго не перемѣнилъ его, ежели бы No 15 Сына *Отчества* не заставилъ меня пристальнѣе заглянуть въ сiю книгу, которую Французская Газета слишкомъ расхваливаетъ, а опечеслвленный Журналъ не щадитъ

нимало. Васъ, почтеннѣйшій Издапель Благонамѣреннаго, который въ одной изъ книжекъ Журнала своего полько показали настоящую цѣну сего сочиненія, не сказавъ ничего ни *pro*, ни *contra*, прошу помѣстить слѣдующія замѣчанія мои.

Правда, что обзорнiе сiе есть первое въ своемъ родѣ; у насъ не было еще ни одного, простирающагося до 1823 года; за то и расположенiе таблицы сей совершенно ново. Что означаютъ годы, выпавленные передъ происшествiями: начало, конецъ, или середину событiя? И къ чему столько происшествiй, подведенныхъ подъ одинъ и тотъ же годъ? Къ тому же перiоды сдѣланы по совершенно новому раздѣленiю, безъ малѣйшаго основанiя: нѣтъ порядка, принятаго всѣми Историками. Исторiя Древняя смѣшана со Среднею, Средняя съ Новѣйшею. 3. Перiодъ начинается ошъ Рождества Иисуса Христа, и продолжается до возстановленiя Западной Имперiи Императоромъ Карломъ Великимъ. Когда же было паденiе оной? спросишь всякой.—Объ этомъ не сказано ни слова.

Кромѣ сихъ главныхъ недостатковъ въ расположенiи, самыя происшествiя перемѣшаны, а иныя вовсе не соотношiваются годамъ, передъ ними выпавленнымъ. Поспѣраемъ замѣшiшь важнѣйшiя.

(на стр. 2) *Основаніе Карвагена за 1015 лѣтъ до Р. Х.* Тамъ же: *Основаніе Рима за 754 до Р. Х. и спустя 121 годъ отъ основанія Карвагена*; слѣдовательно Карвагенъ получилъ свое существованіе за 875 лѣтъ. Чему вѣришь—не знаю! *Ликургъ даетъ законы Спартанцалѣ за 854 года*; тогда какъ онъ жилъ за 990 лѣтъ, или какъ полагають иные, за 880, будучи современникомъ Дидоны, поставленной въ Таблицѣ на ряду съ основаніемъ Карвагена за 1015 лѣтъ. Первая Олимпіада была за 777 лѣтъ, а не за 854 года. (на стр. 3) *Киръ славно царствуетъ на Востокѣ за 584 года.* Онъ и теперь царствуетъ, если угодно, въ воображеніи; но для истины исторической нужно не воображеніе, а правильность въ числахъ. Могъ ли Киръ царствовать въ то время, когда Персидская Монархія основана была за 560, а Киръ умеръ за 536 лѣтъ? *Маравонское сраженіе происходило за 498 лѣтъ.* Не уже ли оно было такъ продолжительно, что велось цѣлыя 8 лѣтъ? Мнѣ кажется, что оно началось и кончилось за 490 лѣтъ, не только въ одинъ годъ, даже въ одинъ день. *Трагедіи Софокла явились за 480 лѣтъ*—между темъ какъ Софокль умеръ за 400 лѣтъ. Въ то время, кажется не издавались *oeuvres posthumes*, ибо не было книгопечатанія. *Ксенофонтъ за 430.* Онъ дѣлается извѣстнымъ въ оп-

ступленіи 10.000 Грековъ, случившимся за 395 лѣтъ. Напрасно Гг. Издатели слѣдовали въ опступленіи примѣру Ксенофонша, опспуная опъ испины исторической. *Рилляне полугаютъ отъ Децемвировъ законы на XII скрижальяхъ за 450*, законы, копорые по всѣми приняшой Хронологіи, получены были 20 годами ранѣе, ш. е. за 450 лѣтъ. *Бѣдственная Пелопонезская война за 400*. Вотъ загадка! Чшо означаетъ сіе число? Не начало, ибо война сія началась за 431 годъ; не конецъ, ибо продолжаясь 27 лѣтъ, окончилась за 404 года. Можетъ быть: продолженіе впредь! (на стр. 4) *Эпаминондъ прославляетъ городъ Фивы и пр. за 390*. Признаюсь, непонятно: подвиги Эпаминонда особенно видны на двухъ блистательныхъ побѣдахъ, при Левкстрахъ за 370 лѣтъ, и при Маншинеѣ за 361 годъ, гдѣ онь кончилъ жизнь свою. 30 лѣтъ дѣлаютъ большую разницу. *Пердикка, Антигонъ, Антипатръ и Птоломей раздѣляютъ Имперію Александра. Основаніе Государствъ: Египетскаго, Понтійскаго, Вивинскаго, Армянскаго, Каппадокійскаго за 316*. 1) Аншипатръ былъ только правитель Македоніи въ опсущствіи Александра, и скоро исчезъ по кончинѣ его, и 2) Александръ умеръ за 323 года; послѣ его смерти были нѣкоторыя распри и несогласія, какъ наконецъ сраженіе при Иссѣ

въ 301 году рѣшило участь Македоніи, раздѣливъ ее просто на 3 части, на царство Ново-Македонское, Египетское и Сирійское, доставшіяся Кассандру, Птоломею - Лагу и Селевку Никатору. *Первая Пуническая война, побѣды и пораженіе Регула за 242 года.* Годъ сей считается концемъ 1 Пунической войны, продолжавшейся 24 года; слѣдовательно побѣды и пораженіе Регула относятся къ концу ея, что совершенно несправедливо, ибо война сія окончилась подвигами Лупатція Капулла. *Сципионъ Африканскій выигрываетъ сраженіе при Замѣ и беретъ Карвагенъ за 202 года.* Здѣсь берутъ Карвагенъ во впопрой Пунической войны; мудрено ли, когда прешья окончится взятіемъ Нуманціи, или чемъ нибудь подобнымъ? (на стр. 5) *Осада и разрушеніе Нуманціи за 146 лѣтъ;* можетъ быть это вторичное, (копорого впрочемъ не было), а первое разрушеніе оной произошло за 130 лѣтъ. *Мумлій беретъ и разрушаетъ Коринѣ за 145.* Кажется, Коринѣ и Карвагенъ пали въ одно и то же время. 146 годъ, видѣвши развалины Карвагена, былъ также свидѣтелемъ и паденія Коринѣа. *Смятенія въ Римѣ Гракхами за 120,* между шемъ, какъ Тиверій Гракхъ умеръ за 150, а Кай Гракхъ за 120 лѣтъ. Можетъ быть сочинители хотѣли показать, что смерть Гракховъ была причиною смя-

пленій, произведенныхъ въ Римѣ. (на стр. 6) *Августъ* (Императоръ) побѣдитель на водахъ и на сушѣ. Совсемъ напрошивъ: царствованіе Августа было мирно, даже храмъ Януса зашворился при немъ, какъ далѣе и сказано. Онъ имѣлъ войну только 9 лѣтъ по Р. Х. съ Германцами — да и шамъ былъ разбишь, что также сказано ниже. (на стр. 7) Оба *Плинія* жили при *Траянѣ* за 117. Правда, *Плиній* младшій жилъ при *Траянѣ* и писалъ его панигирикъ; но *Плиній* старшій жилъ при *Титѣ* и пропалъ при первомъ изверженіи горы *Везувія*. Если *Титъ* и *Траянъ* царствовали въ одно зремя, тогда и оба *Плинія* могутъ бытъ помѣщены вмѣстѣ. Онъ (*Маркъ Аврелій*) велъ войну съ Германцами за 186 лѣтъ. Развѣ по смерти, ибо онъ умеръ въ 180 году, въ томъ самомъ, гдѣ онъ у Г.г. *Сотинителей* выспавленъ *Философомъ*!! *Аллеманы* и *Франки* проникаютъ въ *Галлію* въ 360 году. *Аллеманы* были народъ Германскаго происхожденія, жили по теченію *Некара*, *Майна* и *Рейна*, и никогда не проникали въ *Галлію*. *Франки* же, сдѣлавшись извѣстными въ половинѣ IV столѣтія, жили между *Везеромъ* до *Рейна* и начали проникать въ *Галлію* въ 440 году. (на стр. 8) *Переселеніе народовъ* въ 374 году есть такое происшествіе, кошорому года назначить не возможно; въ 370 году

прибыли Гичны въ Европу и въ 578, какъ сказано ниже, убишь былъ Императоръ Валентъ; событіе, продолжавшееся цѣлыя двѣ-спи лѣтъ—слѣдственно пребующее не одного столь неопредѣленнаго заглавія. *Аркадій царствуетъ въ Константинополѣ въ 400 году.* Аркадій начинаеть царствовать въ 396 году и умираеть въ 408; слѣдственно число 400 опять неизвѣстно къ чему опносятся. *Аттила вторгается въ Римскую Имперію.* Вопросъ въ какую? Ихъ двѣ.—*Славяне на берегахъ Вислы до Днѣстра въ 450.* Славяне, извѣсно, раздѣлялись на Веншовъ, Аншовъ и собшвенныхъ Славянъ. Сіи послѣдніе основали въ 430 году городъ Кіевъ, находящійся на Днѣпрѣ; какъ же въ 450 году жили они только до Днѣстра, когда за 20 лѣтъ передъ симъ владѣли гораздо далѣе? Но это можетъ назваться проспою опечашкою въ сравненіи съ важною ошибкою, ей послѣдующей.—*Одоакръ царствуетъ въ Римѣ.* Въ это время Гишпанію заняли Готы, Великобританію Англо-Саксы, Галлію Франки, Германію Аллеманы, Италію Герулы и Лонгобарды. годъ 476. Одоакръ, унизивъ Имперію, опвергъ шило Императора и довольшвуясь именемъ Патриція Римскаго, избралъ своею столицею Равенну; а не царствовалъ въ Римѣ, какъ сказано въ таблицѣ. Далѣе, въ 412 году Испанія завоевана Астульеромъ, въ 449

пришли Англо-Саксы и заняли Британію, въ 440 вспушили въ Галлію Франки, и въ 486 сдѣлались ея обладателями. Аллеманамъ не надобно было искать Германіи; они были просто обитателями маленькой части оной. Въ 568 году, по ниспроверженіи Геруловъ и Остроготовъ, Лонгобарды заняли Италію и утвердились въ оной. Чшо значить теперь эпошъ священный 476 годъ, подъ которымъ заключено столь много происшествій, вовсе несоставляющихъ его принадлежности. (на стр. 9) *Магомешъ дѣлается обладателемъ Сиріи и части Африки.* Часть Африки и Сирія завоевана была при Омарѣ; Магомешъ не былъ ихъ обладателемъ, но завладѣлъ только нѣкоторыми Христіанскими племенами въ Палестинѣ. *При оскуденіи просвѣщенія и умноженіи ересей основываетъ вѣрцу свою въ 632 году.* Въ этомъ году умеръ Магомешъ, а извѣстно, чшо годъ его кончины и время распространенія ученія опредѣлены довольномъ числомъ лѣтъ въ таблицахъ вѣрныхъ и основательныхъ. *Карлъ Мартеллъ принимаетъ Герцога Французскаго въ 720.* Пипинъ, опецъ Карла принялъ названіе *Dux et Princeps Francorum*; слѣдственно Герцога Франковъ, а не Французовъ, ибо о Французахъ тогда еще и не знали: только съ 843 года, или съ договора Вердюнскаго, когда владѣнія Карла Вели-



каго при сынѣ его Людовикѣ Кропкомъ раздѣлены были между его сыновьями, Франція ошдѣлившись, составила Государство независимое. Какъ же Карлъ Марпелль названъ Герцогомъ Французскимъ? (на стр. 10) *Онъ (Пипинъ Короткій) ведетъ войну съ Ломбардами и Саксонцами, Витикиндъ Великій въ 750. Пипинъ Короткій умеръ въ 768 году; слѣдственно могъ ли дѣйствовать по смерти? и припомъ Вишикиндъ былъ соперникъ Карла Великаго. Карлъ Великій, по смерти брата своего Карломана, дѣлается обладателемъ Франціи въ 800 году. Совершенно несправедливо: Карлъ Марпелль умеръ въ 741 году; ему наслѣдовалъ Пипинъ Короткій, царствовавшій до 768 года, и оставившій престолю двумъ сыновьямъ своимъ: Карломану и Карлу. Карломанъ вмѣстѣ съ Карломъ управляли до 771 года, съ котораго вся власть сосредоточивается въ рукахъ одного Карла Великаго; а 800 годъ есть только годъ его коронаціи въ качествѣ Западнаго Императора, что и сказано ниже. Почти 50 лѣтъ разницы весьма ощутительно шемъ болѣе, что Карлъ составляетъ собою эпоху, до которой считаемся 1 періодъ Средней Исторіи. (на стр. 11) *Алфредъ Великій царствуетъ въ Англіи въ 890 году. Алфредъ Великій началъ царствовать въ 871, а умеръ въ 900 году, слѣдственно что за**

цѣль поспавитъ годъ , несоотвѣтствующій ни началу , ни концу выспавленнаго передъ нимъ происшествія? На стран. 12 видимъ *первый Крестовый походъ*, и потомъ (на стр. 13) прямо *пятый Крестовый походъ*. Тутъ просто прехъ перечестъ не умѣли. Иной подумаетъ , что походовъ сихъ было только 5, или даже два , принявъ слово *пятый* за погрѣшность шипографическую. (на стр. 14) *Конецъ Восточной Имперіи, продолжавшейся 1123 года, и покоренной Магометомъ II въ 1453 году*. За 6 листковъ передъ симъ сказано о дѣленіи Θεодосіемъ Имперіи на Восточную и Западную въ 395 году ; спомо бы только вычестъ сіе число изъ того года, въ кошорый взятъ Константинополь, чтобы получить число лѣтъ существованія Восточной Имперіи. Здѣсь недостаетъ вѣрности во 2 правилѣ Ариемешики. *Открытие Мыса Доброй Надежды Васко де Гамой въ 1498 году*. Открытіемъ Мыса Доброй Надежды одолжены не Васко де Гамъ, а Варѣоломею Діасу. Варѣоломей Діасъ открылъ его въ 1486 году, а Васко де Гама былъ первый, объѣхавшій его въ 1498 году. Исторія открытій составляетъ начало Новѣйшей Истории, споль обильной происшествіями и слѣдовательно пребующей болѣе вѣрности въ ихъ описаніи. (на стр. 15) *Германія раздѣлена на 10 округовъ въ 1512 году*. Гер-

манія сперва раздѣлена на 8 округовъ подѣ начальствомъ 5 свѣшскихъ и 3 духовныхъ Курфирстовъ, а попомъ уже на 9, и наконецъ на 10, по присоединеніи къ первымъ 8, округовъ Австрійскаго и Бургонскаго, а не вдругъ, какъ сказано въ Таблицѣ. (на стр. 16) *Лютера поддерживаетъ Курфирстъ Саксонскій и Университетъ Виттенбергскій*. Университетъ Виттенбергскій было только простое заведеніе, покровительствуемое Фридрихомъ Мудрымъ; оно не могло поддерживать Лютера, ибо само держалось однимъ Люперомъ. *Іоаннъ Васильевичъ Грозный возлагаетъ на себя царскій вѣнецъ и вскорѣ потолкъ присоединяетъ къ Россіи царства Казанское и Астраханское въ 1548 году*. Іоаннъ Васильевичъ Грозный возлагаетъ на себя вѣнецъ въ 1543 году присоединилъ къ Россіи въ 1552 году царство Казанское, и попомъ въ 1553 году, и царство Астраханское. (на стр. 17) *Генрихъ IV вступаетъ на Французскій престолъ въ 1589 году*. Въ этомъ году скончался Генрихъ III, а извѣстно, что кончина Генриха III и вспуцленіе на престолъ Генриха IV раздѣлены между собою нѣсколькими годами. (на стр. 19) *Мансфельдъ и Веймаръ Полководцы Протестантскаго союза въ 1626*. Веймаръ началъ свои дѣйствія съ 1632 года уже по смерти Гусшава Адольфа, а здѣсь вышавленъ за 6 лѣтъ ранѣе. Можетъ

быть съ 1626 года Веймаръ спалъ дѣлать только пригошвленія къ начашію военныхъ дѣйствій въ качествѣ Полководца, ибо сперва дѣйствоваль подъ начальствомъ другихъ. (на стр. 23) *Императрица Екатерина I. учреждаетъ орденъ Св. Александра Невскаго въ 1725 году.* Орденъ сей учрежденъ былъ Петромъ I, а Екатерина I только начала раздавать его. *Открытіе первой золотой руды въ Россіи въ 1759.* Первая золотая руда открыта была еще при Петрѣ I Олонецкой Губерніи въ Воицкомъ ключѣ; слѣдственно и тогда Россія, хотя не въ большемъ количествѣ, но имѣла собственное золото. (на стр. 25) *Независимость Англическихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ въ 1775.* Сіи колоніи не могли еще считатьъ себя независимыми, ибо въ этомъ году произвели восстаніе, а независимость Сѣверной Америки признава и утверждена уже въ 1783 году, о чемъ и сказано ниже.

Кромѣ всего мною сказаннаго, еще надобно сдѣлать замѣчаніе, что Гг. Издатели помѣщали во многихъ мѣстахъ происшествія самыя ничтожныя, упуская болѣе замѣчательныя и важныя. Что значить первое изданіе *Архидельскихъ мраморовъ?* (это достойно вниманія только потому, что слово: *изданіе*, въ отношеніи къ *мрамору* совершенно ново; можно сказать изданіе кни-

ги, а камни находясь, открываютъ), или смерть Англичанина Томаса Парка, жившаго 152 года, и ш. п. Вошь мои мнѣнія о сей книгѣ. Ошибки, замѣченныя Издашелемъ Сына Отечества такъ маловажны, что не стоить упоминашь объ нихъ. Если не хотѣлось сдѣлать замѣчаній болѣе основательныхъ и справедливыхъ, то стоило бы ему, какъ Журналисту, сказать о выходѣ книги сей въ свѣтъ и умолчать о достоинствѣ. Но легкій разборъ No 15 еще не кончился. Мы видимъ, если не продолженіе, то по крайней мѣрѣ свидѣствіе онаго, въ No 17 того же Журнала. Сочинители дѣлають возраженія на замѣчанія No 15; Г. Издашель говоритъ, что ему не надлежало бы судить о ихъ книгѣ, а сказать просто. "Она наполнена историческими и грамматическими ошибками и не можетъ служить ни къ пользѣ, ни къ удовольствію читателей., Сими словами долженъ бы кончиться освѣтъ No 17, и тогда бы Г. Издашель С. О. призналъ свою ошибку, оправдалъ бы себя въ глазахъ Публики. Но примѣчаніе въ концѣ 152 страницы все испортило. Сказавъ, что на каждой страницѣ можно насчитать до 10 ошибокъ грамматическихъ и не менѣе историческихъ, онъ исчисляеть самыя незначительныя и въ весьма маломъ количествѣ. И одна ли орѳографія, одни ли слова

не у мѣста поспавленныя, какъ напр. бы-  
*дулика* вмѣсто *изобрѣтенія*, составляють  
 погрѣшности Таблицы Исторической? Для  
 молодыхъ любителей Истории она покажет-  
 ся лучшимъ и полнѣйшимъ извореніемъ въ  
 родѣ семъ, ибо споль легкія ошибки и опе-  
 чашки гдѣ не могушь случиться? Желая  
 осперечь ихъ, если имъ вздумаешь искашь  
 въ семъ обзорѣніи вѣрности, предполагаемой  
 въ каждомъ историческомъ сочиненіи, со-  
 спавиль я сіи замѣчанія, надѣясь, что сіе  
*благонамѣреніе мое*, найдешь мѣсто въ ва-  
 шемъ *Благонамѣренномъ*.

Имѣю честь быць, и проч.

9 Маія 1823.

И.

~~~~~

ОПЫТЪ ОБЪ ИДИЛЛИИ.

(Переводъ съ Французскаго.)

“Два рыбака, послѣ скуднаго ужи-
 на, заснули подъ кровомъ вѣткой своей
 хижины, поспроенной на берегу моря.
 Одинъ, разбудивъ другаго, рассказываетъ,
 что ему приснилось, будто онъ пой-
 малъ золошую рыбу. Товарищъ опѣвѣ-
 чаешь, что такая находка избавила бы

ихъ опъ голода. Спойль ли сей случай шого, что бы изъ него написашь Идиллію? „

Вопъ слова одного новѣйшаго писателя о содержаніи лучшей изъ Тео-криповыхъ Идиллій. Такое сужденіе доказываетъ, что Фроншедель, при обширномъ умѣ своемъ, недовольно знакомъ былъ съ истинною чувствительностію; что онъ имѣлъ ложное понятіе о Настушеской Поэзіи, однимъ словомъ, что онъ также мало понималъ сущность Идиллій, какъ и мало успѣлъ въ семъ родѣ.

Если бы кто нибудь смотря на картину Вернеша, представляющую морской берегъ, осмѣлился спросить: въ чемъ находятъ красоту сего ландшафта? Рыбакъ, съ обнаженными ногами, вытаскиваетъ на своей удѣ большую, бьющуюся рыбу. На ближнемъ камнѣ сидитъ пасшущка и приспально на него смотришь. Нѣсколько далѣе вѣпхая, полуразвалившаяся мѣльница. Спойло ли шого, что бы написашь картину? Спрашиваю, что надлежало бы описать шакѣму человѣку? Надлежало бы

пожалѣшь, что онъ не можешь цѣнить карпины, которой достоинство заключается въ простотѣ, и которая всегда будешь нравиться людямъ со вкусомъ, ибо подробности оной похищены у природы.—Надлежало бы ему сказать, что эта картина работы славнаго живописца и что онъ недостойнъ удивляться его таланту.

Такъ, слава и благодарность Теоокрипу, первому образователю Пастушеской Поэзіи—слава и благодарность Виргилію, счастливому его подражателю, который, подобно предшественнику своему, научилъ эхо долины повпорять приятные звуки свирѣли. Произведенія сихъ двухъ стихотворцевъ, не приобрѣли бы похвалъ всѣхъ вѣковъ, еслибъ не имѣли истинной цѣны въ глазахъ друзей природы. — Разнообразіе изображеній наиболѣе опличаетъ ихъ произведенія; и если у Теоокрита встрѣчаешь какое нибудь мѣстоположеніе, то сей часъ можно видѣшь, что онъ рисовалъ его съ натуре.

Идиллія: *Рыбаки*, о которой Фонсенель опозвался съ такимъ неуваже-

ніемъ, есть образецъ въ своемъ родѣ! Кисть Вернепа не произвела бы ничего лучшаго, превосходнаго.

Виргилій списывалъ Феокрипа; но въ подражаніяхъ его видно, что онъ самъ умѣлъ бытъ оригинальнымъ; не ослабляя подлинника, онъ придаетъ ему новыя красоты, новую прелесть. Свирѣль Феокрипа подъ его перстами издаетъ еще сладостнѣйшіе звуки.

Поиспирѣ симъ двумъ знаменитымъ писателямъ болѣе нынѣ удивляющіяся, нежели ихъ читающіе. Порицаютъ Фоншенеля за то, что онъ хотѣлъ унижить достоинство оныхъ; но однако же всегда предпочитаютъ пастуховъ Геснера пастухамъ Феокрипа и Виргилія.

Причина тому очевидна: они оба писали на языкахъ мертвыхъ; людей, разумѣющихъ погречески, теперь немного; да и число знающихъ языкъ Латинскій чувствительнo уменьшается. Нельзя судить объ Идилліяхъ древнихъ писателей по переводамъ, часто невѣрнымъ и слабымъ. Ученый, переводя съ Греческаго описаніе какого нибудь сель-

скаго вида, невольно поршишь его, если прежде, нежели учася языку Тео-крипа, не научился познавашь красоть природы; припомъ же люди, посвящающіе себя прудному заняпію переводить древнихъ поэшовъ, не слишкомъ любяшь блуждашь по полямъ и долинамъ, гдѣ могли бы они посшигнушь прелесть живописныхъ сельскихъ видовъ. По сему-то уподобляю я лучшіе переводы Идиллій Теокрипа и Виргилія изображеніямъ силуешнымъ. Они сохраняюшь по-комо боковыя чершы сихъ поэшовъ (le profil); но не въ соспоянніи сохранить ни живоспи и свѣжеспи красокъ, ни нѣжныхъ ошпѣнокъ, сосшавляющихъ все очарованіе оныхъ.

Если бы древніе писашели, упражняшіеся въ Пастушеской Поэзіи, болѣе спарались говорить сердцу, нежели до излишесшва наполняшь Идилліи свои описаніями: въ шакомъ случаѣ они не сполько бы поперяли при переводѣ на языки иноспранные. Чувспвованія души человѣческой вездѣ одинаковы; ихъ выраженіе понышно всякому, несмопря на различіе земель и народовъ. Между

шемъ какъ дѣйствіе, производимое какимъ нибудь живописнымъ сельскимъ видомъ, болѣе зависишь отъ климата, качества страны, времени года, навыка созерцать, наконецъ отъ физическаго и нравственнаго расположенія писателя.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Теокрипа и Виргилія можно было читать въ подлинникѣ, ихъ читали бы съ большимъ удовольствіемъ; но имѣли ли бы они даже и тогда сколько читателей, какъ Геснеръ? Не думаю и предлагаю причину:

Идилліи древнихъ оплчаются богатствомъ подробностей, свѣжестью красокъ; но онѣ вообще мало занимательны.—Пастухи Теокрипа и Виргилія представляются часто злыми, сварливыми, завистливыми, чародѣями; любовь составляетъ единственнѣйшее предметъ ихъ разговоръ.—Геснеръ, можно сказать, далъ новый характеръ Идилліи.—Не уступая Теокрипу и Виргилію въ вѣрности описаній, онъ превосходитъ ихъ красою чувствованій. Его пастухи имѣютъ всю невинность, все простодушіе временъ первобытныхъ.

Ихъ любовь чиста, подобно воздуху, копорымъ они дышуть; ихъ сердца опверзшы для нѣжныхъ изліяній дружбы, благошворительности, чувспивованій любви сыновней. Любя добродѣшель, они невольнo заспавляють любвишь ее. Только о Геснерѣ можно сказашь, что онъ въ своихъ Идилліяхъ изобразилъ природу просшую, прелестную, безъ всякаго убранства.

Какой опрокъ, прочипавъ Идилліи Геснера, не пожелалъ бы походишь на юнаго Миршила, который сполько любилъ опца своего? Онъ внушренно радуется тому, что также дружень со своею сеспрюю, какъ и Миршилъ съ Хлоєю; онъ научается у юнаго Алексиса, что благошворительность еспь самая лучшая изъ добродѣтелей, и что слезы, копорыя она заспавляетъ проливашь, слаще меду.

Какой юноша, копората сердце пробудилось уже для чувспивованій любви, не позавидовалъ бы счастью паспуховъ Геснера? Благородные, невинные воспорги Милона приводятъ его въ неизьястное восхищеніе, и онъ молишь боговъ

о ниспосланіи ему подруги, подобной Дафнѣ.

Какой спарикъ не захопѣлъ бы узнать себя въ изображеніи осмидесятилѣтняго Меналка, который любуеться рѣзвящимися вкругъ его внуками, распоряжаеть ихъ играми, судитъ небольшія ребяческія ихъ ссоры, научаеть ихъ бытъ снисходительными, сострадательными къ людямъ и даже къ малѣйшей изъ пварей?

Да позволено мнѣ будешь войти въ нѣкоторыя подробности описательно Геснера, одного изъ пѣхъ Поэшовъ, коего произведенія имѣли великое вліяніе на счастье моей жизни. Онъ имѣлъ въ высочайшей степени всѣ качества, нужныя для успѣха въ Пастушеской Поэзіи. Ему не стоило труда перенести свои Идилліи въ золотый вѣкъ; оный заключался въ его сердцѣ. Всѣ изображаемые имъ предметы находились предъ его глазами, живо представлялись его воображенію. Всѣ выраженныя имъ чувствованія, были ему свойственны. — Его Идилліи составляютъ вѣрную и полную картину его частной жизни, его сердечныхъ склонностей.

“Я пою только для тебя, — говоритъ онъ Дафнѣ на первой страницѣ своихъ пвреній, — ибо душа швоя, добродѣтельная и невинная, также ясна, какъ прекраснѣйшее весеннее ушро. Любезная веселость, рѣзвая улыбка безпрестанно играетъ на прелестныхъ усахъ швоихъ и розовыхъ ланипахъ, живая радость сіяетъ въ глазахъ швоихъ. Такъ, милая Дафна! съ шѣхъ поръ, какъ ты зовешь меня своимъ другомъ, будущее представляется мнѣ какъ бы озареннымъ сіаніемъ солнца — и всякой день становлюсь я веселѣе, счастливѣе.,”

Сія Дафна, о которой говоритъ Геснеръ, была Гжа *Гейдеггеръ*, на которой онъ въ послѣдствіи женился, единственно по склонности. Его любовь къ ней, нѣжная и непорочная, была достойна времени патриархальныхъ.

“Обними меня, — говоритъ онъ ей въ другой Идилліи, — обними меня! Ахъ, какой источникъ радости вливается въ грудь мою! Какъ все окружающее насъ прекрасно! Отъ свѣшозарнаго солнца до самаго малѣйшаго растѣнія — все есть непостижимое чудо! Какой восторгъ меня увлекаетъ! — Когда съ высокаго холма обозрѣваю я обширныя равнины, или лежа на правѣ размашриваю

цефпочки, правы и маленьких ихъ обипашелей, или въ часы полночныя сезерцаю звѣздами усыпанное небо, думаю о перемѣнѣ годовыхъ временъ, прозябеніи безчисленныхъ растѣній; когда размышляю о всѣхъ чудесахъ сихъ: тогда грудь моя воздымаешся, мысли совокупаются въ одинъ неразрывный узелъ, я не могу ихъ выразить — проливаю слезы — упадаю въ безсиліи и не внятно произношу удивленіе мое Творцу вселенной! О Дафна! что можешь сравняться съ симъ восхищеніемъ? Развѣ только счастье бышь тобою любимымъ.,,

Подобныхъ чувствованій Геснеръ не могъ заимствовать ни у Теокрыста, ни у Виргилія; онъ могъ почерпнуть ихъ только въ собственномъ своемъ сердцѣ.

Дафна опивчала на любовь паспуха своего и равно удивлялась разнообразнымъ красотама природы. Они всегда прогуливались вмѣстѣ и каждая прогулка служила поводомъ къ новой Идилліи.

Будучи счастливымъ любовникомъ, Геснеръ былъ счастливымъ супругомъ и добрымъ опцемъ. Онъ имѣлъ опъ Гжи Гейдеггеръ двухъ дочерей, кошорыхъ

воспитывалъ по правиламъ нравственности, дышущей въ его твореніяхъ.

Споить полько прочишать Идиллію подь названіемъ: *Осеннее утро*, что бы судить о счастіи домашней его жизни. Любители Геснера (и кто не любитъ его *?) полюбятъ его еще болѣе и пожелають во всемъ походить на него. Идиллію сію начинаешь онъ прекраснымъ описаніемъ сельскаго вида, поразившаго его взоры. Эпошь пейзажъ естъ, такъ скажешь, рама, въ которой заключается картина человѣческой жизни и существенная часть Идилліи.

“Первые лучи утра уже позлащали верхи горъ и возвѣщали прекраснѣйшій осенній день, когда Милонь подошеть къ рѣшетчатому окну своей хижины. Солнце сіяло уже сквозь красноватые, желтые и зеленые виноградные листья, которые колеблясь отъ дыханія упреннаго вѣтерка, сославляли прохладный навѣсъ у окна. Ясень былъ сводъ небесный; шуманъ, какъ

*) Романшическіе Поэмы такъ называемой *Новой школы*. Изд.

море, разливался по долинь; холмы, подобно островамъ, возвышались посреди онаго съ дымящимися своими хижинами и красовались при солнечномъ сіяніи всею разнообразіемъ осени. Деревя, обремененныя зрѣлыми плодами, представляли взору приятное смѣшеніе желтаго и пурпуроваго цвѣтовъ съ нѣкоторымъ остаткомъ зелени. Съ радостнымъ восторгомъ обозрѣвалъ Милонъ обширную окрестность. Вслушивался въ веселый ревъ спада, по въ близи, по въ ошдаленности раздающійся, плѣнялся звуками пасшущескихъ свирѣлей и щебешаніемъ пшиць, копорыя вились высоко въ чистомъ воздухѣ, или исчезали въ шуманной долишѣ.,

Нельзя не согласишься, что сіе описание снято съ натуры и что оно опшюдь не было плодомъ воображенія. Гесверъ былъ въ одно время поэшь и живописецъ, обладая совершенно знаніемъ сихъ обоихъ искусствъ. Его каршины не имѣли бы, шакъ сказать, жизни, а краски оныхъ были бы блѣдны, если бы онъ, подражая древнимъ, не научился прежде подражать первому и лучшему образцу—природѣ.

“Долго споялъ онъ неподвиженъ, погруженный въ глубокую задумчивоспъ; но вдругъ, объапыый священнымъ воспоргомъ, поспъшно снялъ соспъны лиру и запъль: “Могу ли, о боги! могу ли доспойно выразить предъ вами и воспоргъ мой и мою благодарноспъ? Пробужденная природа сїяепъ во всей красотъ своей. Щедро разсыпаны ея богатства. Повсюду царспвуютъ веселоспъ и радость. Урожай, на поляхъ и въ садахъ нашихъ. Какъ прекрасна страна сїя въ разнообразномъ осеннемъ своемъ украшенїи!

Первое движенїе человекъ добродъпельнаго еспъ молишва. Сїя поспепеноспъ нравспвенныхъ чувствованїй во все неизвъспна нашимъ эропическимъ спихошворцамъ; но она свойспвенна человекскому сердцу толькo тогда, когда оно непорочно, а сердце Геснера имъло всю невинноспъ золошаго вѣка.

“Счаспливъ, кто, обладая сердцемъ чиспымъ, не знаетъ никакихъ угрызений совѣспи; кто, довольный своимъ досташкомъ, можепъ часто пользоваться счаспїемъ дѣлать добро. Ясное утро пробуждаепъ его на радость, всѣ дни его исполнены удовольспїей, а ночи сладоспнаго спокоспнїя. Душа его всегда опверзспа ко впечашлѣнїямъ

приятнымъ. Онъ восхищается разнообразными красками временъ года и одинъ наслаждается всѣми сокровищами природы.,,

Здѣсь Геснеръ вполнѣ изображаетъ свое счастье. Сіе живое впечатлѣніе, производимое въ немъ величіемъ природы, приписываетъ онъ расположенію души своей. Онъ чувствуетъ, что если бы сердце его снѣдаемо было честолюбіемъ, или перзаемо угрызениемъ совѣсти—прелестное разнообразіе временъ года не прогало бы онаго; онъ совершенно увѣренъ въ томъ, что основаніе благополучія заключается только въ спокойствіи совѣсти, и что одна любовь не могла бы осчастливить челоука, чуждаго добродѣтели.

“Но едвое счастливіе томъ, кто блаженство свое раздѣляетъ съ прекрасною и добродѣтельною супругою, съ такою, какъ ты, милая Дафна! Съ тѣхъ поръ, какъ Гименъ соединилъ насъ, жизнь наша подобна двумъ согласнымъ свирѣлямъ, кошорыхъ нѣжные звуки повворяютъ одну и ту же пѣснь, и всякой, кто только слышитъ ее, наполняется радостію. Выражалъ ли взоръ мой хотя одно желаніе, котораго бы ты

не исполнила? Чувствовалъ ли я когда нибудь радость, которой бы ты не возвышала своею радостію. “Если огорченіе иногда преслѣдовало меня даже до твоихъ объятий — не ты ли разсѣявала оное, подобно весеннему солнцу, разсѣявающему туманы? Да, въ прошъ день, когда я ввелъ тебя, какъ супругу, въ мою хижину, всѣ наслажденія жизни влѣзли туда за побою и соединились съ Пенашами, что бы никогда не покидали насъ. Водворились домашній порядокъ и опрятность: веселіе и радость сопровождаютъ всѣ наши занятія — и сами боги съ видимымъ участіемъ благословляютъ труды твои.,

Хвала Дафну, Геснеръ хвалитъ самаго себя: оба они имѣли рѣдкую, но одну и ту же чувствительность. Равно любили природу, и если Геснеръ умѣлъ живописать ее — Дафна умѣла сколько же восхищаться ею.

Съ тѣхъ поръ, Дафна! съ тѣхъ поръ, какъ ты составляешь блаженство моей жизни, все окружающее меня сдѣлалось въ глазахъ моихъ вдвое прекраснѣе: благословеніе боговъ пребываетъ надъ моею хижиною; Распространяешься на спада мои, на мои поля и виноградныя лозы, Рабона каждый

день доставляетъ мнѣ новое удовольствіе, и когда упомянутый возвращаюсь подъ мирный кровъ шалаша моего, какое чувствую тогда наслажденіе, опдыхая въ нѣжныхъ твоихъ объятіяхъ! Съ тѣхъ поръ весна кажется для меня милѣе, осень пріятнѣе. Когдажъ зима осыпаетъ инеемъ кровли, поля и деревья—тогда, сидя у огня подлѣ тебя, корошая время между работою и сладостнѣйшими разговорами, я вкушаю вполне пріятность домашняго спокойствія. Пускай свирѣпствуютъ Аквилоны, пусть снѣгъ скрываетъ опъ взоровъ моихъ окрестность: заключенный съ тобою, милая Дафна, въ стѣнахъ хижины, я еще живѣе чувствую тогда, что ты для меня все!»,

Сіе прогашельное изображеніе домашняго счастья пробудитъ въ душѣ всякаго чувствительнаго супруга пріятнѣйшія воспоминанія. Здѣсь Геснеръ представляется, какъ бы исполкователемъ чувствованій всѣхъ тѣхъ, кои связаны священными узами любви взаимной. Но вы, привлеченные къ алшарю Гимена или низкими расчетами выгоды, или грубыми желаніями, вы навсегда лишены подобнаго счастья; оно приобретается единственно цѣною добродѣтели и любви безкорыстной.

“Вы, милые дѣши, украшенные прелестями маперы, вы довершаете мое благополучіе и заключаете въ себѣ надежду новыхъ для меня благословеній опъ неба. Первое слово, которое Дафна лепешашъ васъ научила, выражало уже вашу ко мнѣ любовь. Цвѣтущее здоровье сіяетъ на лицахъ вашихъ, на розовыхъ устахъ видна всегда ясная улыбка, въ глазахъ покорность и кротость. Теперь вы составляете наслажденіе нашей молодости; ваше счастье будешь порою старости нашей.,,

Если бы хотѣшь опъискивать въ небольшомъ кругу счастливыхъ супруговъ такихъ, которыхъ благополучіе было бы достойно золотого вѣка: ихъ нашли бы конечно между шѣми, которые узнали другъ друга, полюбили и соединились въ цвѣтущей молодости. Первые движенія сердца всегда постояннѣе. Мужчина, развлекающійся съ холостюю жизнію въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, можешь ли такъ спрасшно любить ту, которую избираешь себѣ въ супруги? Опытность разрушаетъ очарованіе. Тщательно стараешься онъ угожденіями снискашь любовь юной своей подруги — любовь ревнива—и юное сердце никогда не мо-

жетъ слышья съ такимъ сердцемъ, которое было уже игрищемъ сираспей. — Молодые супруги живѣе чувствуютъ цѣну своего благополучія. Вполнѣ наслаждаются они удовольствіемъ видѣть вокругъ себя подрастающихъ дѣшей. — Каждый новорожденный младенецъ сильнѣе и сильнѣе привязывается ихъ другъ къ другу.

“Когда при моемъ возвращеніи съ поля или съ пашвы, вы встрѣчаете меня у дверей хижины радостнымъ вашимъ крикомъ; когда, окруживъ меня со всѣхъ сторонъ, съ дѣтскимъ восторгомъ принимаете опъ меня подарки, сладкіе плоды, или маленькія лопашки и грабли, которыя сдѣлалъ я въ теченіи дня, оберегая мое спадо, съ шемъ, чтобъ заранѣ приучить слабыя руки ваши къ садовымъ и полевымъ работамъ—боги! какъ сладостна тогда для меня каждая невинная ваша радость! Съ восторгомъ лечу я въ твои объятія, милая Дафна! и какими сладчайшими поцѣлуями осушаешь ты радостныя слезы, текущія изъ глазъ моихъ!,,

Какъ натуральны всѣ сіи выраженія! Какая прогапельная аллегорія! Съ какою простотою Геснеръ изображаетъ все превосходство своего сердца. Рас-

проганный при видѣ дѣшей своихъ, лешипь онъ въ объятія супруги, какъ бы желая изъяснить ей благодарность свою за счастье бытъ опцемъ. Дафна, въ награду его чувствительности, осушаетъ поцѣлуями радостныя его слезы. Подобныя картины принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ; природа вездѣ одинакова и никогда неизмѣняема.

“Такъ пѣлъ Милонъ. Между темъ вошла къ нему Дафна, съ двумя прекрасными на рукахъ малютками. Не споль бызаетъ прелестно упрю, освѣженное росюю, какъ прелестна была Дафна съ радостными на щекахъ слезами. “О другъ мой! сказала она, какъ я счастлива! Сколь много ты любилъ насъ!,,

При сихъ словахъ Милонъ заключилъ ихъ всѣхъ шрехъ въ свои объятія. Они молчали и вшайнѣ наслаждались взаимнымъ своимъ благополучіемъ. Ахъ! кшо бы, взглянувъ на нихъ въ сію минушу, не почувствовалъ во глубинѣ души своей, что истинное счастье заключается единственно въ добродѣтели?

Вопъ какимъ образомъ Геснеръ о канчиваетъ свою прелестную Идиллію.

Безъ сомнѣнія позволено говорить о домашнемъ быту своемъ, когда говоришь о немъ съ такимъ чувствомъ. Если сравнишь сію прогашельную, правдоподобную и споль милую въ простотѣ своей Идиллію со спорами Коридона и Мелибея, съ жалобами чародѣйки Симеши, или мадригаллами паспуховъ Фонтенеля—будемъ ли тогда колебаться въ выборѣ?

Когда творенія Геснера сдѣлались извѣстными, всѣ согласились, что онъ открылъ совершенно новое поприще. Явились подражатели. Шмитъ, заставивъ дѣйствовать героевъ своихъ во времена патриархальныя и почерпнувъ содержаніе своихъ Идиллій изъ Библии, много успѣлъ въ семь родѣ. Главная цѣль его, кажется, состояла въ томъ, чтобы собрать и представить нѣкоторыя занимательныя черты Священнаго Писанія, украсивъ ихъ цвѣтами Поэзіи. Брейшенбахъ, слѣдуя его примѣру, перенесъ паспушескую сцену въ Іудею, и заставилъ Музу свою блуждать по берегамъ Іордана; но остался гораздо позади Шмита. Въ Идилліяхъ Броннера дѣй-

спвуюшь рыбаки. Онъ зналъ природу, но не имѣлъ искусства живописать ее. Онъ не забылъ ни изгибистаго угра, ни сребровидной щуки, ни маленькихъ раковъ, ни прекрасныхъ пискарей. Иногда онъ представляешъ намъ мальчика, сидящаго на берегу рѣки съ гибкимъ въ рукѣ прутомъ. Уже лягушки спараются поймать вѣроломную уду. Подлѣ него сидишь молодая дѣвушка и съ видомъ разсѣянiя рѣжешъ кусочки краснаго и желшаго сукна, чшобъ прицѣпишь ихъ на уду для приманки. Попомъ изображаешъ искусныхъ рыболововъ, преслѣдующихъ ужасной величины кита, или бегемота, копорыхъ поражаютъ они оспрогами и покрываютъ кровавою ихъ пѣною поверхность моря. Броннеръ не впалъ бы въ сію погрѣшность, еслибъ со вниманiемъ прочелъ слѣдующее мѣсто одного Геснера письма объ описанiи сельскихъ видовъ (*sur le paysage*): “Природа, сія великая наставница только для тѣхъ говоритъ внятно, копорые умѣють понимать ее. Арписшъ заблуждается, если со всею точностью слѣдуешъ по стопамъ ея. Онъ теряеш-

ся въ ничтожныхъ подробностяхъ, разрушающихъ дѣйствіе въ цѣломъ. Глазъ, устремляемый всегда на одну точку, не привыкаетъ обнимать цѣлаго пространства.,,

Изъ современниковъ Геснера Клейсъ болѣе прочихъ успѣлъ въ паспущескомъ родѣ. Его Идилліи, писанныя среди военнаго шума, имѣютъ удивительную свѣжесть. Геснеръ отдавалъ имъ должную справедливость: если бы зависъ могла когда нибудь закрасься въ его сердце, то онъ позавидовалъ бы одному Клейсшу; но будучи весьма далекъ шоль низкаго чувства, онъ былъ другомъ Клейша и всегда отзывался о немъ съ восторгомъ. — Въ Идилліи своей, подъ названіемъ: *Желаніе*, Геснеръ спановишь его въ небольшое число пѣхъ писателей, которые шли спезею, истинно прекрасною. Воздавъ должную хвалу Клопшпоку и Виланду, онъ прибавляетъ: “а ты, живописецъ природы, милый Клейсъ, приятность пѣсни швоей восхищаетъ меня, какъ ясность безоблачнаго вечера. Когда внимаю тебѣ, въ сердцѣ моемъ распространяется ши-

шина, подобная пишинѣ полей во время кропкаго сіянiя луны., — Клейслова Идиллія: *Иринѣ*, служишь новымъ доказательствомъ, что созерцаніе красоты природы, родительская нѣжность къ дѣтямъ, совѣшы пресварѣлаго опца и сыновнее къ нему почтеніе суть предметы, могущіе также быть занимательными въ Идилліи, какъ прищорныя нѣжности паспуховъ древнихъ, или вопли Венеры при видѣ умирающаго Адониса *).

Леонардъ и Беркенъ переложили въ стихи Геснеровы Идилліи. Хотя ихъ подражанія имѣють много достоинствъ, но мы любимъ болѣе чинать Геснера въ прозаическомъ переводѣ Гюбера: ибо Леонардъ и Беркенъ хотѣли подражать ему вольно, забывъ, что всякое вольное подражаніе прекрасной карпины всегда

*) Здѣсь Авторъ предлагаетъ самую Идиллію Клейспа. Въ полномъ увѣреніи, что она довольна извѣсна нашимъ чинателямъ по стихотворному переводу, помѣщенному въ *Образцовыхъ сочиненіяхъ*, мы ее не выписываемъ. *Перев.*

остається , ниже подлинника. Въ чемъ же заключается красота и совершенство каршины? Въ томъ , что въ ней все поставлено на своемъ мѣстѣ; нѣтъ ничего лишняго; что упущеніе наималѣйшихъ подробностей разрушаетъ дѣйствіе въ цѣломъ; однимъ словомъ , что она есть такая каршина , которую не возможно написать лучше; слѣдственно , что бы сохранить вполне ея достоинство , должно копировать ее рабскою кистью. Напроривъ , если подражаешь не со строгою точностью; если позволяешь себѣ малѣйшія отклоненія , легчайшія поправки: тогда нечувствительно совращаешься съ пути истинно изящнаго; а какъ всякое совершенство должно быть неизмѣнимо — то вольное подражаніе превосходной каршинѣ , становится подражаніемъ несовершеннымъ.

Объяснимъ сіе лучше примѣромъ: всѣмъ извѣстна та Геснерова Идиллія , въ которой Мирпиль , съ сестрою своею Хлоєю , идушь молишься о изцѣленіи отца ихъ , готовясь принести на жертву Пану - Хлоя свою любимую

птичку и гирлянду; Миршилъ дикаго голубя, лучшую свою забаву. Вопъ начало Идилліи:

“Рано поуспру, на зарѣ, Миршилъ, выходя изъ хижины, встрѣшилъ меньшую сестру свою Хлою; она плела гирлянду изъ душистыхъ цвѣшовъ. Роса блиспала на нихъ; съ росою мѣшались ея слезы.

Миртилъ.

Милая Хлоя, для чего плещешь ты эту гирлянду? Ахъ! ты плачешь?

Хлоя.

Ты и самъ плачешь, любезный Миршилъ! И можно ли не плакать на нашемъ мѣстѣ? Видѣлъ ли ты машушку? Въ какой она печали! Какъ пожимала давиче намъ руки, ошвращая опъ насъ глаза свои, омоченные слезами.

Миртилъ.

Видѣлъ! ахъ бѣдный башюшка! вѣрно ему хуже вчерашняго.

Вопъ прямо сѣмейспвенная картина. Опець болѣнь. Миршилъ и Хлоя приходящъ его видѣшь прежде, нежели пойдущъ предашься успокоенію сна. Но

ему хуже...онъ уже не говоритъ. Сіе зрѣ-
лице раздираешь сердце ихъ матери;
она удаляется дѣшею и пожимая имъ ру-
ки — опворачиваешься, чшобъ скрышь
свои слезы. Дѣти не могли спать, и
вспали очень рано. Миршилъ выходитъ
изъ своей хижины и уже находилъ въ
полѣ плачущую сестру свою. Они вспом-
нили о горести матери и заключающъ
изъ того, что вѣрно отцу ихъ хуже.
Беркенъ разрушилъ все очарованіе, все
правдоподобіе сей картины. Вошь его
подражаніе:

Le jeune enfant Myrtil, un jour dans la prairie
Trouva sa jeune soeur. La jonquille et le thym
Se mélaient sous ses doigts à l'épine fleurie,
Et des pleurs cependant s'échappaient sur son sein.
Ah! te voilà, Chloé, lui dit son frère;
Pour qui viens-tu former ces guirlandes de fleurs?
Mais qu'as-tu donc? Qui fait couler tes pleurs?
Tu penses, je le vois, à notre pauvre père!

Chloé.

Hélas! Myrtil, son mal le tourmente si fort,
Il s'agite, il se frappe.

Myrtil.

Il appelle la mort.

Mais qu'il ne vit jamais sans me sourire,

J'ai voulu l'embrasser; ma soeur, dans son délire
Il m'a rejeté de ses bras.

Il ne me connaît plus et sans ma mère, hélas
Je crois qu' il allait me maudire.

Здѣсь уже дѣйствіе не происходитъ
равно поущру. Дѣши вспрѣчаются слу-
чайно въ полѣ. Удивленіе Миршила, при
видѣ плачущей сеспры, не еспешвенно.
У Геснера не распрашиваетъ онъ Хлою:
*А? ты здѣсь! но что съ тобой! Что застав-
ляетъ тебя проливать слезы? Но гово-
ришь проспо: Ахъ! ты плачешь? И Хлоя
отвѣчаешь ему: ты и самъ платешь! Бер-
кенъ перемѣнивъ время дѣйствія, не могъ
 воспользоаваться сею прелесною мыс-
лію. Роса блестѣла на цвѣтахъ, съ росю
мѣшались слезы маленькой Хлои. Если
бы онъ почувсвовалъ сколько мно-
го укрѣпляетъ узы дружбы общая го-
ресть, по не почель бы сіи слова пус-
тными: *милая Хлоя! любезный Миршилъ.*
Геснеръ опнюдь не говоритъ того, что
*больной отецъ деретса въ беспамятствѣ
и призываетъ смерть.* Припомъ же, ка-
кимъ образомъ Миршилъ, копорато Бер-
кенъ заставляешь шакъ выражаться,
увидя сестру свою, не знаетъ о чемъ*

она плачешь? Какимъ образомъ Хлоя можетъ забавляться своею гирляндю, въ то время, когда бы она могла быть полезною для услугъ больного отца? Но Геснеръ говоришь очень понятно, что Хлоя *меньшая* сестра Миршила; что старшая вѣроятно осталась ухаживать за больнымъ; а эпа выслана изъ хижины для того, что бы по молодости своихъ лѣтъ не причинила она больному какого нибудь безпокойства. Беркенъ не уважилъ сего обстоятельства. Онъ съ подробностію описываетъ гирлянду, которую плететь Хлоя и шемъ погрѣшаетъ вновь. Жонкиль, шимьянь и цвѣточный шерновникъ пославлены только для риѣмы: первый изъ нихъ растетъ въ цвѣтникахъ, впорый въ огородахъ, а третій въ лѣсахъ. Такое несоблюденіе правдоподобія портитъ картину. Напрошивъ у Геснера Хлоя, хотя и плететь гирлянду, но она столько огорчена, что не въ состояніи занимать выборомъ цвѣтовъ; она рвала ихъ безъ разбора и думала только объ отцѣ своемъ.

Не распространяю далѣе сего срав-

ненія, опасаясь, что бы меня не подозрѣвали въ намѣреніи унизить поэта, котораго творенія люблю я и уважаю; который изданіемъ *Друга дѣтей* оказалъ большую услугу нашей Словесности и положилъ прочное основаніе своей славы.

Много еще оставалось бы сказать мнѣ о Пастушеской Поэзіи и писателяхъ, упражнявшихся въ оной; но вижу что должно ограничиться сказаннымъ. Идиллія есть такой родъ Поэзіи, котораго подробное изслѣдованіе пруднѣе всѣхъ прочихъ, котораго достоинство можно лучше чувствовати, нежели опредѣлить. Если не ошибаюсь, то изображеніе сельскихъ видовъ и мирныхъ чувствованій сердца болѣе приличествуетъ оной, чемъ описаніе каршинъ великолѣпныхъ и воспорговъ любви испущенной.

Заклучимъ опытъ сей Китайскою Идилліею, которая, по моему мнѣнію, стоить многихъ нашихъ Французскихъ Идиллій. Я почишаю долгомъ предложить оную моимъ читателямъ точно такъ, какъ перевели ее Миссіонеры; но пола-

гаю, что подлинникъ долженъ быть несравненно лучше.

Печаль бѣжитъ отъ хижины земледѣльца. Невинность, прудъ и умеренность ручаюся ему за счастье его жизни. Самые сны не дерзаютъ нарушать покоя его грозными своими видѣніями. Простый домикъ его построень изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; древесныя вѣтви и солома—служатъ ему кровлею. Двери заповоряются худо; но изъ хижины никогда не убѣгаетъ миръ безмятежный и щедро проливаетъ на него дары свои. Любимецъ природы, онъ наслаждается всѣми разнообразными ея красочами. Для него Весна вѣнчается цвѣтами, убираетъ ими луга и долины; для него поютъ лѣсныя птицы; и заря увеселяетъ взоры его картинами, никогда невиданными вельможею. Лѣто заботится о жатвѣ его въ полѣ, и плодахъ въ саду его; Осень наполняетъ его житницы; и самая Зима со своими инеями и снѣгами не для него приноситъ болѣзни. Сколь приятны и шихи его удовольствія! За обѣдомъ, окруженный дѣтьми своими и ихъ женами, онъ забавляется шушливыми ихъ спорами и громко поетъ съ ними. На столѣ его не видно ароматнаго вина съ береговъ Кіанга; онъ пьетъ домашнее и не спрашивая найти въ немъ ошравы. Сіи поспав-

ленные передъ нимъ блюда, готовила жена его; аппетитъ и здоровье придаетъ имъ еще болѣе вкуса. Запахъ жареной Тапарской дичины можешь ли сравниться съ удовольствіемъ сидѣть за столомъ посреди дѣтей своихъ и поощрять ихъ къ прудамъ, хвалъ успѣхи ихъ заняшій. Одинъ поймалъ удою рыбу, другой наловилъ съшью пшичекъ. Дочь его сберегла эти поднесенныя ему сливы, которыхъ дѣлишь онъ между своими внучатами. Счастливыи супругъ! Счастливыи отецъ! Его вселенная заключается въ его хижинѣ; онъ любимъ и любитъ взаимно; за ласки плашишь ласками; всегда видишь довольныя лица. По мѣрѣ умноженія дѣтей, сердце его спановицся чувствительнѣе и нѣжнѣе; удовольствія любви опеческой безпрестанно для него возобновляющся. Онъ лепечеть со своими внучатами, носишь ихъ на рукахъ, осушаешь слезы ихъ своими поцѣлуями и для нихъ собираешь первые плоды съ дерева. Кипо доволенъ малымъ, шощъ богатымъ. Для него доспащочно поля, которое онъ обрабатываетъ. Между шемъ, какъ онъ пашеть и съешъ со своими сыновьями, жена и невѣстки прядушь коноплю, хлопчатую бумагу, шелкъ, и шакимъ образомъ пригошвляють ему одежду. Хребешъ вола служишь ему вмѣсто лодки для переѣзда рѣки, а уединеніе избавляешь его отъ докучливыхъ.

Приходитъ ли къ нему другъ? Онъ обнимаетъ его, разговариваетъ съ нимъ и приглашаетъ его къ умѣренному сполу своему. Они расстаются съ обѣщаніемъ скорѣ увидишься. «Далеко ли проводили вы его?—говоритъ онъ дѣшамъ, съ честію провожавшимъ госпя— вы не въ силахъ изъявить ему всего должнаго почтенія. Онъ добрый другъ; человѣкъ ученый, по достоинству своимъ могъ бы возвыситься; но хочетъ лучше жить мудрецомъ въ деревнѣ. Слушайтесь совѣтовъ его послѣ смерти моей и почитайте его, какъ самаго меня.,—Остальное время вечера проходитъ въ разговорахъ объ этомъ сосѣдѣ. Наступаетъ ночь; возжигаютъ ароматы въ жертву *Тіана* (такъ называютъ Китайцы божество свое) и попомъ каждый идешь предашься успокоенію сна подъ охраненіемъ совѣдомашнихъ. Такъ проходятъ всѣ дни земледѣльца!

Изъ Жоффри—А. Неболсинъ.



ВЫГОДЫ УЕДИНЕНІЯ *).

Въ пѣсни спокойствія, въ объятіяхъ
Природы,
Друзья безопасныя опрадныя свободы,

*) Отрывокъ изъ новой пѣсни Поэмы: *Освобожденная Москва.*

Мы дышемъ, мы живемъ для радости прѣ-
мой!

И кто волненій чуждъ и въ мирѣ самъ съ
собой,

Надъ земь и небеса безбурны пребываютъ;

Ихъ грома ярыя лишъ злобныхъ ужасають!

Для мудраго вездѣ приющенъ свѣта край;

Онъ счастливъ самъ въ себѣ: онъ носитъ
въ сердцѣ рай!

И врагъ заботныхъ дѣлъ и скучнаго смя-
шенья,

Онъ зреть вокругъ себя гошвы наслажденья:

Тамъ классы пучныя колеблюшя волной;

Тамъ слышенъ соловей, гремящій надъ рѣкой;

Тамъ сѣни мирныя дубравъ уединенныхъ,

И ясенъ видъ долинъ, цвѣтами испещрен-
ныхъ!

И утро юное съ огнистою зарей,

И вечеръ сумрачный подъ ризою шѣней,

И мѣсяца восходъ надъ дальными холмами,

И ночь, безмолвна ночь, съ блестящими звѣз-
дами —

Все въ сердцѣ радость льетъ! Все сладкихъ
думъ предметъ!

И время грознаго забытъ навѣкъ полетъ!

Пусть лѣто скроешя и бурный вѣтръ по-
вѣетъ,

И роза опцвѣтешъ, и роца пожелшѣетъ,

И осень мрачная холодною рукой

Дождливы облака погонитъ предъ собой—

Что нужды? новыя явяшся наслажденья!
 И крупное пшено—награда попеченья —
 Запашыи грусами на гумнахъ заблещипшь!
 И рдяное вино въ фіалахъ закипитшь!
 И загремишь воспоргъ въ веселомъ хороводѣ
 Счастливыхъ поселянъ, поющихъ пѣснь при-
 родѣ.
 И даже зимнихъ вьюгъ ожесточенный хладъ
 Спокойныхъ жипселей не всѣхъ лишипшь оп-
 радъ:
 Тамъ сосна въ свѣпочахъ уже пылашь го-
 шова,
 И дружная сѣмья, подѣ сѣнью мирна крова,
 Печальны вечера бесѣдой усладипшь,
 И врешено, кружась, при прялкѣ зашумипшь!
 И сонъ, обманушый приапными рѣчами,
 Уже въ полночный часъ покроешь всѣхъ кры-
 лами.
 Межь шемъ, исполненный щеславья и суешъ,
 Тамъ жипсель городской, бросааясь въ шум-
 ный свѣпшь,
 Напрасно ловипшь шѣнь обманчивыхъ мечпан-
 ній!
 Страдалецъ горесшный, несбышочныхъ жела-
 ній,
 Съ ушра до вечера и средѣ ночныхъ пировъ
 Овъ ищепшь счастья—и счастья ипшь слѣ-
 довъ!
 И дни, увы! шекупшь какъ водѣ шумящи
 волны!

И сердце и душа лишь скукой мрачной полны!
 Обманъ обману въ слѣдъ, за грустью грусть
 лепить!

И дружба и любовь—одинъ припворный видъ!
 Чемъ далъ отъ людей, повѣрь, темъ къ
 счастью ближе!

И чемъ швой шихій кровь безвѣспнѣе и ниже,
 Темъ онъ припнѣе для радостей швоихъ!
 Онъ бѣгущъ палашъ и перемоеъ злпшыхъ,
 И укрываются въ пѣни уединенья!
 Онъ съ шбой живущъ средъ сладкаго заб-
 венья

И міра и суешъ, и швой хранящъ покой,
 И вмѣстѣ обнялись съ подругой молодой!
 И незамѣненъ слѣдъ къ тебѣ угрюмой скуки!
 Когдажъ настанетъ часъ послѣднїя разлуки,
 И глосъ гробовой счастливица воззоветъ:
 Тогда душа швоя, всѣхъ чуждая суешъ,
 Познаетъ тайныя дощолѣ ушѣшенья!

И смерть, для злобныхъ спрпхъ, не въ ви-
 дѣ привидѣнья
 Съ косою грозящею, предстанетъ предъ ш-
 бой;

Но въ видѣ Ангела, съ надеждою свяшой,
 И швой восхишишь духъ къ превѣчнымъ
 наслажденьямъ —
 Туда, гдѣ нѣшъ ни золь, ни мѣща заблуж-
 деньямъ.

Волковъ.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА:

(Продолженіе.)

Вотъ начало повѣсти помѣщенной въ послѣднемъ номерѣ (XVII) *Новостей Литтературы*, подъ названіемъ: *Добродѣтельный Священникъ и прекрасная незнаколка*. “Теобальдъ, молодой кандидатъ Богословіи, соединялъ въ себѣ всѣ достоинства; кромѣ — богатства. (Стало быть богатство есть достоинство, которое можно соединять въ себѣ!!) Окончивъ курсъ наукъ въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ Университетовъ Германіи, ожидалъ онъ Паспорскаго мѣста, коего доходы были бы достаточны для него и пресшарѣлой его матери. (Каковъ періодъ!) Между темъ занимался онъ преподаваніемъ уроковъ въ языкахъ и Литтературѣ и ограничиваясь необходимѣйшими издержками (въ телѣ? въ языкахъ, или Литтературѣ?), откладывалъ, сколько могъ, (тего?) для услажденія послѣднихъ дней доброй своей родительницы. Наконецъ открылось ему (?) мѣсто младшаго Священника, въ одномъ городкѣ въ Саксоніи. Теобальдъ переселился туда немедленно и хотя доходы его были не весьма значительны, но избраніе постояннаго жилища и большее изобиліе, которое могъ онъ теперь раздѣлять съ своею матерью, представляли

благоприятнѣйшую будущность.,, (*Неподражаемая легкость слога!*)

Продолжашь ли еще выписки? Нѣтъ у меня недосааеть охоты и чипашь далѣе.

Тамъ же чипали мы: *Берега Дона—прекрасное*, какъ говорятъ *Издатели—сочиненіе молодого Поэта съ отличными дарованіемъ* *). *Стихи его полны жизни, сладости и силы; метры не на стетъ здраваго смысла; чувствованія благородны и неподдѣланы.*

Выпишемъ, для подтвержденія словъ *Гг. Издателей*, нѣсколько стиховъ, которые особенно бросились намъ въ глаза.

*Какъ призракъ полноги, прохлада въ листьяхъ бродитъ;
И жипель горнихъ мѣстъ, молишвы Ангель всходитъ
Къ далекимъ небесамъ.*

*

*Младенець слабый, здѣсь я встрѣтилъ съ судьбой;
Здѣсь мнѣ Поэзія предспала
И жизни наготу украсила собой;
Душа безпрепешно вкушала
Таинственнаго сна прелестныя меты.*

*

*) И дѣйствительно съ дарованіемъ, которое однако видно не изъ этой піэсы, но изъ прочихъ его стихотвореній, особенно изъ Сказки: *Пиръ мудрецовъ*, напечатанной въ 5 No В. Е. нынѣшняго года. *Изд.*

Не измѣнились вы, родимыя мѣста,
 Но опышомъ мечпы опьяпы!
 Имѣ обнажилась мнѣ вся жизни нагота.

*

Какъ молневидный серпѣ, пріявшій блескѣ въ поляхѣ,
 Въ волниспыхѣ классахѣ утопаебѣ.

*

Коснися вновь спрунамъ, таинственный полетѣ,
 Душѣ роднаго вдохновенья!

*

Какъ полночь низведетъ прохладу и покой
 И отѣ береговѣ своихѣ въ туманѣ Донѣ возстанетѣ.

И пр. и пр. и пр.

Такъ написана вся піеса. И эпо спихи
 полные жизни, сладости и силы? И здѣсь мет-
 ты не на стетѣ здраваго смысла, тувствова-
 нія благородны и неподдѣланы? Не уже ли Гг.
 Издашели *Новостей Литтературы* въ самомъ
 дѣлѣ щакѣ думающѣ?

Г. Издашель *Отетественныхѣ Записокѣ*
 поблагодариль меня за замѣченную въ 34 №
 журнала его ошибку, сдѣланную, какъ гово-
 рипшь онѣ, *Корректоромѣ* и назвалъ эпо за-
 мѣчаніе дѣльнымѣ. Признаюсь, что шакая
 похвала польспила мнѣ, и я спѣшу дока-
 зать равнымъ образомъ мою благодарноспь,
 замѣшивъ ему еще одну ошибку, копорая
 безѣ сомнѣнія шакаже упадепшь на счетѣ Кор-

ректора. Вотъ она : главный городъ Королевства Баварскаго называется не *Минихольдъ*, какъ сказано въ № 55 *Отечественныхъ Записокъ* на стр. 86 въ примѣчаніи, а *Мюнхенольдъ*, какъ можно видѣшь въ любой Географіи.

Напрощивъ того почтенный Издашель *Вѣстника Европы* былъ не шакъ признателенъ къ моимъ замѣчаніямъ. Онъ больше вѣришь (см. № 7, стр. 235) Польскому Переводчику Бюргеровой *Леноры*, говоря, что ему *нельзя, кажется, не знать того имени, какимъ Авторъ назвалъ героиню піэсы*, нежели мнѣ, хотя я ссылаюсь на всѣ возможные изданія Бюргеровыхъ стихотвореній, изъ коихъ съ нѣкоторыми я нарочно справлялся. Чпожь дѣлашь, если я не заслужилъ еще его довѣренности?—Далѣе Г. Издашель извиняется передъ своими читателями, что единственно для меня сдѣлалъ длинную Польскую выписку изъ *Виленскаго Дневника*. Прошу у него тысячу разъ прощенія, что невольно побудилъ его къ такому проступку предъ Публикою и съ щемъ вмѣстѣ къ бесполезному шруду, ибо я по Польски не разумѣю, и пошому не понимаю, что Г. Издашель хотѣлъ сказать эпою выпискою. Но я за шо и наказанъ : признаюсь, мнѣ весьма больно казалось быть причиною пошоренія Польскаго четверостишія, кошо-

рое очень неприятно для Русскаго слуха и котораго и одинъ разъ не желалъ бы я видѣть въ такомъ прекрасномъ Журналѣ, какъ *Вѣстникъ Европы*, читаемомъ у насъ повсемѣстно и дамами и дѣвицами.

В—нб.



ЗАПИСКИ МОСКВИЧА.

Книжная лавка.

Люди вѣчно недовольны своимъ состояніемъ.

Всякой желаетъ перемѣны; всякой по своему разсуждаетъ о счастіи и идетъ къ нему—своею дорожкой. Одинъ желаетъ быть Генераломъ ошъ Кавалеріи; другой чрезвычайнымъ и полномочнымъ Министромъ: прелій Вице-Губернаторомъ—а я?...я...всегда желалъ бытъ—книгопродавцемъ!!

Въ ребячествѣ, никакая игрушка такъ не прельщала меня, какъ книга: я готовъ былъ пожертвовать всемъ на свѣшѣ, чпобъ сидѣть въ книжной лавкѣ и смотрѣть на полки, обремененныя книгами. Входя въ книжную лавку — я былъ совершенно счастливъ. Книгопро-

давецъ всегда казался мнѣ самымъ любезнымъ, самымъ ученымъ человекомъ.

Теперь не съ такою жадностію смотрю на книги, не такъ высоко думаю о книгопродавцахъ; но также люблю сидѣть въ книжной лавкѣ и разговаривать съ книгопродавцами.

Чаще другихъ навѣщаю лавку *N. N.*

Я воображалъ, что нѣтъ спокойнѣе и пріятнѣе званія книгопродавца. Онъ всегда обращается съ авторами, съ переводчиками; онъ пошчасъ имѣетъ всякую лишперашурную новоспѣ; онъ свободно пользуется всякими книгами; онъ получаетъ всѣ газеты, всѣ журналы... что можешь быть лучше?

Все нынѣшнее ушро я провелъ въ лавкѣ *N. N.*... Вошъ посѣпители... Дѣйствіе въ книжной лавкѣ. Входитъ пожилой человекъ...

Пожилой человекъ. Здравствуйте!

Книгопродавецъ. Мое почшеніе.

П. г. Чшо новинькаго?

К. Да вошъ, сударь, журналы. —

П. г. Я читаль... Чшожь объ моемъ дѣлѣ?

К. Да какъ вамъ угодно, сударь... Мнѣ нельзя купишь.

П. т. Помилуй!

К. Какъ это можно, сударь? Вы хотѣли взять за вашу Трагедію три тысячи рублей... а ее и не играли!... ее никто и не видалъ!

П. т. А вотъ какъ напечашаемъ — тогда и узнаюшь...

К. Да вы бы отдали ее на театръ...

П. т. А что мнѣ дадутъ въ театрѣ?

К. Если Трагедія будешь хорошо принята — можешь быть... пять сотъ рублей.

Пожилый человекъ опскачилъ на два шага отъ прилавки — и началъ кричать о невѣжествѣ книгопродавцевъ, о несчастномъ состояніи либераторовъ, о несправедливости, зависящей, о гоненіяхъ.

Этотъ пожилой человекъ — авторъ — писалъ до сихъ поръ про себя — Публика не знаетъ его имени — и не слышала о его Трагедіяхъ, которыхъ у него съ полдюжины *), какъ онъ изволилъ рассказывать.

*) Я зналъ здѣсь въ Пешербургѣ одного Словесника, который перевелъ про себя сти-

Приятно ли книгопродавцу слушать такого автора?..и подобные авторы не причиной ли нѣкошораго презрѣнія къ авторамъ?

Вслѣдъ за Авторомъ являешся Переводчикъ, или лучше Компиляторъ, извѣстный изданіемъ Хриспомашій, Азубкъ, Письмовниковъ, Пѣсенниковъ...

Компиляторъ. Здравствуйте Г. Н. Н.

Книгопр. Мое почтеніе, сударь!

Ком. Что, батюшка? не продали ли хоть сколько нибудь моей Азубки?

Кн. Экземпляра при, или чешыре.

Ком. Такъ нельзя ли получить деньги?

Кн. Какъ вамъ угодно...Извольте! А Письмовникъ-шо, сударь, у васъ гошовъ?

Ком. Черезъ недѣлю.

Кн. Сдѣлайте милость, ужь попорочитесь. Теперъ время къ ярмонкѣ...*)

хали всѣ Трагедіи Корнеля, Расина, Вольтера и Кребиллона. Переводилъ онъ съ невѣроятною легкостью по два и по три акта въ недѣлю и непременно двѣ Трагедіи въ мѣсяць. Къ сожалѣнію жена его и мыши перевели всѣ его переводы. *Изд.*

*) Росшовской.

Ком. Будешь гошовъ... Проспшите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій *Н. Н.*

Этотъ господинъ работаетъ на книгопродавцевъ, и беретъ съ нихъ рубли по три съ печатнаго листа. Азбуку же напечаталъ на свой счетъ и всякой день приходишь мучить книгопродавца вопросами: "не продали ли скольконибудь?", и пр. Получаешь иногда рубль, иногда, впрочемъ рѣдко, рублей пять и уходишь.

И такіе господа называютъ себя Липператорами!!

Вслѣдъ за этими молодцами является Авторъ одной Исторической книги.

А. Чтожь купиете ли вы у меня мое издание?

К. Извольте, сударь! по семи рублей за экземпляръ.

А. Какъ? Книга продается по сороку рублей...

К. Чшожь дѣлать, сударь! Я не могу дать болѣе семи рублей.

А. Послушайте. Теперь мнѣ нужда въ деньгахъ; я возьму по двадцати рублей за экземпляръ — и отдамъ все издание.

К. Не могу согласиться, сударь...

Авпоръ уѣхаль... Если онъ ошдаеть за семь рублей книгу, кошорая продаеться по сороку рублей ... подобныя продажи не причиноу ли бѣдности Авпора?..

Являюся двое: приѣзжій и здѣшній.

Здѣшній. Ну вошь, брапець, ша лавка, кошорую шы искаль...

Приѣзжій кѣ Книгопродавцу. Покажиш-ка миѣ, брапець, планъ Москвы... кошорый получше.

Книгопр. Извольше.

Приѣзжій. Хорошо — да это шакой ли точно, какой посылали въ Петербургъ? А?

Кн. Точно шакой...

Пр. Очень хорошо! Изволишь видѣшь, меня просиль купишь его нашъ Губернапоръ? Такъ нельзя ли брапець, наклѣишь эшошь планъ на холсть, и сдѣлашь футляръ на него? Да все, чшобъ было точно шакъ, какъ въ шомъ планѣ, кошорый посылали въ Петербургъ.

Кн. Очень хорошо, сударь.

Пр. Слышишь ли? Точно шакой, какъ шомъ планъ, кошорый....

Послѣ эшого Провинціаль началъ шорговашься въ цѣнѣ — пошомъ спалъ

разсмашривашъ книги. Онъ не чипаль ни Карамзина, ни Дмишрїева—не знаешъ Жуковскаго, и не слыхаль про Батюшкова.—“Кшо переґипашъ всѣ эши книги! заключиль онъ...Лучше всего Московскія Газешы!.. Тамъ все есть!,,

Такіе господа не виною ли, что наша книжная шорговля не распрощраивяешся?..

Въ продолженіе эшихъ посѣщеній чловѣкъ десяшь прияшелей книгопродавца перебывали въ лавкѣ. Всякой спрашиваль газешъ, журналовъ, новыхъ книгъ, и всякой уходиль, прочипавъ что ему хопѣлось.

Такіе прияшли книгопродавца — не виною ли, что журналы и новыя книги расходящя шакъ медлѣнно?..

30 Генваря 1823.



О ПРАВСТВЕННО - ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ ОДАХЪ ДЕРЖАВИНА. *).

Лирическія стихотворенія Державина составляютъ драгоценнѣйшія цвѣты нашей Поэзіи. Они соединяютъ въ себѣ быспрошу и пареніе Пиндара, нѣжность Анакреона, разнообразіе и богатство красотъ Горація. — Мы, Русскіе, должны гордиться Державинымъ; одинъ онъ изъ Поэтовъ нашихъ поставилъ лиру свою въ ряду съ лирами безсмертныхъ Поэтовъ древности; спремься однимъ съ ними пушемъ, далъ онъ Поэзіи своей особенный характеръ, и въ семь-то великій Ломоносовъ долженъ

*) Издашеть *Благонамѣреннаго* чувствительно благодаритъ за доставленіе сей снати. Желательно, что бы разобраны были критически всѣ лучшія произведенія несравненнаго нашего Лирика. Необходимо для пользы Словесности объяснять красоты въ образцовыхъ стихотвореніяхъ классическихъ Поэтовъ и замѣчать также погрѣшности: первыя для того, что бы чувствовали все ихъ достоинство, а послѣднія—что бы не подражали имъ. *Изд.*

уступилъ ему.—Творецъ Русской Поэзи, занятый языкомъ и гармоніею, которые долженъ былъ самъ составить, Ломоносовъ — при всемъ богатствѣ знаний и силѣ своего таланта — не могъ быть столько разнообразенъ мыслями и сообщить столько движенія своимъ Одамъ, сколько того и другаго встречаемъ въ Одахъ Державина. — Ломоносовъ превосходитъ Державина заслугами въ отношеніи къ языку и Поэзи вообще; Державинъ превосходитъ Ломоносова собственно въ красотахъ лирика. — Чистота слога, приятность гармоніи и вѣрность картинъ составляютъ достоинство Оды Ломоносова; но истинный образецъ Лирическихъ красотъ: силы, быстроты и правильности расположенія, представляють Оды Державина.

Державинъ есть лучшій Лирикъ времени новыхъ. Живопись воображенія, пламенное чувство и благородная смѣлость ума — отличительныя черты его; онъ чаруетъ и увлекаетъ читателя волшебствомъ своей Поэзи. Оды Державина можно раздѣлить на пять ро-

довъ: Духовныя, Философическія, Героическія, Шупочныя и Анакреоншическія.

Нравспвенно - философическія Оды Державина составляютъ новый родъ Лирической Поэзіи, имъ самимъ сошворенный. Нѣкоторые насшавники въ Словесности полагали, что нравспвенныя качества человека и философическія истины не могутъ быть предметомъ Лирической Поэзіи, и что въ семь родѣ позволительно только разсыпашъ ихъ безъ умысла, а не въ видѣ насшавленій?—Цѣль Лирической Поэзіи воспламенишь воображеніе и распрощашъ сердце; если Поэтъ достигъ его, онъ Лирикъ, и я не оскорбляюсь насшавишельнымъ его пономъ.—Державинъ въ Одѣ: *Вельможа*, говоритъ:

Вельможу должны составлять:
 Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
 Собой примѣръ онъ долженъ дашъ,
 Что званіе его священно,
 Что онъ орудье власпи есть,
 Всѣхъ царспвенныхъ подпора зданій;
 Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
 Должны бытъ: польза, слава, честь.

Можно ли говоришь просиѣ и поучительнѣе? Однако же эшо нравишся.—Конечно, Ода, написанная ошъ начала до конца таковымъ пономъ, могла бы наскучишь; но Геній умѣешь избѣжашь сего.

Размышляя одоспоинствахъ истиннаго Вельможи, онъ внезапно поражается прошивоположными качесшвами и восклицаетъ:

А ты, впорый Сарданапаль!
 Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
 На поль, чшобъ вѣкъ твой прошекаль
 Средь игръ, средь праздности и нѣги?
 Чшобъ пурпуръ, злато, всюду взоръ
 Въ швоихъ черпогахъ ослѣпляли,
 Каршины въ зеркалахъ дышали
 Муссія, мраморъ и фарфоръ?!

Обращеніе есть одно изъ шѣхъ общихъ мѣсшъ, къ которымъ всего чаще прибѣгають стихотворцы; оно одушевляетъ изображение, если Поэшь употребляетъ его кспаши. Приведенные предъ симъ стихи могутъ служить доказательствомъ, если бы. Поэшь, вмѣсто обращенія къ богачу-эгоисту, сказала такъ:

Но вы, роскошные вельможи!
 Къ чему стремите мыслей бѣгъ? и проч.

Вся красота была бы потеряна, обращение сдѣлалось бы холоднымъ и открыло равнодушнаго писателя, а не Поэта вдохновеннаго, который изобразивъ бѣдность и нищету толпящихся у воротъ Самрапа, между шемъ какъ онъ покоился въ чертогахъ роскоши, восклицаетъ:

Пробудись, Сибаритъ! ... ты спишь?
 Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
 Несчастныхъ голосу не внимлешь,
 И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:
 «Мнѣ мигъ покоя моего
 Приятнѣй, чемъ въ Исторіи вѣки;
 Жить для себя лишь одного,
 Лишь радостей умѣшь пить рѣки.
 Лишь въпрямь плышь-гнешь чернь ярмомъ—
 Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога;
 Нѣшь добродѣтели! нѣшь Бога!.,
 Злодѣй, увы!—и грянулъ громъ!»

Послѣ сего разительнаго изображенія заблужденій, Поэтъ, какъ бы успокоившись, обращается къ истиннымъ досноинспвамъ и въ стихомъ шовѣ мудреца продолжаетъ:

Блаженъ народъ, который полнъ
 Благочестивой вѣры къ Богу,
 Хранишь Царевъ всегда законъ,
 Чинишь нравы, добродѣшель строгу
 Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣшей;
 Въ единомушіи—блаженство;
 Во правосудіи—равенство;
 Свободу—во уздѣ страстей!

*

Блаженъ народъ—гдѣ Царь главой,
 Вельможи—здравы члены шѣла,
 Прилѣжно долгъ всѣ правяшъ свой,
 Чужаго не касаясь дѣла;
 Глава, не ждешъ опъ ногъ ума
 И силъ у рукъ не опымаешъ;
 Ей взоръ и ухо предлагаетъ;
 Повелѣваешъ же—сама.

*

Симъ швердымъ узломъ естеснѣва
 Коль Царство лишь живешъ счастливымъ,
 Вельможи!—славы, шоржеснѣва,
 Иныхъ вамъ нѣшъ, какъ бышъ правдивымъ;
 Какъ блюшъ народъ, Царя любишъ,
 О благъ общемъ ихъ спарашъся,
 Змѣей предъ прономъ не стибашъся,
 Ошояшъ—и правду говоршъ!

Вошъ какъ должно предлагашъ на-
 спавленія, что бы не наскучишъ ими

чишапелю. Ода сія, какъ и многія дру-
гія Оды Державина, опличается богаш-
ствомъ мыслей, пламенною любовію
къ общему благу и благородною, искрен-
ною смѣлостію. Поэтъ нашъ не всегда
однако же укоряешь, какъ строгій су-
дія—иногда являешся онъ снисходитель-
нымъ философомъ. Такъ, напримѣръ
въ Одѣ: *Къ Сосѣду*, начинающейся спи-
хомъ: *Кого роскошными пирами?* и проч.
онъ говоришь:

Блаженъ, кто можешь веселишься
Безперерывно въ жизни сей;
Но рѣдкому пловцу случившя,
Безбѣдно плаваешь средь морей ...
Непостоянство доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди ушѣхъ своихъ несмѣшныхъ
Желаемъ мы ушѣхъ иныхъ;
Придуть, придуть часы шѣ скучны,
Когда твои лайишы шучны,
Преспануть Граціи препенашь;
И, можешь бышь, съ шобой въ разлукѣ
Твоя ужъ Пенелопа въ сукѣ
Коверъ не будешь распускашь...
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣшъ живишь намъ время срочно;
Веселье шо лишь непорочно,
Раскалянья за коимъ нѣтъ!

Такіе стихи сдѣлали бы честь самому Горацию; они исполнены мыслью, чувствованій и гармоніи. — Не излишнимъ счишаю замѣпить при семъ случаѣ искусство Державина пользоваться Испорією. Три стиха:

И, можешь быть, съ щобой въ разлукѣ
Твоя ужъ Пенелопа въ сукѣ.
Коверъ не будешь распускашь.

пробуждая, такъ скажешь, въ воображеніи читателя прелестную картину Одиссеи, чрезвычайно удачно дополняющъ мыслямъ Авшора. Въ томъ мѣстѣ *Водопада*, гдѣ описывается памятникъ *Потемкина*, Поэтъ еще удачнѣе воспользовался симъ средствомъ.

По утру, солнечнымъ лучомъ,
Какъ монументъ злшый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ вѣшся.
Пришедши спарецъ, надпись зришь:
“Здѣсь шрупъ Потемкина сокрытъ..”

Альцибиадовъ прахъ! и смѣешь
Червь ползашъ вокругъ его главы! ...

Сей неожиданный переход поражаешь чипашеля; одно имя Альцибиада говоритъ воображенію его болѣе, нежели могло бы сказать самое подробное изображеніе жизни Помпекина. Это истинный порывъ Лирическаго Поэта, и въ подобныхъ - то сему переходахъ состоишь беспорядокъ Оды.

Лучшею Нравственно - Философическою Одою Державина можно почесть Оду его на смерть К. Мещерскаго; она исполнена мыслей, картинъ и чувствованій.

Безъ жадости все смерть разишь:
И звѣзды ея сокрушатся
И солнцы ея попушатся
И всѣмъ мірамъ она грозить...
Не мнишь лишь смертный умирашь,
И бышь себя онъ вѣчнымъ чаешь,
Приходишь смерть къ нему, какъ шаешь,
И жизнь внезапно похищаешь.

Ж. Б. Руссо въ одномъ изъ Псалмовъ, имъ предложенныхъ, выражаешь мысль сію такъ:

L'homme en sa propre force a mis sa confiance;
Ivre de ses grandeurs et de son opulence,

L'éclat de sa fortune enfle sa vanité.
 Mais, ô moment terrible! ô jour éprouventable!
 Où la mort saisira ce fortuné coupable,
 Tout chargé de liens de son iniquité!

ш. е.

Человѣкъ, упоенный величіемъ и роскошью, надѣвша на свои силы; блескъ счастья умножаетъ его суебность; но спрашень часъ, ужасень день, когда смерть похишишь сего преступнаго счастливца, обремененнаго беззаконіями.

Кто не видить преимущества нашего Лирика? Но съ чемъ сравнишь слѣдующее описаніе дома печали?

Гдѣ шполь былъ яшвъ, шамъ гробъ спо-
ишь

Гдѣ пиршество раздавались лики,
 Надгробные шамъ воюють клики,
 И блѣдна смерть на всѣхъ глядишь.

Горацій въ Одѣ своей: къ Сестію на возвращеніе весны, изображаетъ смерть такъ — *Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas regumque turres*—ш. е.
 блѣдная Смерть безъ различія стучитъ

въ двери пастушей хижины и царскихъ тертоговъ.

Сіе изображеніе весьма разительное; но Державинъ умѣлъ съ выгодною соспязаться съ Гораціемъ, предсавивъ Смерть въ слѣдующемъ, гораздо ужаснѣйшемъ видѣ:

Глядишь на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу шѣсны міры;
Глядишь на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядишь на прелесть и красы;
Глядишь на разумъ возвышенный;
Глядишь на силы дерзновенны —
И почишь лезвее косы!

Послѣ сего Поэшь, какъ бы пораженный ужасною карпиною, восклицаетъ:

Смершь, препенъ естества и спрахъ!
Мы гордосшь, съ бѣдносшью совмѣшна!
Сегодня богъ—а завтра прахъ!
Сегодня льспишь надежда лесшна,
А завтра—гдѣ шы человекъ?
Едва часы пропечь успѣли,
Хаоса въ бездну улешѣли,
И весь, какъ сонъ, прощель швой въкъ!

Сколько мыслей и чувствований
раждають сій спихи въ душѣ чипаше-
ла! — Распруганный Державинъ обра-
щаешся попомъ къ самому себѣ:

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта.
Исчезла и моя ужь младость,
Не сильно нѣжишь красота,
Не столько восхищаешь радость,
Не сполво легкомыслень умъ,
Не столько я благополучень;
Желаніемъ честей размучень,
Зовешь, я слышу, славы шумъ.
Но шакъ и мужество пройдешь,
И вмѣспѣ къ славѣ съ нимъ спремленье;
Богащспвъ спяжаніе минешь,
И въ сердцѣ, всѣхъ спраспей волненье
Прейдешь, преидеешь въ чреду свою.
Подите, счастья прочь возможны,
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчноспи сною.

Въ каждомъ спихѣ приведенныхъ
спрофѣ видны опышное познаніе чело-
вѣка и глубокое чувство гореспи.

Смершь и время, говорилъ Лагарпъ,
могупъ бышь предметомъ однихъ про-
повѣдей; но Геній Державина доказалъ,
што и шо и другое можешъ бышь пред-

метомъ Оды. — Для насъ Русскихъ стихотворенія Державина, кромѣ лирическихъ достоинствъ, привлекательны еще и темъ, что напоминають о блистательномъ царствованіи Екашеринны II, знаменитыхъ подвигахъ Румянцова, Орлова, Потемкина, Суворова. — Воспоминанія различные предметы, столь удачно воспѣтые нашимъ бессмертнымъ Поэтомъ, нельзя не удивляться силѣ его Генія. О немъ по справедливости можно сказать то же, что сказано о древнемъ Баянѣ въ *Словѣ о полку Игоревѣ*: “расшекашеса мыслю по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, своя вѣще персты на живыя спруны вскладаше, онѣ же сами княземъ славу рокопаху...”. — Имя Державина перейдетъ въ позднее потомство съ именемъ ЕКАТЕРИНЫ и великихъ современниковъ великой Монархини.

Такъ! весь не умеръ ты, но часть тебя
большая,

Опъ плѣна убѣжавъ, осталась вѣчно живъ,
 И слава возрастетъ твоя не увядая,
 Доколь Славеновъ родъ, вселенна будетъ
чпипишь!

Князь Н. Цертелсвѣ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № XI.

КРИТИКА.

Разборъ перевода Корнелевой Трагедіи: *Сидѣ*, съ краткимъ замѣчаніемъ на представленіе оной прошедшаго года, Декабря 14 на Большомъ Театрѣ.

“Что за охота, что за удовольствіе людямъ — говоряшь нѣкоторыя добрыя Липперашоры—крипикованіи другихъ? Найиши самъ, переведи самъ лучше того, чей шрудъ тебѣ не нравится: это будешь во сто разъ похвальнѣе и полезнѣе крипики; если же не можешь — такъ молчи, не прогай другихъ.,,

“Не прискорбно ли видѣшь—вопіюшь нѣкоторыя строгіе любословы—появленіе всякихъ нелѣпостей въ Липперашурѣ нашей? Должно ль это терпѣшь? Должно ли допускать, чтобы эшошь модный вздоръ: эши несносныя эпипешы,

эпи несвязныя выраженія, вся эта са-
ранга новѣйше - мѣлкаго Стихотвор-
ства нашего, пожирала настоящіе цвѣ-
ты Поэзіи, испребляла самыя сѣмена,
ихъ, насаждаемыя здравымъ Вкусомъ?
Нѣтъ — и одна только спрогая, безпо-
щадная, гласная кришика, подобно *звуку*
колокольному *), можешь избавишь Сло-
весность нашу отъ эшого наважденія.
Вообще, кришиковать, и припомъ са-
мымъ колкимъ образомъ, не только
полезно—даже необходимо,,

Которое изъ двухъ эшихъ мнѣній
справедливо? — Кажется — оба ложны.
Судить о сочиненіяхъ и *сочинять* ихъ,
быть *Критикомъ* и быть *Зоиломъ* —
весьма различныя между собою вещи.
Доказывать эшу истину, всякому бла-
гоммыслящему человѣку понятную, было
бы лишнее. О прямой цѣли и пользѣ
Кришики сказаль я мнѣніе свое въ *раз-*
борѣ Идилліи: *Рыбаки*, коего начало по-
мѣщено въ XVII № *Благонамѣреннаго*

*) Извѣстное средство противъ саранчи.
Сог.

прошедшаго года; здѣсь же скажу нѣ-
 сколько словъ о томъ, что побуждаетъ,
 или должно побуждать, безприсрасш-
 наго Писателя—Крипика къ пруду его.
 Всякой согласись со мною, всякой го-
 сповъ это самъ ушверждаетъ — хошя не
 всякой осперегается этого—что люди
 обыкновенно самое невинное, самое по-
 лезное налѣрненіе растолкуютъ скорѣе
 въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону;
 что къ оскорбленію свѣтъ гораздо склон-
 нѣе, чѣмъ къ похвалѣ; что гордость, са-
 молюбіе и клевета—сколько унижительно-
 ны для теловѣчества, столько же, къ не-
 счастію, и обыкновенны. *) Поспавимъ

*) Конечно шакого же мнѣнія былъ и
 Бульи, сказавшій въ одномъ изъ сочиненій
 своихъ, что молодыхъ авторовъ не рѣдко
 спараются отвращать отъ литератур-
 ныхъ упражненій подобными словами: “si
 vous réussissez—l’envie et la médiocrité parviend-
 ront à troubler vos succès; et, sous la masque
 d’une Critique nécessaire, elles vous feront payer
 cher vos lauriers. Si vous ne réussissez pas, cet-
 te meme envie, non contente d’éprouver une joie
 secreta, vous accablera d’injures, vous couvrira d’

все это съ одной стороны, а съ другой: живѣйшую любовь къ Отечественной Словесности; ревностное желаніе принести ей, по силамъ своимъ, пользу; удовольствіе: находить — раздѣляя съ другими сіе чувство — красоты въ новѣйшихъ произведеніяхъ и радоваться успѣхамъ соотечественниковъ своихъ; вниманіе просвѣщенныхъ людей; наконецъ, надежду: содѣлаться достойнымъ членомъ общества, снискавъ себѣ нѣкоторое уваженіе за полезныя труды. Которая изъ сихъ двухъ споронъ сильнѣе? — Чье сердце рѣшишь этакъ вопросъ, тотъ конечно увидишь и оправдаешь причину побужденія благонамѣреннаго Чисашеля — Крипика; а другимъ — и объяснять не нужно.

Прося извиненія у Чисашеля въ шакомъ отвлеченіи его отъ предмета, приступая къ разсмотрѣнію перевода Г. Катенинъ нѣсколько сократилъ эту Трагедію. *Инфанту, Дону Урраку*, съ

opprobre. On pardonne rarement à qui veut se faire un nom., *Сог.*

наперсницей *Леонорой* и съ *Пажелб* ея — исключилъ онъ вовсе; сверхъ того выпустилъ и е Явленіе Трагедіи, разговоръ *Хиллены* съ *Эльвиroy*, и началъ съ 6 Явленія. Опъ того и е Дѣйствіе сдѣлалось чрезвычайно мало. Не знаю, на собсвенномъ ли сужденіи, или на какихъ либо крипикахъ, основался Г. Переводчикъ въ сей перемѣнѣ; только нельзя не пожалѣть, что онъ не объяснилъ мнѣнія своего въ краткомъ предисловіи къ переводу. Это объясненіе оправдало бы его предъ любителями *Корнеля*—и, можетъ быть, послужило бы въ пользу молодымъ Трагикамъ нашимъ. Впрочемъ, всѣ выпущенныя сцены такъ мало имѣющъ связи съ главнымъ предметомъ и ходомъ пьесы, что хотя Переводчикъ въ оспальномъ спржайше держался подлинника, не перемѣня ни одного стиха, Трагедія чрезъ то ничего не потеряла въ полношѣ содержанія и ясности дѣйствія.

Первое Явленіе: *Донъ-Дьегъ* и *Графъ Гормасъ*, прекрасное въ подлинникѣ, переведено, кажешся, безъ особеннаго вниманія—съ большею вольностію.

Гормасъ.

Ты наконецъ успѣлъ: по *Королевской* волѣ
 Возвышенъ ты на санѣ, приличный мнѣ
 всѣхъ болѣ.

Д. Дъегъ.

Чессть, коей Государь въ сей день меня по-
 тилъ,

При сокращенномъ мѣспоименіи: *коей*,
 надлежало бы сказать: *удостоилъ*; же-
 лая же удержашъ глаголь: *погтилъ*,
 должно бы кажешся поставишь: *коею*.
 Слово: *Государь*, замѣнивъ словомъ *Ко-*
роль, не нужно бы ничего болѣ пере-
 мѣняшь въ эпомъ стихѣ, кромѣ пере-
 становки словъ:

Чессть, коею въ сей день Король меня по-
 чшилъ,

Являешь всѣмъ, что онъ за дѣло награждаетъ
 И прошлыхъ никогда заслуъ не забываетъ.

И симъ примѣромъ всѣ его узнають слуги

Мой Родригъ пламенно влюбленъ въ швою
 Химену.

Растущаго Царя обязанносшямъ всѣмъ
Тебѣ *цѣлѣ дано*

И добрымъ въ милосшъ бышь и *вкупѣ* злос-
нымъ въ спрахъ.

Вотъ подлинныя спихи:

Montre à tous qu'il est juste, et fait connoître
assez

Qu'il scait récompenser les services passés.

Et ce choix sert de preuve à tous les *courtisans*,

Rodrigue *aime*, Chimene.

Exercez-la, monsieur, et gouvernez le prince.

Они исполнены благородства, выражений приличныхъ высокому слогу, какимъ обыкновенно пишущся, или должны бышь писаны, Трагедии. Въ швореніяхъ всѣхъ лучшихъ Трагиковъ господствуетъ сей слогъ. Да и какой другой можешь бышь приличенъ сочиненію, для копорого предметъ избирается высокій, чувства и мысли возвышенныя? Конечно, не одни *громкія* слова составляютъ высокій слогъ — это всякой

знаешь; однако же слова служатъ одеждою мыслей и должны быть приноравливаемы къ онымъ. Какъ на Графѣ Гормасѣ, первомъ Гиппанскомъ Вельможѣ, странно было бы видѣть одежду простолюдина, такъ въ изъясненіи высокихъ мыслей неприличны простыя слова и обороты. За дѣло награждаетъ — узнаюшь *слуги* — Родригъ *влюбленъ* — дано *угитъ* *ростущаго Царя* — и п: п: Такимъ образомъ говорятъ только простые люди въ приятельскомъ разговорѣ. Припомъ же се словомъ: *пламенно*, означающимъ необыкновенную силу спраши, кажешся, непременно долженъ быть соединяемъ глаголь: *любить*; запросто говорятъ: *влюбленъ* до крайности, до безумія, по уши — но нищо не скажешъ: *влюбился пламенно*. Въ послѣднемъ стихѣ Славянское слово: *вкупѣ*, вспрѣчающееся нѣсколько разъ въ Трагедіи, нахожу я шакже неприличнымъ. *)

*) Подобныя, обвѣщальныя слова — едва ли необходимыя для самаго высокаго рода Поэзіи, какова Эпопея — поставленныя между

Болѣ же всѣхъ мнѣ кажутся не-
удачными слѣдующіе стихи:

Примѣры явные научашъ болѣ въ лигѣ,
Чемъ наспавленья всѣ, добытыя изъ книгъ.
— — — — —
И разолѣ чщобъ прервать всѣ лишнія слова,
Ты нынѣ точно то, что я бывалѣ сперва.

Вопъ подлинныя:

Les exemples vivants ont bien plus de pouvoir.
Un prince dans un livre apprend mal son devoir.
— — — — —
Enfin pour éparquer des discours superflus,
Vous êtes aujourd'hui ce qu'autrefois je fus.

Впрочемъ, въспрѣчающа въ эпомѣ
Явленіи очень хорошіе стихи, какъ на-
примѣръ:

И новый блескъ, въ какомъ опца онъ видипъ
нынѣ,
Безспорныя права даешъ ему къ гордынѣ.
— — — — —
И сынъ бы Короля, идя за мною въ слѣдъ,
Хранимъ рукой моею, взмужалъ среди по-
бѣдъ.
Пусть шолькобъ моему онъ слѣдовалъ при-
мѣру—

обыкновенными и даже самыми простыми
словами, кажуща какими-то антиками,
выспавленными напоказъ не у мѣспа. Сог.

И ожиданій всѣхъ превысилъ бы онъ мѣру.

— — — — —

Гормасъ.

Затѣмъ *) же честь сія возмездье не мое?

Д. Дъегъ.

Что получишь не могъ — не заслужилъ ее.

Какъ сіи, такъ и многія другія мѣста перевода, кои приведу ниже, вѣрныя, исполненныя духа подлинника, показываютъ что Переводчикъ могъ бы сдѣлать трудъ свой достойнымъ оригинала.

Явленіе 2.

Д. Дъегъ. (одинъ.)

(Графъ Гормасъ давъ ему пощечину и вырвавъ изъ рукъ его мечъ, ушелъ)

О поношеніе! о суешная ярость!

О беззащитная, враждующая шарость!

*) Упопробительное въ высококомъ слогѣ: погто, было бы, кажешся, здѣсь приличіе. Сог.

Первое причастіе пропотиворѣчишь второму—и пошому неумѣстно здѣсь. Второе же очень хорошо и близко къ подлиннику: *ô vieilllesse ennemie!*

На то ли посѣдѣлъ я въ битвахъ и войнѣ, *)
Чтобъ предъ концемъ моимъ перпѣшь без-
чеспье мнѣ?

И такъ, рука моя! ты славилася въ брани,
Смирала ты враговъ, на нихъ *взлагала* **) *дани,*

Спасеніемъ была опечеспву всему,
И отказалася вдругъ служишь мнѣ самому!

Въ подлинникѣ Д. Дъегъ говоритъ только объ рукѣ своей, что она ему измѣнила; а въ переводѣ онъ *обращается къ ней съ упрекомъ*. Обращеніе это кажется мнѣ прекраснымъ и приличнымъ положенію сего честолубиваго сшарца.

*) Не все ли поже, если бы сказать: „Въ горесни проводилъ я дни и время жизни своей.“ Это непросшипельная небрежность. *Сот.*

**) *Дани не оковы: ихъ не возлагаютъ, а налагаютъ, и припомъ не руками. Не пристойнѣ ли бы сказать: „и испоргала дачи, —или что нибудь подобное. Сот.*

А ты, дней юности поварищъ дорогой,
 Мечъ, если силы нѣтъ владѣшь еще шобой,
 Коль при бедрѣ моемъ, на старости ты
слезной
 Остался, какъ нарядъ смѣшной и бесполез-
ной,
 Прочь отъ меня иди, безславья устыдись!
 И съ мщеньемъ лишь изъ рукъ сильнѣй-
шихъ возвращаюсь.

Первому стиху соопвѣществуемъ
 въ подлинникѣ:

Et toi, de mes exploits glorieux instrument,

Стихъ прекрасный, но Русской бо-
 лѣ поражаетъ меня. Слабый спарець—
 нѣкогда мужеспвенный—немогущій бо-
 лѣ владѣшь мечемъ, называетъ его до-
 рогицѣ товарищелѣ юности своей: какъ
 сообразно это духу, тогдашняго вре-
 мени!

Первое полуспишиѣ слѣдующаго Яв-
 ленія, превосходный, разишѣльный во-
 просъ Д. Дьѣга, сдѣланый сыну, едва
 тошъ вошелъ: Rodrigue, as-tu du coeur?—
 возможно ли перевести равносильно?

Сынъ, мѣжественѣ ли ты?

Или:

Сынъ, храбрѣ ли ты?

То и другое будешь слабо. Г. Катенинъ (если я не ошибаюсь въ догадкѣ моей), желая дать всю возможную силу послѣднему выраженію, сдѣлалъ его разительнѣйшимъ для Родрига въ успахъ отца его—заспавиль Д. Дьега обратишь къ нему вопросъ съ умысленнымъ сомнѣніемъ и укоризною, опъ коей бы, такъ сказашь, вспыхнуло сердце благороднаго юноши (особливо во времена рыцарства):

Сынъ, храбръ ты, или—*трусъ*? *)

Это простое слово именно попому и нахожу я приличнымъ здѣсь, что оно *просто, унижительно* — и, на дѣлѣ должно бы возбудишь все мужество Родрига. Выразить это была цѣль Авшора, и Переводчикъ, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ близко достигъ ее. Опвѣтъ Д. Родрига мнѣ кажется не совсемъ удаченъ:

Ты мой отецъ; другога
Я въ мигъ *увѣрилъ* бы.

*) Чтобъ эшопъ стихъ сдѣлалъ *полный* эффектъ на шеапръ—эшо зависишь уже опъ игры Актера. *Сот.*

Въ чемъ?...должно бы сказать: *за-*
ставилъ бы испытать это. Если же
удержашь глаголь: *увѣрилъ*, въ такомъ
случаѣ необходимо нужно, чѣтобъ оп-
вѣшь Родрига не *оканчивался*, а *прер-*
ванъ былъ Д. Дъегомъ на эпомъ словѣ,
шо есть, вмѣсто одной надобно поста-
вишь нѣсколько почекъ....

Д. Дъегъ.

Я оживаю снова?

Прекрасно! хопя не шо, чѣто въ под-
линникѣ (*Agreable colere!*); но мысль на-
хожу я вѣрною и сполько же еспе-
свенною. *)

*) Переводишь изъ стиховъ въ стихи,
особливо драматическое сочиненіе, сохра-
няя всѣ достоинства онаго — чрезвычайно
трудно. Иногда одно слово, одно выраженіе,
счастлииво употребленное, составляетъ важ-
ную красоту и производитъ сильный вѣ-
фектъ на театрѣ; легко случисься можетъ,
чѣто хопя этому слову, или выраженію и
найдушся равносильные въ томъ языкѣ, на
копорый переводяшь, но или по многослож-
ности своей, или по неприяшному для вы-
говора спеченію буквъ, употреблены они

Въ семь Явленій, которое вообще переведено хорошо, есть прекрасные стихи:

Чемъ ближе къ сердцу врагъ—темъ больше
оскорбленье.
Обиду знаешь ты; въ рукахъ твоихъ оп-
мщенье.
Что мнѣ сказать еще? — кто ты, не поза-
будь;
Достойнаго отца достойнымъ сыномъ будь.

Стихи подлинника:

Plus l'offenseur est cher, et plus grande est
l'offense.
Enfin tu sais l'affront, et tu tiens la vengeance.
Je ne te dis plus rien; venge-moi, venge-toi;
Montre-toi digne fils d'un père tel que moi.

Особливо же нравишься мнѣ обраще-
ніе Д. Дьега къ сыну, когда, объявивъ
ему, что оскорбитель есть отецъ Хиле-
ны и, Родригъ хочешь говоришь:

Онъ

Д. Дьегъ прерываетъ его:

бышь не можешь; чтожь Переводчикъ дол-
женъ дѣлать?—Кажется, въ подобномъ слу-
чаѣ опсшупленіе отъ подлинника извини-
тельно. *Сог.*

Сынъ! не отвѣчай! я знаю страсть твою,

Въ подлинникѣ сказано:

Le père de Chimene.

D. Rodrigue.

Le . . .

D. Diegue.

Ne réplique point, je connois ton amour.

По мнѣнію моему въ переводѣ это мѣсто еще сильнѣе, потому, что однимъ восклицаніемъ: *сынъ!* Д. Дьегъ даетъ уже почувствовать Родригу весь долгъ его.

(Окончаніе обѣщано.)



КАРЛЬ XII И СУВОРОВЪ.

Карль XII былъ—Монархъ; Суворовъ —подданный: но имена ихъ равно оспариваются безсмертными въ лѣтописяхъ Исторіи.

Оба стали наряду съ величайшими древними и новыми героями; оба презирали приятности нѣги и удовольствія роскоши; оба равно были мужественны, воздержны, дѣятельны; и поэтъ и другій съ цинизмомъ Диогена соединяли славолубіе Александра.

Будучи скоры въ соображеніяхъ, быстры въ дѣйствіяхъ, неупомимы въ трудахъ, обладая совершенно сердца́ми своихъ воиновъ—оба содѣлались великими полководцами; но Суворовъ, любя членіе и науки, былъ просвѣщеніе, болѣе уважалъ Религію и человѣчество, внимательнѣе наблюдалъ духъ своего вѣка, характеры шѣхъ людей, въ кругу которыхъ и прошивъ которыхъ онъ дѣйствовалъ — и это доставило ему славу гораздо блистательнѣйшую.

Карль всею жертвовалъ для выгоды собственнаго самолюбія; Суворовъ

ничего не щадила для славы своего отечества.

Оба въ разные времена представили Европѣ ужаснѣйшія зрѣлища; но первый часто проливалъ кровь по безразсудной запальчивости; послѣдній — только по необходимости. Сокрушивъ твердыни Праги, потчасъ оставяешь онъ мечъ свой, и забывъ взаимную вражду двухъ народовъ, заключаетъ въ дружескія объятія явившихся къ нему Депутатовъ Варшавскихъ. Онъ также, какъ и Карлъ, любилъ ужасать враговъ своихъ; но для того, что бы — послѣ не имѣлъ уже въ томъ надобности. Карлъ часто былъ игралищемъ своего воображенія; у Суворова оно всегда покороено было разсудку; Обладая умомъ болѣе пылкимъ, нежели основательнымъ — Карлъ не рѣдко предпринималъ наудачу, и терялъ иногда напрасно войновъ; Суворовъ, имѣя болѣе познаній и уваженія къ человѣчеству, лучше соображалъ вещи, входившія въ военныя его предначертанія. Карлъ позволялъ себѣ неистовствовать и послѣ побѣды. Суворовъ былъ — левъ, когда сражался; ви-

дя покорность враговъ—онъ превращался въ крошкаго агнца. Не обдумавъ основательно своихъ средствъ, не сравнивъ—какъ надлежало—силъ собственныхъ съ силами неприятелей, рѣшаясь часто на невозможное, Карлъ, при всемъ уваженіи, какое имѣли къ мужеству и воинственному его характеру—иногда смѣшилъ Европу. Суворовъ, когда и хотѣлъ смѣшить другихъ, всегда былъ равно уважаемъ. Оба имѣли въ частной жизни большія странности: но первый дѣлалъ ихъ не чувствуя; или не примѣчая того; у послѣдняго—кажется—онѣ были умысленныя, и часто служили покровомъ тайнымъ его намѣреній.

Слѣдствіемъ сихъ безразсудностей Карла было, что онъ разбилъ наконецъ подъ Полшавою, содѣлался жалкимъ игролищемъ надмѣнныхъ Опшомановъ, пережилъ могущество и славу Швеціи, накучилъ даже собственнымъ подданнымъ. Суворовъ напрошивъ оспался непобѣжденнымъ, сражавшись съ воинами Фридриха Великаго, съ многочисленными полками пирановъ Константинополя, съ пылкими Польскими Конфедерашами

съ испугленными легионами бывшей Французской Республики и искуснѣйшими ея Полководцами, онъ повсюду увѣнчался побѣдою; наконецъ, достигнувъ седмидесятилѣтней старости, низшелъ во гробъ, сопровождаемый признательностію своего Монарха, удивленіемъ соотечественниковъ и уваженіемъ цѣлой Европы.

Оба старались уподобиться Александру, и въ строгости нравовъ превзошли его; но Карлъ, при Полшавѣ, утратилъ сходство съ симъ знаменитымъ и счастливымъ героемъ Македоніи. Суворовъ *цѣлѣмъ* сохранилъ оное и—среди ужасовъ Альпійскихъ.

Вятка.

К.

НЕРАВНАЯ УЧАСТЬ.

На кладбище, землѣ опдашь, несли
Гробъ розовый, осыпанный цвѣтами;
Прохожіе сморгли со слезами,
Какъ въ слѣдъ отецъ и мать, рыдая, шли.

*

Лѣтами и печалью изнуренный
Въ шолпѣ старикъ брелъ, подпершись клюкой.

чей гробъ?, спросилъ участвомъ побужден-
 ный
 задумчиво сопутникъ молодой.

*

«Увы! сказалъ сшарикъ, она какъ радость,
 Какъ Ангель, гость минувный здѣсь была;
 Едва она узнала жизни сладость,
 Безропотно опъ міра опошла.

*

Съ младенческой невинностью поняшій,
 Прекрасная, какъ юная весна,
 Опъ родственныхъ оппоргнуша обяшій!
 Опъ брачнаго вѣнца опозвана! —

*

А я—онъ молвилъ съ горькою улыбкой—,
 Всѣхъ пережилъ, и ближнихъ и друзей!
 И смершю забышый здѣсь опшбкой
 Свншаюся на старости моей!,,

Б. Федоровъ.

~~~~~

### ЭПИГРАММА.

Дитя паспущеской напуры  
 Писатель Нуликовъ такъ сладостно поешъ,  
 Шо ужъ пора бь ему назваться безъ хлопотъ  
 Кандитеромъ Литтературы.

В. Т.

~~~~~

ПОХОДЪ ВЪ ПЕТЕРГОФЪ *).

“Уфъ не могу болѣе!—Силь нѣшь!— Я упаду на дорогѣ!—Да скоро ли конецъ будешь?,—Такъ ропшали усалые пилигримы на пути въ Пешергофъ, досадовали на дорогу, на прекрасный лѣснй вечеръ, а болѣе всего на самихъ себя.—Наконецъ съ шрудомъ добрели до Коирова.—Большинство голосовъ рѣшило остановишься здѣсь, и всѣ расположились опдохнуть. Прекрасное, опкрышое мѣсто представилось взорамъ усалыхъ пушешесшвенниковъ—они бросились на землю.—Но увы! и здѣсь неудача!! Вмѣсто мягкаго дерна попали они въ сырое болошо. Чшо дѣлать? Надобно было вспать и ушѣшишься. — Между шемъ приходъ ихъ разбудилъ мирныхъ Эспляндцевъ; мало помалу опворяющся спавни, ворота; всѣ выходятъ по-смонрѣшь на пришельцовъ, нарушив-

*) Сообщено опъ неизвѣснаго. Издашель, помѣщая съ удовольствіемъ въ своемъ Журналь спашью сію, покорнѣйше просишь о доставленіи окончанія оной.

шихъ общее спокойствіе. — Жажда мучила ихъ; всѣ кинулись на несчастную близьстоящую спаруху, вышедшую вмѣстѣ съ прочими узнать причину тревоги — требовали кваса, молока; спаруха клялась, что ничего не имѣешь, но при словѣ *Раа*: *) явились горшки съ молокомъ, ведра съ квасомъ и водою. — Уполивъ жажду и отдохнувъ въ сѣнномъ сараѣ, отправился караванъ нашъ далѣе.

Уже величественная ночь одѣла покрываломъ своимъ вселенную; все было тихо: легкій Зефиръ вѣянемъ своимъ боялся разбудить дремлющую природу и только колокольчики пасущихся въ лѣсу стада изрѣдка нарушали всеобщее спокойствіе. — Блѣдная луна освѣщала дорогу и любовалась прелестною картиною. — Пупешественники шли бодрѣе и веселѣе, пѣли пѣсни, смѣялись и не примѣтно приблизились къ Пешергофу. — *Море! море!* закричали вдругъ всѣ въ одинъ голосъ, смотря на синѣющую даль. — “Я вижу корабли, говорилъ одинъ,

*) *Раа* почухонски значить деньги.

мачты, парусы, все, все, очень ясно!., —
 Воть мапросы! кричалъ другой, — “Я
 слышалъ выстрѣлъ пушки, говорилъ
 прерпій., Всѣ были въ восторгѣ, надѣ-
 ясь черезъ нѣсколько минутъ отдох-
 нашъ на самомъ мѣстѣ. — Идушъ да-
 лѣе, далѣе — море все кажется ближе;
 уже слышны голоса опъѣзжающихъ
 пассажировъ, мапросовъ, и проч: — Но
 какъ жестоко люди обманываются! Всѣ
 эти мачты, парусы, мапросы, были не
 что иное, какъ игра усалаго вообра-
 женія нашихъ пѣшеходцевъ, а близкое
 море—густый шуманъ!!!—“Это опшиче-
 скій обманъ!., ворчали педанты. — Меч-
 ша!—восклицали поэты.—“Ахъ! это не
 Кроншпадшъ!., говорили усалые и го-
 лодные.—Шли далѣе, ноги многихъ оп-
 казывались поддерживашъ массу и мед-
 лѣнно передвигались.—Наконецъ опкры-
 лось Литово и обрадованная толпа ки-
 нулась атаковашъ чухонскую избушку,
 конорая почти одна сославляла всю
 деревню; иной кидалъ камни въ окно,
 что бы разбудишь спящихъ хозяевъ;
 другой изо всей силы спучался въ две-
 ри; однимъ словомъ: всѣ были заняты.—
 Испуганная хозяйка выбѣгаетъ

Dans le simple appareil,
 D'une beauté qu'on vient d'arracher au sommeil!..
 и дрожа отъ страха и холода, спраши-
 ваешь: чего нужно?....“Квасу, кричаешь въ
 одинъ голосъ, квасу во что бы то ни
 спало!,, Несчастливая, испуганная, выно-
 сить весь свой квасъ—и просишь о по-
 милованіи. — Опдохнувъ не много, пу-
 спились въ дальнѣйшій путь.

Аврора румяными перстами опи-
 рала врага Воспока. — Фебъ спѣшилъ
 смѣнить унылую сесипру свою.—Воздухъ
 былъ чистъ и пички чириканьемъ на-
 поминали земледѣльцу часъ его работы.
 —Вороша скрипѣли на веряхъ; башра-
 ки, потягиваясь, принимались за днев-
 ную работу, и дымъ мало помалу спру-
 лся изъ трубъ. — Путешественники
 медлѣнно шли все далѣе, и наконецъ до-
 брались до Спрѣльны, гдѣ все просыпа-
 лось. — Увидя при самомъ входѣ въ го-
 родъ большую кучу сѣна, всѣ бросились
 на нее и скоро заснули мертвымъ сномъ.
 —Солнце выглянуло и разбудило спя-
 щихъ.

Отъ Спрѣльны до Пешергофа толь-
 ко 7 верстъ. Удвоили шаги и наконецъ

открылся дворецъ.—*Петергофъ!!!*...вскричали изумленные, изнемогающіе путешественники, и собравъ послѣднія силы, кое-какъ дошащились. — Толстый хозяинъ въ колпакѣ, съ шрубкою въ зубахъ, проситъ спранныковъ войти въ домъ свой.—“Онъ знаетъ боговъ Каспора и Полукса, — закричали ученые наши, и спешаясь на всякомъ шагу, вошли въ маленькой, но чисто убранный домъ. Оправившись отъ всѣхъ успалостей шоль длиннаго пути, надобно было прислушавшись къ цѣли путешествія и осмотрѣвъ достопамятности города.— Является человекъ, въ синемъ фракѣ, съ дворянскою медалью, и берется показать все достойное вниманіе.—Идутъ въ садъ и любопытные забываютъ скуку дороги, смотря на Самсона, борющагося со львомъ—Непшуна, повелѣющаго волнамъ — на драконовъ, изрыгающихъ цѣлые пошпки—на высокія пирамиды и прочія чудеса садовъ Петергофскихъ.—Осматривали залу, гдѣ некогда Великій Пётръ давалъ повелѣнія и рѣшалъ судьбу цѣлыхъ народовъ; видѣли башмачокъ Екашерины Ій, коляску, въ

которой Государь, развѣзжалъ съ од-
 нимъ только деньщикомъ и испыты-
 валь вѣрность часовыхъ.—Наконецъ уви-
 дѣли споль жестоко обманувшее ихъ
 море; въ синѣющей дали Кроншпадпъ;
 но на сей разъ не было ни пушечныхъ
 выстрѣловъ, ни криковъ мажросовъ —
 все было покойно.—Осмолрѣвъ все это,
 почувствовали они нужду въ подкрѣп-
 лени ослабѣвшихъ силъ, какъ вдругъ
 идетъ человекъ и опъ имени Ди-
 ректора бумажной фабрики, пригла-
 шаетъ пушешественниковъ на легкой
 завтракъ. Излишне было бы говорить,
 что онъ не принужденъ былъ повпо-
 ряпъ приглашенія—все лешѣли.—Англи-
 чанинъ, хозяинъ дома, вспрѣчаетъ ихъ,
 и ведетъ въ залу, гдѣ накрытъ былъ о-
 громный споль.—Удовольствие маHEMA-
 шика, нашедшаго давно исканную фор-
 мулу — рифмача, удачно написавшаго
 стихи—школьника, выучившаго урокъ—
 не можешь сравниться съ удовольстви-
 емъ, которое почувствовали проголо-
 давшіеся спранники, при видѣ накры-
 таго спола. Улыбка радости блиспала
 на всѣхъ лицахъ и всѣ сѣли въ гесши-

ной, съ неперпнїемъ ожидая счастливой минушы завпрака.—Наконецъ опираюшся двери столовой, и дворецкїй, съ салфешкою въ рукѣ, пришелъ доложить, что столъ накрытъ.—Взорами пожирали всѣ блюда и ряды бутылокъ; сѣли за столъ—и гдѣ вы, гордо спящїе розбифы, бифштексы и кружки съ пѣнистымъ поршеромъ? Проворные слуги не успѣвали наполнятъ ихъ, лица дѣлались румянѣе, глаза наполнялись нѣжною томноспїю, и мало помалу молчанїе заснувало мѣсто шумныхъ бесѣдъ.—Сестра хозяина, какъ новая Геба, съ умильною улыбкою разносила нектаръ и щцапельно наполняла пышныя стаканы, которые снова щцапельно опустошались.—Наконецъ пирующїе друзья, почувспвовали призыванїе Морфея и опираясь другъ на друга, кое-какъ побрели въ назначенную имъ кварширу.—Кипы сѣна ихъ шамъ ожидали и богъ сна разсыпалъ по нимъ маковые цвѣшны свои!!...

И склонясь во прахъ челомя,
Засыпающъ молодецки!!

Проснувшись, осматривали фабрику, купались въ морѣ, гуляли по саду и поужинавъ дома, заснули, ожидая веселья другаго дня.



МѢЛКОВОДИЕ ЛЕТЫ.

Сказка.

Скончался Бавій нашъ! И, вопшь, его шво-
ренья

Погружены въ рѣку забвенья,

И—не пошли на дно!...

“Ну! это мудрено!

Промолвилъ Аполлонъ съ досадой.

Ужель и Бавію безсмертіе наградою?

Всѣ скажутъ, господа, что насъ онъ под-
купилъ”

Да дѣлашь нечего! Меркурій говорилъ.

Причиной—не приспрасые Лешы,

А новошкольники Романшики—Поэшы:

Отъ нихъ во всей рѣкѣ шакой навалень
сорь,

Что Бавія не понешъ вздоръ.



СОЗНАНИЕ.

Не вашъ, простите, господа;
 Не шумными иду пѣтями,
 Любитель легкаго шруда!
 Вамъ честь и слава! Все предъ вами!
 Не вашъ, простите, господа!

*

Мои стихи—вода водою;
 Не мнѣ зашѣливо писашь!
 Я не блиспаль въ нихъ мишурою—
 Ихъ даже можно понимашь.

*

Друзей моихъ съ Анакреономъ
 Во фруншъ къ безсмертью не равняль,
 И дико-мрачнымъ важнымъ пономъ
 Моихъ безсмыслиць не чипаль.

По ношой формъ я не знаю
 На полустяшии гудить;
 Тѣхъ за поэповъ не считаю,
 Чья спрасшь писашь, чей даръ дразнишь.

*

Досугомъ съ Музами дѣляся,
 Спѣсиво къ славъ не лечу,
 И съ Журналиспомъ стоворяся,
 Попасшь въ таланты не хочу.

*

Я не имѣю дарованья:
 Васъ не хвалилъ и виновашъ!
 Не спою вашего посланья
 И мнѣ спишковъ не посвящашъ.

*

Не шумными иду пущами;
 Не вашъ, просшите, господа,
 Любишель легкаго шруда —
 Вамъ честь и слава! Все предъ вами!

*

Не поспигаль, невѣжда я,
 Какъ можно, давъ уму свободу,
 Любви порхать по огороду,
 Питъ слезы въ таймъ бытія!

*

Какъ конь взвивался надъ могилой,
 Какъ вѣтѣ матери крыло,
 Знакомое, какъ бури силой
 Толпу святую унесло!

*

Олей, увлажненныхъ желаньемъ —
 Пѣвца Гетеръ — у люльки Рокъ —
 Уста, кипящія лобзаньемъ —
 Я — какъ Шарадъ — поняшь не могъ.

*

Не вашъ, просшите господа;
 Не шумными иду пущами,

Любитель легкаго шруда—
Вамъ честь и слава! Все предъ вами!

—й.



О ШКОЛАХЪ ЖИВОПИСИ.

(Продолженіе.)

Фламандская школа.

Произведенія сей школы оплечающ-ся ошъ произведеній Голландской совершеннымъ согласіемъ въ расположеніи свѣта и тѣни, совершенною опѣлкою безъ сухости, удивительнымъ соединеніемъ искусно подобранныхъ цвѣшовъ и нѣжностію кисти. Ей дѣлають упреки общіе съ Голландскою: величайшій недоспашокъ живописцевъ сихъ школъ, рабскихъ подражателей природы, сосшоишь въ томъ, что они изображали ее такою, какъ она ешь, а не какою бышь можешъ; но сіи упреки не падають на нѣкопорыхъ великихъ мастеровъ и въ особености на Рубенса и Вандика.

Губертъ и Иоаннъ Ванъ-Эйкъ (Hubert и Jean Van-Eusek) могушь бышь почтены основателями Фламандской школы. Io-

инъ, названный въ послѣдствіи Іоанномъ Бругесскимъ (Jean Bruges) по имени города, куда онъ переселился, открылъ шамъ въ XIV столѣтіи удивительный секретъ писать на маслѣ, который сообщилъ Антону Мессинскому (Antoine de Messine), а сей перенесъ оный въ Италію.

Штеенвикъ (Steenwyc) родился во Фландріи около 1550, умеръ въ 1603 году. Писалъ внутреннія перспективныя церкви чудесно; дѣйствіе свѣта его удивительно, а картины совершенны; Петерцевъ (Peternefs) его ученикъ.

Брилъ Павелъ (Bril Paul) родился въ Антверпенѣ (Anvers) 1554, умеръ въ Римѣ 1626 г. Страснь къ живописи привлекла его въ Италію, что бы узнать въ оной произведенія лучшихъ мастеровъ. Его пейзажи, въ которыхъ онъ превосходилъ всѣхъ, отличаясь деревьями, мѣстоположеніями и прелестными отдаленностями—нѣжносною кисти, легкою накладкою красокъ и истиннымъ вкусомъ: Аннибаль Каррашъ почиталъ за особенное для себя удовольствіе прибавлять къ симъ пейзажамъ фигуры лю-

дей и живописныхъ . Павелъ Бриль въ старости писалъ пейзажи на мѣди, которые драгоценны по своему совершенству и нѣжности. Рисунки его совершенно отдѣланы; въ нихъ замѣчающъ мастерское и прищипное накладываніе красокъ.

Пурбисъ Францъ, сынъ, (Pourbus Francois) родился въ Антверпенѣ 1560, умеръ въ Парижѣ 1662 г. Онъ достигъ совершенства въ портретахъ и съ успѣхомъ писалъ историческія картины. Испана и благородство видны въ его выраженіяхъ, колоритъ его хорошъ, одежда очень натуральна, расположенія весьма понятны. Въ Парижской Рашушѣ находятся двѣ картины его работы, представляющія: старосту купечества и выборныхъ отъ мѣщанства, стоящихъ на козняхъ у ногъ Людовика XIII, бывшаго еще младенцемъ; на другой картинѣ Государь сей представленъ уже въ совершенномъ возрастѣ. Портретъ Генриха IV, во весь ростъ, писанъ симъ же художникомъ и находится во дворцѣ.

Брегель Іоаннъ (Breugel Jean) прозванный *бархатнымъ* (Breugel de velours), по

тому что носилъ бархатное платье, родился 1575, умеръ 1632 г. Онъ былъ сынъ Петра Брегеля стараго (le vieux) и весьма превосходилъ его. Сей прелестный архиспъ писалъ удивительные пейзажи, въ которыхъ весьма часто находящяся цвѣты, плоды, живописныя и повозки, предспавленные съ особеннымъ вкусомъ. Онъ писалъ также и историческіе предметы въ маломъ видѣ. Рисовка его исполнена мыслей, фигуры правильны и всѣ произведенія такъ опдѣланы, что не ощущается ничего желать. Рисунки Брегеля споль же драгоценны, какъ и его картины. Кисть свою, для украшенія деревьевъ листьями, употреблялъ онъ съ непоспимымъ искусствомъ.

Брегель Петръ (Breugel Pierre) братъ его, названный *молодыиъ* (le jeune); слѣдоваль другому вкусу. Обыкновенные предметы картинъ его суть: пожары, огни, осады, дѣйствія нечистыхъ духовъ и колдуновъ. Сей родъ живописи, въ которомъ онъ превосходилъ прочихъ, доспавиль ему названіе *адскаго* (Breugel d'enfer).

Рубенсъ Петръ Павелъ (Rubens Pierre-Paul) очень хорошей фамилии, происходящей изъ Антверпена, родился въ Кельнѣ 1577, умеръ въ Антверпенѣ 1640 г. Онъ почитается возстановителемъ *Фламандской школы*, Тиціаномъ и Рафаэлемъ Нидерландскимъ. Частная жизнь его всѣмъ извѣстна, и потому мы перейдемъ ее молчаніемъ.

Господствующая склонность Рубенса обратила его къ живописи, усовершенствованной имъ въ Испаніи, гдѣ получилъ онъ къ ней особенный вкусъ. Обширный геній его сдѣлалъ способнымъ исполнять все, что только могло входить въ богатую композировку картинъ, при его познаніи Наукъ, Исторіи и Баснословія. Онъ изобрѣшалъ легко, и воображеніе представляло ему многія расположенія, равно прекрасныя. Положенія фигуръ человѣческихъ въ картинахъ его разнообразны, а головы красотою единственной. Въ идеякъ своихъ онъ имѣлъ изобиліе, а въ выраженіякъ удивительную живость. — Кисть его нѣжна, способъ накладывать краски удобенъ и легокъ, цвѣтъ пѣла свѣжъ, одежда отдѣлана съ искусствомъ.

Онъ превосходно писалъ Исторію, проложилъ хорошій путь къ колористу; но не смѣшивалъ многихъ красокъ, опасаясь, что бы онъ, подвергаясь порчѣ отъ соединенія цвѣтовъ, не потеряли много блеска. Хотя всѣ почти картины его весьма огромны и слѣдовательно должны быть разсмаприваемы издали, но и при семъ обстоятельстве видно желаніе его сохранить въ нихъ характеръ и свѣжесть цвѣта лицъ. Наконецъ нельзя довольно надивиться способности его соединять свѣтъ и тѣнь, блеску, силѣ, согласію и истинѣ, господствующихъ въ его сочиненіяхъ.

Если принявъ въ разсужденіе удивительное множество произведеній сего знаменитаго артиста (которымъ есть различные капалоги): то не мудро, что часто воспрѣчаемъ неисправности въ фигурахъ; и хотя природа увлекала Рубенса болѣе, нежели образцы древнихъ, однако же не должно полагать, что бы онъ былъ малосвѣдущъ въ рисунокъ; онъ доказалъ тому противное разными произведеніями, составленными со вкусомъ и исправностію

и которыя дучшіе живописцы Римской школы не оуждають.

Произведенія его находятся всюду, и городъ Антверпенъ заслуживаетъ любовышество иностранцевъ однѣми только картинами сего рѣдкаго генія. Въ особенности хвалять изъ нихъ ту, которая представляетъ распятаго Спасителя между двумя разбойниками.

Нечестивый разбойникъ, которому палачъ желѣзною полосою переломилъ колѣно, приподымается на крестѣ, и ошь сего усилія, причинившаго ему нестерпимую боль, прорываетъ ногу шляпкою гвоздя, коимъ она была прибиша къ роковому дереву; на шляпкѣ видны ошашки мяса, вырваннаго ею, какъ она проходила сѣвозь пятау. Рубенсъ, столь хорошо знавшій обольщать зрѣніе очарованіемъ свѣта и тѣни, расположилъ въ такомъ напряженномъ состояніи тѣло разбойника въ углу картины, и сіе тѣло естъ настоящая плоть, сошворенная, такъ сказать, симъ великимъ колориспомъ. Въ профиль видны голова казненнаго и ротъ, коего ужасное ошверзстіе ошь такого положенія го-

раздо примѣшнѣ; глаза съ закапавшимися зрѣчками, а на бѣлкахъ яблоковъ примѣшны только кровяныя распянутыя жилы, и наконецъ сильное напряженіе всѣхъ мускуль лица, заславляющъ почти слышать ужасныя испускаемые имъ крики.

Но живописи Люксембургской галереи, выгравированныя въ исходѣ XVIII столѣтія, и содержащія двадцать одну большую картину да при поясныхъ ворпрета, прославили Рубенса во весь свѣтъ; въ сихъ произведеніяхъ онъ раскрылъ наиболѣе свой характеръ и геній. Извѣстно, что этошь богатый и великолѣпный портикъ, подобный находящемуся въ Версаліи, наполненъ красотою рисунка, колорита и изящества композиціи. Упрекающъ однако Рубенса за излишество въ изобрѣшеніи: безъ объясненій Фелибена (Felibien) и Моро-де-Мотура (Mogean de Mautour), не возможно понять большаго числа его аллегорическихъ фигуръ. Цель живописи состоить не въ томъ, что бы занялъ воображеніе наше загадками, но что бы пронуть сердце и привести въ

волненіе наши чувства. Въ этомъ случаѣ согласенъ я съ Аббатомъ Дюбо (du Bos), что въ галлерейхъ Люксембургской и Версальской всего болѣе должно удивляться изображенію спраспей. Таково, на примѣръ, лице Маріи де Медицисъ, только что разрѣшившейся отъ бремени, остановившающее взоры всѣхъ зрителей; на немъ весьма разительна изображена радость, что произвела на свѣтъ Дофина, сквозь чувствительные знаки боли, на которые осуждена была Ева.

Фукиеръ Яковъ (Fouquier Jacques) родился въ Антверпенѣ 1580, умеръ въ Парижѣ 1621 г. Превосходный пейзажистъ, если бы только не загромождалъ своихъ пейзажей и менѣе полагалъ въ оныя зелени. Нѣсколько времени учился онъ у Брегеля *бархатнаго*; живописи его не такъ совершенны, но имѣютъ не менѣе истиннаго и хорошаго колорита, въ сравненіи съ живописью его наславника.

Крейеръ Гаспаръ (Krauer Gaspar), родился въ Антверпенѣ 1585, умеръ въ Гандѣ 1669 г. Сей художникъ съ успѣхомъ писалъ историческіе предметы;

въ его произведеніяхъ находящъ прекрасное подражаніе природѣ, смѣлое выраженіе и обворожающій колоритъ. Крейеръ написалъ много спанковъ и запрестольныхъ (tableau d' autel) картинъ; города: Гандъ, Дондермондъ, и въ особенности Бриссель, обогащены его произведеніями. Лучшая его картина, болѣе 20 фузовъ въ вышину, находящаяся въ Дюссельдорфской галлерей, составляетъ украшеніе оной. Курфирстъ Палапинъ купилъ ее у монаховъ за бо тысячъ ливровъ. Сія картина представляеть Свящую Дѣву, поддерживаемую Ангелами, весьма хорошо сгруппированными. Свяшый Апостоль Андрей, опираясь на крестъ свой, дивится съ прочими угодниками славѣ Матери Господа нашего, и пр. Въ семь произведеній Крейера господствуетъ приятный колоритъ, большое согласіе свѣта съ тѣнью и прекрасное расположеніе фигуръ и лицъ.

Снидеръ Францъ (Snyders François) родился въ Антверпенѣ въ 1587, умеръ въ томъ же городѣ въ 1657 г. Никпо лучше его не писалъ живописныхъ. Его охо-

пы, пейзажи и кухни въ большомъ уваженіи. Способъ накладывать краски легко, сочиненія разнообразны, а согласіе цвѣшовъ придаетъ еще болѣе цѣны его произведеніямъ. Сей архиспъ выгравировалъ книгу живошныхъ.

Жорданъ Іаковъ (Jordaans Jacques) родился въ Антверпенѣ 1594, умеръ тамъ же 1678 г. Это одинъ изъ величайшихъ живописцевъ *Фламандской школы*. Кисть его можетъ быть сравнена съ кистію самаго Рубенса. Двѣнадцать картинъ, представляющія спраси Господа нашего, писанныя имъ для Карла Густава Короля Шведскаго, чрезвычайно уважаются. Картина въ 40 фушовъ *) вышины, писанная въ честь Фридриха Генриха Нассаускаго, есть мастерское произведеніе. Сей художникъ превосходно работалъ и въ забавномъ вкусѣ. Картина его: *Le Roi boit **)*, извѣсна всѣмъ.

*) Ужасная величина! Не ошибка ли это?
Прим. Пер.

***) 6 число Генваря называется у Французовъ *Erfanées, ou le jour du Roi*. Празднуютъ этотъ день наканунѣ свечера слѣдую-

Жорданъ паланпомъ своимъ обнималъ
всѣ роды живописи.

Вандикъ Антонъ (Vandeyk Antoine)

щимъ образомъ: — пригошворяющъ слоеный
пирогъ и запекающъ въ него миндалину, или
бобъ: когда соберущся гости и сядущъ за
столъ, то примосящъ пирогъ, уже разрѣзан-
ный на часпи; мальчикъ лѣшъ шести, или
семи, раздаешъ по спаршинспву куски; но
ихъ не ѣдящъ, а опѣдающъ на другой день
нищимъ; попъ же, у кого въ кускѣ найдешъ
ся бобъ, получаешъ въ эпошъ вечеръ назва-
нiе Короля. Онъ выбираешъ себѣ Королеву,
Министровъ и другихъ придворныхъ, ко-
торые однако же не имѣющъ никакого осо-
беннаго занятiя. Когда Король всѣхъ пере-
жалуешъ, начинающъ пировашъ, и онъ спа-
раешъ выпить свой спаканъ, или рюмку
шакъ, чшобы другiе шого не замѣшили. Тѣ,
которые увидящъ это, кричащъ: *le Roi boit*
(Король пѣешъ); а которые не видали, пла-
шящъ шшрафъ, на примѣръ: бушылку вина,
или что нибудъ шому подобное; иногда же
обходишся и бѣеъ шшрафа, и всѣ издержки
при семъ праздникѣ падающъ на счешъ хо-
зяина.—Праздникъ эпошъ называешся: *le Roi boit*.—Съ Жордановой каршины, изображающей
сей предметъ, выгравированы эспампы. *Прил.*
Перев.

родился въ Антверпенѣ 1599, умеръ въ Лондонѣ въ 1641 г. Онъ пользовался расположеніемъ и милостями Карла I. Вандикъ есть вшорый живописецъ *Фламандской школы* и первый въ поршрешномъ родѣ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видны начала, копорыми руководствовался Рубенсъ. Онъ писалъ также и историческія картины, кои весьма уважаются. Для удостовѣренія въ семъ можно прочесть разсужденіе Аббата Дюбо (du Bos) о картинахъ, представляющей Веллизарія.

Брауеръ, или *Бровѣръ* (Braur Brower), родился въ Уденардѣ 1608, умеръ въ Антверпенѣ 1640 г. Писалъ во вкусѣ Теніера съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Обыкновенные предметы произведеній его суть забавныя крестьянскія сцены. Онъ представлялъ ссоры въ питейныхъ домахъ, мощенниковъ играющихъ въ карты, курящихъ табакъ, пьяныхъ, деревенскія свадьбы, и пр. Содержась за долги въ Антверпенской городской тюрьмѣ, написалъ такъ живо Испанскихъ солдатъ, играющихъ въ карты, что Рубенсъ увидя эту картину, былъ пораженъ ею, шопчасъ общалъ за нее 600

флориновъ и употребилъ весь свой кредитъ для освобожденія Браура. Картины сего арписста очень рѣдки; онъ весьма много придавалъ выразительности своимъ фигурамъ, писалъ напуру съ удивительною точностію и весьма хорошо зналъ согласіе цвѣтовъ. Способъ его накладывать краски легокъ и имѣеть необыкновенную тонкость. Брауръ родился бытъ живописцемъ.

Теньеръ младшій Давидъ (Teniérs le jeune David), родился въ Антверпенѣ 1610, умеръ въ томъ же городѣ 1694 г. Это единственнѣйшій арписстъ въ своемъ родѣ; его пейзажи, деревенскіе праздники, солдатскія караульни, всѣ маленькія картины и пь, которыя называютъ послѣ-ужинными (*après soupers*), потому что онъ ихъ начиналъ и оканчивалъ въ одинъ и томъ же вечеръ, составляющъ украшеніе кабинетовъ.

Людовикъ XIV не любилъ *) такого рода живописи, и произведенія Теньера

*) Ему не нравились такъ же Басни и Сказки неподражаемаго Лафонтена. *Изд.*

называлъ безобразнымъ (magots); а по-
тому въ собраніи карпинъ сего Госу-
даря находишся шолько одна Теньеро-
вой работы, представляющая *дѣйствіе*
милосердія; но Герцогъ Орлеанскій имѣлъ
оныхъ довольное число. Многія произ-
веденія Теньера выгравированы, да и
самъ онъ гравировалъ. Рисунки его весь-
ма хороши какъ со стороны изобрѣте-
нія, шакъ и самой опдѣлки, опличающих-
ся удивительною легкостію. Ни одинъ
живописецъ не успѣлъ лучше его въ мѣл-
кихъ предметахъ; кисть его превосход-
на; онъ очень хорошо понималъ соеди-
неніе свѣша съ тѣнью и превзошелъ
всѣхъ своихъ соперниковъ въ колоритѣ;
но за то въ историческихъ предме-
тахъ Теньеръ не могъ назваться даже
и посредственнымъ, не имѣлъ шакже
успѣха и въ сочиненіяхъ важныхъ—по-
слѣдняя изъ его караулень, или подоб-
ныхъ тому карпинъ, несравненно луч-
ше всѣхъ его историческихъ изображе-
ній.

Вандермейеръ Іоаннъ (Van-dér-Mer Jean)
родился въ Лиллѣ 1627, имѣлъ шакъ, какъ
и брашъ его, названный *младшимъ* (de

Jonghe) отличныи паланшь писаць морскіе виды, пейзажи и живошныхъ. Младшій Вандермейеръ въ особенності писалъ превосходно барановъ, шерсть которыхъ представлялъ съ обворожипельнымъ искусствомъ. Въ его небольшихъ картинахъ все совершенно согласовано.

Вандер.иеленъ Антонъ Францъ (Vander-Meleun Antoine François) родился въ Брисселъ 1634, умеръ въ Парижъ 1690 г. Онъ имѣлъ единственныи паланшь писаць лошадей. Способъ его накладывать краски весьма замысловатъ и приближается къ Теньерову. Сей артистъ извѣстенъ не только своими пейзажами, но и большими картинами, которыя составляють украшеніе Марли и прочихъ дворцовъ. Особенно писалъ онъ звѣринныя ловли, осады, сраженія, походы, или войска, стоящія лагеремъ.

Влегель Кавалеръ (Vleughels le chevalier) родился во Фландріи около половины XVIII столѣтія; живописью занимался съ юныхъ лѣтъ, жилъ во Франціи, потомъ переѣхалъ въ Италію, гдѣ за свои паланшы, умъ и знанія былъ пожалованъ Дирекшоромъ С. Лукской

Академіи, заведенной въ Римѣ. Онъ писалъ только спанковья маленькія картины; но сочиненія его исполнены вымысла, и въ особенносши подражалъ знаменитому Павлу Веронезу.

Съ Франц. А. К. л. к. вѣ.

~~~~~

## ПРЕИМУЩЕСТВА БЛАГЪ,

### *Притца.*

О преимуществѣ и правѣ—соспязаньемъ  
Земля полна;

А были времена —

Отъ споровъ и Олимпъ шумѣлъ. — Дошло  
преданьемъ,

Что нѣкогда на судъ предспали предъ бо-  
говъ:

*Богатство, Наслажденье,  
Здоровье и Благотворенье.*

‘Мнѣ блескъ, мнѣ чesпъ  
вѣнцовъ!

*Богатство* говоришь надмѣнно.

Я все даю, что драгоцѣнно:

За злaшo можно все купишь,,

—Смирись, съ улыбкою сказало *Наслажденье,*

И усшупи мнѣ предпоченье.



Вогатство получишь желаюшь—для меня.—

“Но не моля нужна вамъ  
сила?

Въ опвѣшь *Здоровье* имъ. Она васъ подкрѣ-  
пила;  
Везъ ней нѣшь сладости, нѣшь радостнаго  
дня!,,

—А сердце смершнаго и совѣшь вамъ сви-  
дѣшель,  
Вѣщала *Добродѣтель*,  
Что пышнось, нѣгу чувшь, здоровье съе-  
дня,  
Нельзя бышь счастливымъ, меня пренебрегая.

Гласъ *Добродѣтели* внимая,  
Рѣшили, чшобъ она предпочтена была.  
Вѣнецъ ей — *Мудрость* по-  
дала.

31 Маія 1823.

Б. Федоровъ.

~~~~~

АНЕКДОТЫ.

Бодуанъ (Beaudoin) Французскій Мо-
нахъ, жившій въ Польшѣ при послед-
немъ Королѣ, опличался Хрисніянски-
ми добродѣтелями. Онъ былъ главнѣй-
шимъ участникомъ при основаніи въ

Варшавѣ богоугоднаго заведенія, извѣстнаго подъ названіемъ: *Otroga Iususc* (попольски: Szpital dzieciatka Jezus.) Бодуанъ самъ собираль для онаго подаваніе. Однажды пришель онъ къ богатому человѣку въ шакое время, когда тотъ занимался игрою въ карпы. Въ передней никого не случилось и Бодуанъ вошелъ прямо въ комнашу, гдѣ играли. Богачъ, раздраженный симъ поспушкомъ, приказываетъ почтенному иноку выдши немедлѣнно вонъ, сказавъ, что нечего ему дашь. Бодуанъ, указавъ на груду червонцевъ, лежавшую на столѣ передъ хозяиномъ, осмѣлился ему замѣшпшь, что опказъ его былъ несправедливъ. Богачъ вышелъ изъ себя, хотѣлъ вышолкашъ вонъ Бодуаня и даль ему пощечину.—“Эшо для меня, сказаль съ Христіанскимъ смиреніемъ благочеспивый инокъ; но что же для бѣдныхъ?,”—Слова сіи привели въ чувштво богача; опомнясь, упаль онъ къ ногамъ добродѣтельнаго служшеля алшаря и загладилъ вину свою.

Одинъ богатый и знапный Англичанинъ, въ проѣздъ свой чрезъ Венецію, посѣпиль церковь памощнаго женскаго монастыря въ то самое время, когда было въ оной служеніе и монахини пѣли на хорахъ. Онъ пораженъ былъ пѣнишельнымъ голосомъ, опличавшимся отъ прочихъ, и пожелалъ видѣшь очаровавшую его пѣвицу. Ему предспавили юную монахиню, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, украшенную всѣми прелестями необыкновенной красоты. Невинность споль живо изображалась на лицѣ ея, что когда глаза ея обращались къ небу, то казалось будто она смощришь на свою родину. — «Небесное пвореніе! воскликнулъ при видѣ ея Лордъ, тебѣ не нужно перемѣняшь ни голоса ни лица, что бы сдѣлашься ангеломъ.,,

Сиръ Робертъ Генлей былъ очень богатъ и при всемъ шомъ много долженъ. Прогуливаясь однажды съ прияшелями въ Сентъ Джемскомъ паркѣ, встрѣпился онъ съ какимъ-то человекъкомъ, копорый опвелъ его въ спорону и началъ о чемъ-то съ нимъ говоришь.

Примѣтно было, что разговоръ эшотъ очень не понравился Сиру Роберту и на лицѣ его явно изобразилось неудовольствіе. “Что вамъ сдѣлалось? спросили его приятели—кажешся васъ разсердили., — Какъ не сердиться, опивчалъ Генлей, эшотъ негоднѣй пребуешь опъ меня денегъ, кошорыя уже семь лѣтъ назадъ я у него занялъ, и пришаешь шакъ, какъ будшо вчера шолько я ему задолжалъ.

Жанъ Жакъ Руссо любилъ уединенныя прогулки. Однажды шель онъ пѣшкомъ по дорогѣ въ Мениль — моншанъ. На встрѣчу попался ему экипажъ одного знашнаго господина; впереди его бѣжала большая Дашская собака, кошорая бросилась на Руссо, сбила его съ ногъ и укусила во многихъ мѣстахъ. Господинъ спокойно смопрѣлъ на все эшо изъ карешы. Шедшіе мимо кресьяне подняли Руссо и опнесли въ ближній домъ, гдѣ положили его въ постелю. Господинъ, остановясь не въ дальнемъ опшуда разстояніи, узналъ, что эшо былъ славный Руссо. Топчасъ посы-

даешь къ нему челоуѣка съ извиненіемъ и спросишь что онъ долженъ сдѣлать для его удовлестворенія? — *Держать впередъ собаку на цѣпи*, отвѣчалъ Философъ.

Младшій Кребилъонъ, сочинитель романовъ, сынъ славнаго Трагика, ошличался въ обществѣ своимъ осипроуміемъ и колкостію. Аббать Будо, челоуѣкъ весьма ученый и особенно свѣдуцій въ Испоріи, былъ всегдашнимъ предметомъ его насмѣшекъ. Однажды Кребилъонъ такъ ему досадила, что Будо, при всемъ своемъ хладнокровіи, поперялъ шерпѣніе и сказалъ: “молчитѣ: бапюшка вашъ былъ великій челоуѣкъ, а вы только большой мальчикъ.,,

Профессоръ Вишпе, жившій въ Роспокъ, издавъ въ минувшемъ спольшии свое сочиненіе, которе надѣлало довольно шума въ Германіи и въ которомъ старался онъ доказать, что Египетскія пирамиды не суть дѣло искусства, а случайное произведеніе природы. Нашлись люди, которые хотѣли было ему возражать; но извѣстный Лихшенбергъ

посоветовалъ имъ не опровергать мнѣнія Вишпе, а только доказать ему, что сочиненіе его не есть плодъ ума, но случайное скопленіе чернилъ.

Докторъ Шеббиръ (Shebbeare), сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Англіи нѣкоторыми возмущительными сочиненіями, присужденъ былъ простоять за оныя у позорнаго столба. Когда поставили его къ столбу, пошелъ дождь; Докторъ одѣшъ былъ очень опрятно и одинъ изъ его приятелей прислалъ къ нему Ирландскаго носильщика съ зоншикомъ, что бы надъ нимъ подержать. На другой день услужливый носильщикъ явился къ Доктору осведомиться о здоровьи его *тести* (his honour).—“Другъ мой, спросилъ его Шеббиръ, наградилиль тебя за услугу, которую ты мнѣ вчера оказалъ? — Наградили, *ваша тесть!* я получилъ гинею.—“Доволенъ ли ты эпитимъ? — За трудъ, правда, довольно; да посудишь, что вѣдь очень стыдно мнѣ было.— Докторъ не обидѣлся симъ опвѣстомъ и далъ ему еще гинею. Простодушный

Ирландецъ такъ былъ обрадованъ, что сказалъ ему: “я оставлю *вашей гести* мой адресъ: если случится вамъ опять стоять у столба и пойдетъ дождь, поспѣйте милость пошлите за мною.,,

Фоншенель говаривалъ о Лафоншенѣ: “случалось видашь мнѣ людей очень умныхъ и людей очень глупыхъ; но не видалъ никого, кто бы въ одно время былъ такъ уменъ и такъ глупъ, какъ Лафоншенъ.,,

Шкловъ.

Съ Франц. Гр ... скій.



АРАБСКІЯ МЫСЛИ.

Опвращай слухъ свой опъ рѣчей легкомысленной женщины; спрашисъ, что бы она не зашупала шебя въ свои сѣши, не покрыла шебя спыдомъ и не была бы причиною швоей погибели.

Не допускай себя оболъщашъ женщинамъ въ пышныхъ нарядахъ, напишанныхъ благоуханіемъ. Не давай имъ никакой власпи надъ сердцемъ швоимъ и не давай шого, что принадлежишь шебѣ.

Не будь деревомъ миндальнымъ, которое распускаешъ листьа прежде всѣхъ другихъ деревь, а приносишь плодъ послѣ нихъ; будь лучше деревомъ шелковичнымъ, котораго листьа распускаются вмѣстѣ съ листьами прочихъ деревь, но котораго плодъ созрѣваетъ прежде всѣхъ.

Ежели врагъ швой хочешь повредишь шебѣ, спарайся предупредишь его, сдѣлавъ ему добро.

Безумный сполыкаешся и падаетъ; мудрый сполыкаешся, но не падаетъ, а если и упадешъ, шо вдругъ возстанешъ; сдѣлаешся ли онъ болѣнъ, можетъ надѣяшся изцѣленія — но болѣзнь безумнаго и невѣжды неизлѣчима.

Не ожидай ничего хорошаго отъ безумныхъ: когда рѣки оспановяшъ свое теченіе, пшицы вознесущся до небесъ воронъ сдѣлаешся бѣлымъ, мирра получишь сладость меда—шогда развѣ глупцы будушь понимашь и научашся.

Хочешъ ли бышь мудрымъ? — Удерживай руки свои, языкъ и глаза.

СТАТЬИ ИЗЪ ТАЛМУДА И МИДРАША.

1.

Внѣшній врагъ и внутренній предатель.

Черезъ большій лѣсъ ѡхаль однажды возъ съ нововыкованными сѣкирами. Солнце, отражаясь на гладкой спали, привело въ прѣпетъ всѣ деревья. “Кто можешь прошивуспоять имъ, зашумѣли при семь видѣ деревья: это острое желѣзо испребитъ всѣхъ насъ!,, — Не страшишесь, сказалъ имъ сполѣпный дубъ: доколѣ никто изъ насъ не снабдитъ рукояшїями сѣкиръ сихъ, дошолѣ остріе ихъ не сдѣлаешъ намъ ни малѣйшаго вреда.

2.

Вино въ глиняныхъ сосудахъ.

Чемъ болѣе бесѣдовала Царевна *) съ Равви Іосуа, сыномъ Ананїи, шемъ

*) Флидлендеръ полагаетъ, что это была дочь Антонина Благочестиваго. *Прим. Перев.*

болѣ удивлялась его познаніямъ и восхищалась назидательными его поученіями, забывая отвратительное его безобразіе. Однажды невольно воскликнула она: какой умъ, какая душа! Для чего не соопвѣствуешь имъ и пѣло?— По нѣкошоромъ молчаніи, Равви спросилъ ее: “скажи мнѣ, великая Царевна, въ чемъ содержапся лучшія вина швоего родишеля?,, — Въ глиняныхъ сосудахъ. — “Спранно! и самый послѣдній изъ его подданныхъ содержишь вино свое въ шаковыхъ сосудахъ. Не приличнѣ ли держашь царскія вина въ сосудахъ серебряныхъ, или золотыхъ?,, — Справедливо говоришь, Равви, и я съ вынѣшняго же дни послѣдую швоему совѣшу. — Налишое въ серебряные и золотые сосуды вино вскорѣ испоршилось; прежній вкусъ и аромашь совершенно изчезли. — Худый совѣшъ далъ мнѣ шы, сказала Царевна Равви Іосуа: вино опца моего испоршилось въ драгоцѣнныхъ сосудахъ.—“Вѣрю, опвѣстповалъ сынъ Ананіи: шакъ шочно добродѣтели и познанія гораздо лучше сохраняюпся и зрѣюпъ въ тѣлахъ, не споль красивыхъ.

Учитель и Ученикъ.

Учитель. Ты хочешь опложить свое покаяніе? Хорошо, опложи оное на сколько тебѣ угодно; только исправься хотя за одинъ день передъ своею смертію.

Ученикъ. Да могу ли я знать день смерти моей?

Учитель. Когда такъ, поначни съ нынѣшняго же дни свое покаяніе и исправленіе.

Бердигевъ.

М. Ренизагалъ.

*Достопримѣтательная надгробная надпись.*

Въ Испанской Провинціи Астурии, въ городѣ Овiedo есть церковь Санъ Сальвадоръ, построенная въ старину однимъ Принцомъ Сило. Вошь надпись на его гробницѣ:

T J C E F S P E C N C E P S F E C I T
J C E F S P E C N J N C E P S F E C I

C E F S P E C N J R J N C E P S F E C
 E F S P E C N J R P R J N C E P S F E
 F S P E C N J R P O P R J N C E P S F
 S P E C N J R P O L O P R J N C E P S
 P E C N J R P O L J L O P R J N C E P
 E C N J R P O L J S J L O P R J N C E
 P E C N J R P O L J L O P R J N C E P
 S P E C N J R P O L O P R J N C E P S
 F S P E C N J R P O P R J N C E P S F
 E F S P E C N J R P R J N C E P S F E
 C E F S P E C N J R J N C E P S F E C
 J C E F S P E C N J N C E P S F E C J
 T J C E F S P E C N C E P S F E C J T

Въ сей надписи слова: *Silo princeps fecit*
 повторены двѣсти семьдесятъ разъ. Надобно
 только начинать читать съ находящейся
 въ самой серединѣ надписи буквы S и
 потомъ продолжая направо, или налѣво,
 дойдя до конца строки вверхъ, или внизъ.
 Сверхъ того можно еще, начавъ напимѣрь
 читать вправо, у каждой буквы переменить
 направление вверхъ (или внизъ), потомъ о-
 пять вправо, опять вверхъ (или внизъ) и
 такимъ образомъ повсюду составляюща при
 вышеприведенные слова.

Достойно примѣчанія, что одинъ Фран-
 цузъ, по имени Де Нуаре (*de Noirée*), списавъ
 сію надпись, говоритъ, что въ ней буква
 S, употреблена всего на все только одинъ

разъ. Вслѣдъ за нимъ эша грубая ошибка повпорена и въ *Les délices d'Espagne*, Томъ I.

На краю гробницы споятъ еще слѣдующія буквы:

H. S. E. S S. S. T. L. То есть: *Hic situs est Silo, sit sibi terra levis.*



*Вмѣсто предисловія *)*

Французское изданіе: *Tableau historique et chronologique des principaux événemens de l'histoire du monde, par M. Galliax*, подало мнѣ мысль сославить подобное же на Русскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Хронологическое обозрѣніе*, и проч.

По примѣру Г. Галле, выславлявшаго подъ годомъ одного достопамятнаго происшествія, другія или современныя или близкія къ оному, я наблюдалъ по же правило въ разсужденіи событій древнихъ и среднихъ временъ; но въ новѣйшихъ спарался показашъ годы, совершенно соотвѣшсшующіе происшествіямъ.

Такое обозрѣніе сославить, по мнѣнію моему, родъ программы Всеобщей Исторіи—

*) Или вмѣсто опѣша на крипики IX и X нумеровъ.

пограммы удобной для всѣхъ шѣхъ, которые безъ пошери времени на справки въ большихъ историческихъ курсахъ и не имѣя нужды въ безпрестанной выноскѣ годовъ, исключительно наблюдаемыхъ въ однѣхъ хронологіяхъ, пожелающъ легкимъ образомъ возобновлять въ памяти и видѣть предъ глазами порядокъ, современность и связь любопытнѣйшихъ предметовъ. Но я опнюдь не предполагаю, чшобъ мое обозрѣніе могло бытъ классною книгою для начинающихъ учиться Исторіи, или вовсе незнакомыхъ съ нею.

По примѣру *Галле* я также старался о соблюденіи возможной краткости: чшобъ иногда одно имя напоминало о достопамятномъ происшествіи, происшествіе о славномъ имени.

И, наконецъ, по его же примѣру, не счель нужнымъ объяснять объ эпномъ въ особомъ предисловіи, полагая, чшо не прилично сомнѣваться въ догадливости чипашелей благонамѣренныхъ.

Но опущеніе *предисловія* подало поводъ людямъ, слишкомъ уже догадливымъ, наполнить журналы крипиками на мое Обозрѣніе, разнородными въ опношеніи къ справедливости и основательности, но сходными въ ашшическомъ пересоль.

Однако нѣшь худа безъ добра: послѣд-

ня. кришика г. *W*, занимающая собою 14 страниць *Благонамѣреннаго*, послужила по крайней мѣрѣ къ открытію пяши ошибокъ, вравшихся въ Хронологическое Обзорѣніе.

1) (на сшран. 4) Сципіонъ Африканскій выигрываетъ сраженіе при Замѣ и беретъ Карфагенъ — въ новомъ изданіи сказано будетъ: “*предписываетъ Карфагену тяжкія условія...*”

2) (на сшран. 7) Оба Плинія жили при Траянѣ; — сказано будетъ: “*старшій Плиній жилъ при Титѣ, младшій при Траянѣ...*”

3) *Маркъ-Аврелій* не въ 186 (ошибкою *) напечатанномъ), а въ 174 году велъ войну съ Германцами.

4) (на сшран. 10) Слова: *онъ ведетъ войну съ Лонгобардами и Саксонцами*, опдѣлились опъ предыдущей строки пипографскою ошибкою. Впрочемъ это не оправданіе; г. *W* правъ, что Пипинъ Корошкой не могъ воевать по смерши.

5) (на сшран. 14) Къ словамъ: *Конецъ Восточной Имперіи, продолжавшейся 1125 года*, прибавишся для догадливыхъ: *со времени утвержденія столицы въ Византіи, или Константинополѣ въ 330 году.*—Тогда ариемшика г. *W* оспанешся въ покоѣ!

Предисловіе кончено. Надѣюсь, шеперь

*) Виновать: повѣрилъ Французу! В. С.

уничтожашся всѣ прочія замѣчанія и недо-
разумѣнія гг. *W*, *Я. Г.* и всѣхъ бывшихъ
и будущихъ кришиковъ.

В. С.



ПИСЬМО ИЗЪ Р...КЪ ПРИЯТЕЛЮ ВЪ МО- СКВУ.

Ты знаешь моего дядю; онъ душа
здѣшнихъ обществъ, потому что ѣз-
дишь въ Москву каждые полгода; онъ
Лишператоръ, потому что получаешь
Московскія вѣдомости и журналы; его
уважають и любяшь, потому что у не-
го сто восемьдесятъ душъ и множество
квипанцій....а чтобы все это доказать,
опишу тебѣ вчерашній вечеръ.

Въ шесть часовъ пополудни (какъ
водишься) собралось у него человекъ де-
сять....*любителей Словесности*, каждый
со своимъ дѣшникомъ, то есть: кто съ
Поэмою, кто съ Одою, кто съ Роман-
сомъ. Дядя представилъ имъ меня—какъ
недоучившагося студента....Ты не мо-
жешь вообразить какъ понравилось имъ
счастливое названіе: *недоучившійся сту-
дентъ!* Я, со своей стороны, изъясилъ
имъ, какъ умѣлось, то счастье, то бла-

женство, которое чувствую.... Они подумали было, что я хочу говорить рѣчь и окружили меня... Конечно я смѣшался бы, если бы не вспомнилъ двухъ стиховъ, которые замѣнили рѣчь и были приняты съ опличнымъ одобреніемъ.... Хочешь знать эти стихи? Вотъ они:

Я худо знаю выражать,
Но сильно чувствовалъ умѣю.

Дядя между темъ приготавливалъ въ ближней залѣ все нужное для ученаго засѣданія... Наконецъ отворились двери въ святилище Р...ской Поэзіи и господъ Липператоры вступили въ залъ. При входѣ въ него, они какъ будто переродились. Таково наиміе воздуха ученой комнаты. Каждый членъ принялъ на себя видъ важной, холодной учтивости; каждый охорачивался и въ молчаніи сморѣлъ на Г. Предсѣдателя.

Посреди залы стоялъ длинный столъ, столъ самый, который служилъ для обѣда въ званія именины, съ тою разницею, что теперь онъ былъ накрытъ не скатертью, а клеенкою, и вмѣсто шарелокъ стояли свѣчи, бушылки съ

пивомъ и подносъ съ кедровыми орѣхами... Множесство книгъ in folio лежало въ углу въ совершенномъ порядкѣ.

Предсѣдатель (дядя) подошелъ къ своему мѣсту и позвонилъ въ колокольчикъ: члены подошли къ стульямъ; дядя позвонилъ въ другой разъ, и члены сѣли. Я, *яко недоутившійся студентъ*, долженъ былъ стояшь подлѣ кресель Г. Предсѣдателя.

Взоры присутствующихъ устремлены были на Предсѣдателя... Священное молчаніе! — Дядя быспрымъ взглядомъ окидываешь безмолвствующихъ — пошираешь наморщенное чело и оно проясняется — кашляешь и улыбка играешь на устахъ его; ударяешь по сполу правую рукою, наклоняешься и говоришь:

“Милоспивые Государи мои и почтенно-любезные соповарищи!

*Пусть краски раскладетъ Ириса предо мною,
Аврора расшворишь небесной ихъ росю,
Восторгъ со кистію съ Парнасса прилепишь,
А нѣжный Грацій перстъ на харшѣи черпишь.*

Богашъшь въ шѣлесныя и душевныя добродѣтели паче, нежели въ сребро и

въ злато—се есть правило наше; вторгапсь въ лавиринѣъ , или верхоградъ Слова Россійскаго и любопрѣнїемъ опровергапть хипросплененныя новизны благоприятели языка иноземнаго и не щадишь оныхъ , одебелъ бо сердце людей сихъ — предметъ при нашей и соспязанїй!

Изложивъ мнѣнїе мое, прошу почтенное Собранїе прислушати къ совокупному сообщенїю произведенїй! и замѣчанїй своихъ , начиная со старшаго и до младшаго.,,

Дядинька поклонился.

Члены осыпали его громкими рукоплесканїями .

1 й Членъ вынулъ изъ боковаго кармана маленькую шепрадку, поклонился на всѣ стороны и сказалъ:

“По препорученїю Г. Предсѣдателя, написалъ я *Опытъ Россійской Риторики*; теперь занимаюсь Русской Просодїей. Меня запрудняешъ выборъ примѣровъ .

2 й Членъ (*прерывалъ его*). Не запрудняйшесь! Въ часы досуга я записывалъ въ особенную шепрадь стихи, копорые мнѣ нравились; въ ней есть образцы

для стихопвореній всякаго рода...Ваше дѣло будетъ размѣспишь ихъ по классамъ.

Предсѣдашель позвониль въ колокольчикъ...всѣ умолкли.

Дядинька подошель къ библиошекѣ, взялъ полспую книгу, сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ:

“Сія книга, Государи мои, еспь сокровищница Россійскаго Стихопворсшва; шупъ найдеше вы образцовыя спихопворенія для двадцати Просодій..”

Дядинька развернулъ книгу и прочель: *Лучше и образцовые отрывки изъ Русскихъ стихотвореній...Часть 401.*

“Вошь, продолжаешъ дядинька, вошь описаніе Русскаго воинсшва:

Спекаюшся со веѣхъ Россіане споронѣ
 Для царсшва, общесшва и Вѣры оборонѣ;
 Вращаютѣ машины, шумитѣ средѣ дребрей
 камень;
 Геройскою рукой несупъ военный пламень,
 Гдѣ спуняшъ—тупи, мракѣ подѣ ихѣ ногами
 зрятѣ;
 Гдѣ взглянушъ—зареве кровавое родятѣ.
 Колоссы шлемы ихѣ, пространныя столы;
 А руки—длинные, огромные столпы..”

Дядишка съ довольною улыбкою обратился къ Гг. Членамъ и шоржесшвующимъ голосомъ сказала:

“Вошь Поэзія! Вошь метафоры! Вошь истинное высокое! Далѣе....

... Карлъ, Александръ полночный
 Европой названъ былъ; Пешръ Аргусъ нашъ
стоотный
 Какъ въ жаркой Африкѣ сердитый, ярый левъ,
 Разинувъ дышущій отъ глада тощій зѣвъ,
 Добычу усмошрѣлъ, взревѣлъ, за ней пу-
сшился—
 Видѣлье страшное! Какъ петь разгоратилса!!!

“Какая каршина!—вскричала дядюшка — Далѣе.

Свершая пущь *непретжновенный*,
 Я старца грозна повстрѣчалъ.
 То Волховъ, бурей *воздоенный*,
 Пороги, мѣли озиралъ.
 Лице сурово, образъ грубый,
 Ошь старосши *отвисли губы*,
 Ошь думъ наморщилось чело.
 Бросая всюду смушны взгляды,
 Топилъ людей, ломалъ снаряды,
 Кормило, мачшу и *весло* *).

*.) Не удаешся ремесло! Изд.

“Вошь примѣры!—сказаль дялюшка, закрывая сокровищницу — возьмите у меня всѣ 410 часшей произведеній Русскихъ Пиповъ ... выбирайте ... поле обширное!...Даже эти опрыски, которые я прочель вамъ, могутъ назваться образцовыми? Не правда ли?,,

—Конечно! закричали единогласно Члены, опрыски превосходны.—

Молчаніе воцарилось, и прешій Членъ началъ читать свое *Разсужденіе о Баснѣ*, а въ примѣръ ясности и простоты разсказа прочель:

Сраженіе Кошекъ съ Мышами.

Наскуча Мыши жить въ неволѣ,

Хопѣли съ Кошкой воеватьъ

И вышли въ поле

Свирѣпо Кошекъ убиватьъ.

Вмигъ собрались Мышей великолѣпны спрои,
Сѣдя Крысы тамъ, начальники герои

Одѣлись въ панцыри, съ метелъ въ рукѣ

И въ шмакѣ!

Бой люпый начался; но Кошка лишь прыгнула,

Окрысилась и лапу прошянула,

Мышачья армія разсыпалась, какъ градъ —

Отбой ударили—вся армія назадъ. *)
 Пьхота, *конница* въ подполицу спѣшила;
 А Кошка задній взводъ посвоему душила.
 Всѣ рядовые, ихъ начальникъ самъ герой,
 Который шишакомъ высокимъ опличался

И велитался

Сполпились въ шрепетѣ передъ норой.
 Простые воины въ нору попчасть вспунили,
 А *шишакомъ* вождя при сходѣ зацѣпили;

И кошка *ихъ* для множества пошѣхъ
 Передушила всѣхъ.

Смѣхъ—и смѣхъ всеобщій! Раздались
 рукоплесканія—пиво въ спаканахъ рас-
 плескалось — кедровые орѣхи *разсыпа-*
лись съ подноса по столу, *какъ градъ—*
какъ гроломъ по полю разгнанные говля-
да. Все собраніе не могло довольно вос-
 хвалишь сію замысловашую Припчу.

Четвертый членъ прочель Разсуж-
 деніе о Поэзіи вообще, съ эпиграфомъ.

Безъ крыльевъ на Парнассъ, на небо не спѣ-
 ши;
 Кто созданъ *не орломъ*, лепая не смѣши **).

*) Очень хорошій стихъ. *Изд.*

**) Нѣтъ дара, лучше не пищи. *Изд.*

Пятый Членъ прочелъ Разсужденіе о разнообразіи вкуса, съ эпиграфомъ:

Пьюшь мохъ, и мазь ѣдятъ, и проч.

Шестый Членъ началъ читать Повѣсть: *Приключеніе парика В. К. Тредіаковскаго*, и едва началъ:

“Когда путешесііе было единымъ
“изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ...”,
Далѣе я ничего не слыхалъ...

И въ мысляхъ я заснулъ по утомленіи нѣж-
ныхъ.

Чемъ кончилось собраніе—не знаю!

Дядишкинъ Племянникъ.



БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. N° XII.

О ВЪРНОМЪ СРЕДСТВѢ КЪ ИЗЛѢЧЕНІЮ ЧАХОТКИ.

Ничто не ново подъ луною!

Истина сія непреложна. Нѣтъ предмета, до котораго не коснулся бы умъ человѣческой въ продолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ; новѣйшія открытія ничто иное суть, какъ возобновленія изслѣдованій древнихъ. Въ мысляхъ, кои кажутся намъ новыми, мы идемъ по слѣдѣмъ другихъ. По достиженіи возможной степени совершенства въ познаніяхъ, люди снова низпадающъ въ невѣденіе: свѣпильникъ наукъ, пылавшій въ одномъ вѣкѣ, нерѣдко гаснулъ въ другомъ. Отъ сего происходитъ, что увлекаясь спрасшію къ новостямъ, мы часто пренебрегаемъ важнѣйшее; послѣдуя какой нибудь системѣ, презираемъ пользу, давними опытами признанную; не хошимъ даже

изслѣдовать ее, и оставляемъ потомкамъ нашимъ право презиратьъ наши собственные опыты. Изъ всѣхъ болѣзней, обременяющихъ природу человеческую, *чахотка* почитается неизлѣчимою; но не оиъ того ли болѣе, что по предубѣжденію къ спарому, не пользующся средствами проспыми, надежнѣйшими? За 50 лѣтъ предъ симъ извѣстно было средство, которое весьма недавно опчаспи возобновлено Г. Крейтеномъ. Въ 3й часпи книги: *О продолженіи теловѣтеской жизни*, собранной *Княземъ Енгальтеемъ* изъ лучшихъ опечеспвенныхъ и иноспранныхъ писателей, въ которой, можетъ быть, врачи найдуть не всѣ способы лѣченія вѣрными, но безъ сомнѣнія многія изъ сихъ средствъ, представляющихъ пособія простыя и почти предъ глазами находящіяся, весьма полезными, помѣщено извлечение изъ книги Лейбъ Медика А. А. Крейтена о лѣченіи чахотки смоляными парами.

Спашья сія вслѣдъ за симъ сообщается.

*Замѣтаніе о лѣтении чахотки сло-
ляными парами.*

Всѣмъ врачамъ и внимательнымъ наблюдателямъ болѣзней у просполоудиновъ очень извѣстно, что чахотные идутъ, такъ сказать, медленными шагами ко гробу, истощающіяся безъ малѣйшаго вознагражденія ушрачиваемыхъ ими ежедневно силъ, шаюшъ, какъ свѣча, и, что всего мучительнѣе и несноснѣе, весьма мало, или и совсемъ никакой пользы и облегченія не получаютъ отъ употребленія превосходныхъ лечебныхъ средствъ въ жестокихъ, сей болѣзни свойственныхъ припадкахъ, и неразлучныхъ оной спутникахъ: кашлѣ, одышкѣ, колошьяхъ, и проч. Описаніе шираническихъ дѣйствій сихъ и другихъ припадковъ чахотки завлекло бы насъ въ пространное объ оныхъ разсужденіе безъ всякой пользы для самоврачующихъ и врачуемыхъ. Болѣзнь же сія такъ извѣстна, такъ очевидна, что всякой, при первомъ взглядѣ на чахотнаго, уже привѣспивуешъ потчасъ въ душѣ своей его шаковымъ; а кашель, одышка, кровохар-

каніе безошибочно почти (?) каждого вразумляющъ о напурѣ и свойствѣ болѣзни сего несчастнаго спрадальца. Итакъ опишемъ важныя и спасительныя дѣйствія смоляныхъ паровъ для чахоточныхъ. Желательно впрочемъ, что бы сіи послѣдніе, или шѣ, кои бы рѣшились испытать надъ ними спасительное дѣйствіе оныхъ паровъ, пользовались ими не безъ совѣтовъ, и даже не безъ врачебныхъ другихъ пособій, почти необходимо нужныхъ со стороны опытнаго и искуснаго врача. Но прежде описанія способа употребленья сіи пары, должно упомянуть о случаѣ, подавшемъ поводъ Г. Крейшону къ испытанію дѣйствія оныхъ паровъ. Живши въ лѣтнее время на дачѣ близъ Дворца на Каменномъ Островѣ, имѣлъ онъ случай посѣщать канатную фабрику, недалеко отъ него находившуюся. Испытавъ же многократно, во время посѣщенія сей фабрики, дѣйствіе кипящей и испаряющей смолы на дыханіе, онъ рѣшился совѣтовать одному больному, (котораго бесполезно лечили два извѣстныхъ врача (К. и Г.) отъ явныхъ при-

падковъ чахопки) пользовашься парами смолы, посвящая въ определенное время канашную фабрику. Съ самаго перваго дня опъ упошребленія сихъ паровъ больный почувспвовалъ себя въ лучшемъ состояніи; жестокій кашель съ кровью, изнуришельный ночной пошъ и поносъ, поспепенно начали уменьша чься, и больный въ теченіи времени одного мѣсяца, примѣпно освободился опъ оныхъ припадковъ, почувспцовавъ бодрость и крѣпость въ своихъ силахъ. — Съ равнымъ успѣхомъ испышаны были смоляные пары надъ одною дамою Ф... кошорая по невозможности пользоваться сими парами на фабрику, опъ безсилія, крайняго истощенія силъ, словомъ опъ чахопки, въ послѣдней спепени уже опкрывшейся, упошребляла оные въ своемъ покоѣ. Чахопная и почти опчаянная Ф.... въ продолженіе Іюля и Августа шакъ поправилаь, что съ уничтоженіемъ всѣхъ припадковъ чахопки она примѣпно раздородничала.

Способъ упошребленія паровъ найденъ самымъ лучшимъ въ куреніи смолю (rix liquida) въ простомѣ глиняномѣ

горшкѣ , поставленною на плитѣ раскаленнаго желѣза для медленнаго оной испаренія; сіе до тѣхъ поръ продолжается, пока воздухъ довольно насытится смоляными парами. Четыре раза въ день довольно возобновлять сіе куреніе; впрочемъ стараться должно, что бы смола для сего употребленія была самая чистая, а болѣе всего нужно, что бы она, въ непосредственномъ прикосновеніи съ раскаленнымъ сосудомъ, не производила горючихъ, или пламеняющихъ паровъ, ибо въ такомъ случаѣ она болѣе причиняетъ вреда, умножая кашель, трудное дыханіе, давленіе въ груди и головную боль, копорая впрочемъ безъ дальняго вреда, въ первые дни куренія бываетъ и отъ чистой, съ осторожностію употребляемой для сей цѣли смолы. Во время таковыхъ куреній чахопные, сколько можно, должны остерегаться мгновеннаго перехода изъ смоляной атмосферы въ обыкновенный воздухъ. Вообще прогулку можно имѣть имѣ только въ хорошую погоду, и постепенно привыкая къ впечатлѣніямъ вѣшняго воздуха.

Примѣчаніе. Г. Крейшонъ предлагаетъ соединеніе смолы съ пошашемъ, для разрушенія древесной кислоты, содержащейся въ оной въ большомъ, или меньшемъ количествѣ.

Споль важная и ощушительная польза опъ смоляныхъ паровъ для чахопныхъ, заставляешь предполагать Г.г. Муджа (Mudge) и Крейшона, что облегченіе болѣзни у одержимыхъ чахопкою, во время пупешесствія на корабляхъ по морю, а иногда и совершенное изцѣленіе, зависяшь не сполько опъ перемѣны обыкновеннаго воздуха на морской и плаванія, сколько опъ безпрестаннаго дыханія на кораблѣ тонкими и лешучими парами, копорыми, можно сказать, вся сія огромная машина, со всѣми своими принадлежностями, упишана.

Не на семь ли также предположеніи-нѣкопорые славные врачи совѣшуютъ чахопнымъ частую прогулку, во время лѣша, въ сосновыхъ и еловыхъ рощахъ, ароматическими испареніями смолы въ сіе время года преизбышочествующихъ? Прикладываніе смоляныхъ

пластырей къ груди спраждущими чахоткою, и сшоль извѣстное съ давнихъ временъ въ Украинѣ окуриваніе смолою при боли въ шой же часпи, полезными своими дѣйствіями не должны ли понкимъ и бальзамическимъ часпицамъ онси? Не можно ли испытывать надъ чахотными дѣйствіе и другихъ благовонныхъ смоль въ видѣ цѣлебнаго окуренія? Докпоръ Муджъ, по увѣренію Г. Крейтона, въ оспроумномъ и весьма любопытномъ своемъ сочиненіи, сильно и убѣдительно доказываетъ врачевныя дѣйствія ошъ вдыханія въ себя летучихъ бальзамическихъ шѣль.

Весьма желашельно, что бы сіе краткое изложеніе цѣлишельныхъ и прошиву-чахотныхъ дѣйствій смоляныхъ паровъ понудило нашихъ врачей къ умноженію подобныхъ опышовъ въ пользу безчисленнаго класса шѣхъ несчастныхъ, которые, по жестокоспи ихъ болѣзни, возбуждають сострадашельное участіе каждаго чувспвишельнаго чловѣка въ бѣдспвенномъ ихъ положеніи.

Средство лѣченія тахотки смолянскими парами безъ сомнѣнія есть одно изъ самыхъ вѣрныхъ, ибо не только исцѣляетъ болѣзнь, но даже укрѣпляетъ здоровье. Мы обязаны опытноспи Г. Крейшона возобновленіемъ сего способа, который впрочемъ извѣстенъ былъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ и забытъ. Въ доказательство сообщимъ спашью, напечатанную въ Журналѣ на 1778 годѣ подъ заглавіемъ *Санктпетербургское Еженедѣльное Сочиненіе, касающееся до размноженія домостроительства и распространенія общепользныхъ знаній, страница 106.* Я полагаю, что возобновленіе спашьи сей не будетъ излишнимъ въ *Благонамѣренномъ* *).

Новый способъ отъ сухотныхъ грудныхъ болѣзней.

“Покойная Свѣшлѣйшая Ландъ - Графиня Гессенъ Дармшадская, урожден-

*) Издашель *Благонамѣреннаго* обязанноспію считаешь изъяснить свою благодарность за доставленіе къ нему споль полезной спашьи.

ная Принцесса Пфальцъ - Цвейбрикская, соизволила сообщить нѣкопной Госпожѣ фонъ Редень милоспивѣйшимъ къ ней письмомъ опкрышіе лѣкарспивеннаго средсшва, копоре по причинѣ пользы почишашъ надлежишъ испишнымъ для челошвческаго рода благодареніемъ.,,

“Сія Сшѣплѣйшая Ландграфиня опкрываешъ оное въ своемъ письмѣ слѣдующими словами:.,

“Объявлено мнѣ лѣкарспивенное средство, свѣданное по случаю нѣкопнымъ Офицеромъ, копорый послѣ сильного насморка харкалъ кровью, и попомъ почувспвовалъ *сильные грудные припадки*. Искусство врачей тщельно надъ нимъ испощалось, и онъ *нигелѣ больше уже не пользовался*. Однажды онъ приказалъ въ бупылки перелишъ боченокъ вина и хопѣль самъ оныя закупорилъ; на шакой конецъ взялъ *полфунта смолы* и сполько же *желтаго воска*, и все сіе *вмѣстѣ смѣшавъ*, испопилъ въ *глиняной посудѣ на угольяхъ*. По закупореніи *своихъ бупылокъ*, почувспвовалъ

онъ въ груди нѣкоторое облегченіе и свободно харкашь началъ. Тогда ему на мысль пришло, что можешь быть чадь причинилъ ему сіе поправленіе; ишакъ оставя всѣ сіи припасы на жаровнѣ, затворилъ двери и окна, и ходилъ въ дыму туда и сюда. Сіе продолжалъ онъ дни чепыре, или пять, и наконецъ совсемъ выздоровѣлъ. Первый полковый лѣкарь, кошорому онъ свое наблюденіе сообщилъ, сперва не повѣрилъ пому; попомъ однакъ испышалъ сіе средство надъ однимъ солдашомъ въ госпиталѣ, кошорый къ своему приближался концу за согнитіемъ легкаго. Онъ взялъ больнаго къ себѣ въ домъ, и устремилъ къ нему все свое вниманіе. Больной, коего болѣзнь уже весьма усилилась, сперва не больше какъ только нѣсколько минушь сноситъ могъ сей чадь; попомъ мало по малу началъ оправляться, и послѣ шести недѣль совсемъ выздоровѣлъ. Дѣло сіе справедливо, Госпожа Редень, и вы пому совершенно повѣришь можете шакъ, что я уполномочиваю васъ оное разказашь Г. Циммерману. Теперь лишь только я о

шомъ разговаривала съ его другомъ Тикешомъ. „

“Сіе средство въ разныхъ мѣстахъ испытано было съ весьма удачнымъ успѣхомъ. Какъ оно само по себѣ просто и съ опытомъ никакая не сопряжена опасность, по конечно заслуживаетъ, чѣмъ его повсюду учинишь извѣстнымъ; почему и вмѣстили мы сіе въ нашу ежедѣльный листъ.„

2. 34.



СЕЛИКО.

Африканская Повесть.

Если бы можно было согласиться съ мнѣніемъ Парсисовъ, что міръ сей подвластенъ двумъ началамъ: *доброму*, источнику всѣхъ благъ, копорыхъ, къ несчастію, видимъ такъ мало, и *злому*, виновнику всѣхъ бѣдствій, наполняющихъ вселенную; по конечно должно бы почестъ Африку главнѣйшею спраною владычествва злаго начала: ни одна земля, подобно ей, не производитъ въ шакомъ множествѣ хищныхъ звѣрей,

различныхъ ядовъ и ядовитыхъ живописныхъ. Сполъ мало извѣстную намъ исторію Марока, Негровъ Ардры, Хагасовъ и другихъ прибрежныхъ народовъ до самой спраны Гопшенпопской, можно лишь уподобить исторіи львовъ, шигровъ, змѣй, копорые одни только достойны обипашъ знойную Африку вмѣстѣ съ плошоядными ея владѣтелями, пожирающими безъ содраганія шрушы своихъ невольниковъ *). Невзирая на сіи опврашительные ужасы, и между кровожадными чудовищами, копорые продають собшвенныхъ чадь и снѣдають своихъ плѣнныхъ, встрѣчаемъ иногда врожденную наклонность правосудія, испинную добродѣтель, швердосность въ несчастіи и великодушное пожерш-

*) Чипайте о шомъ пушешествіи Филипса, Смита, Босмана, Барбоша, Снелъграва и письмо Факшора Ламба, бывшаго долгое время въ плѣну у владѣтеля Дагомая. Примушественно изъ записокъ двухъ послѣднихъ взялъ я описаніе нравовъ и обычаевъ Негровъ Юиды, не дозволяя себѣ никакого увеличиванія. *Прим. Сог.*

зованіе собою. Такіе примѣры, хопя и весьма рѣдкіе, должны возбудить въ насъ состраданіе къ симъ жалкимъ швореніямъ и напомнишь, что они принадлежатъ къ числу шѣхъ же человѣковъ — шакъ въ безплодной степи два, три расцѣвнїя, находимыя изрѣдка блуждающимъ странникомъ, напоминающъ ему, что онъ еще въ мірѣ.

Въ Королевствѣ Юидѣ, лежащемъ на берегу Гвиней, по ту сторону Треко-нечнаго мыса, жила (въ 1727 году) неподалеку отъ столичнаго города Саби, бѣдная вдова Дарина. Она имѣла трехъ сыновей, которыхъ воспитала съ нѣжностію, сродною матерямъ по природѣ, но рѣдкою въ сихъ мѣстахъ, гдѣ дѣши составляютъ предметъ торговли и продаются въ неволю безжалостными своими родителями. Старшій изъ сыновей назывался Губери, второй Телуз, а послѣдній Селико. Всѣ шрое были добры и чувствительны: они хранили величайшее почтеніе къ преспарѣлой, немощной своей матери и неуспыннымъ попеченіями старались поддерживать жизнь ея, которая для нихъ была драгоценнѣе

собственнѣй. Богатство всего сѣмейства состояло въ небольшой хижинѣ и смежномъ съ нею полѣ, произраславшемъ рисъ, почти единственную ихъ пищу. Каждое утро, по очереди, одинъ изъ трехъ братьевъ уходилъ на охоту, другой работалъ въ полѣ, а третій оставался съ матерью. Къ вечеру собирались всѣ вмѣстѣ: сѣрѣлокъ приносилъ дичи, поцугаевъ, или сошы, полные меду; земледѣлецъ возвращался съ пшеницей; а оставшійся дома заботился о приготовленіи общей трапезы, во время которой оспаривали они другъ у друга удовольствіе служить своей матери; потомъ получали отъ нее родильское благословеніе и простились на солому, въ объятіяхъ спокойнаго сна, ожидали восхожденія дневнаго свѣтила.

Селико, меньшій изъ братьевъ, часто ходилъ въ городъ приносить въ жертву верховному божеству лучшіе плоды жавы, которую бѣдное сѣмейство собирало со своего поля. — Эшошъ богъ, какъ извѣстно, есть огромный змѣй, изъ роду шакъ назы-

ваемых фепишей, кои не имѣя въ себѣ яда и не причиняя вреда человеку, пожирають напрошивъ того змѣй ядовитыхъ, а потому и ползующя въ Юидѣ споль великимъ уваженіемъ, что умерщвленіе ихъ считается самымъ ужаснѣйшимъ злодѣяніемъ. Число сихъ священныхъ змѣй увеличилось тамъ до безконечности: въ городахъ, селахъ, во внутренности домовъ встрѣчающя на каждомъ шагу эши боги, которые снисходя къ своимъ поклонникамъ, пишающя за однимъ споломъ съ ними, покоящя въ ихъ жилищахъ и на одрахъ ихъ нерѣдко выводящъ пшеницъ своихъ. Такое благоволеніе принимается Неграми за счастливѣйшее предзнаменованіе.

Селико, опличавшійся между жителями Юиды особенною черношю, прекраснымъ роспомъ и любезностію характера, увидѣлъ однажды въ капищѣ Великаго Змія юную Бериссу, дочь начальника жрецовъ, превосходившую всѣхъ своихъ сверспницъ спройнымъ спаномъ и красошю. Селико пламенилъ къ ней и былъ любимъ ею взаим-

но: каждую среду, день посвященный у Негровъ спокойствію и служенію богамъ, приходилъ онъ въ капище и проводилъ тамъ время съ любезной Бериссой. Селико говорилъ ей о своей мамешери, о любви и счастья, копорымъ будущъ они наслаждашья, соединясь навсегда брачными узами. Прелестная Берисса не скрывала ошъ него нестерпѣнія, съ какимъ ожидала она эшой минушы, и почтенный сшарець Фаруло, опецъ ея, не опвергалъ невиннаго желанія влюбленныхъ, а прижимая ихъ къ своему сердцу, обѣщаль вскорѣ увѣнчать нѣжную ихъ склонность.

Наконецъ желанное время приближилось: день соединенія былъ назначень; мать и оба брата Селико приготовили уже хижину для молодыхъ супруговъ, какъ внезапно извѣстный Труро-Авдаши, владѣтель Дагомая, копоратаго быспряя завоеванія знаменишы въ самой Европѣ, наводнилъ кровію королевство Ардру, истребилъ въ ономъ всѣхъ жипелей, и осшановилъя соспрашнымъ своимъ воинствомъ по другую сторону рѣки, опдѣлявшей его ошъ вла-

дѣній правишеля Юиды. Но эптошь роб-
кій и слабый владѣшель, управляемый
своими женами и вассалами, не помыс-
лилъ даже пропивопоставившь завоева-
шелю какое нибудь войско: “боги стра-
ны моей, думаль онъ, заградяшъ входъ
въ оную,—и для того велѣлъ вывеспи на
берегъ всѣхъ фешешей, какихъ полько
можно было собрать въ окрестноспяхъ.
Изумленный Труро, досадуя, что при-
нужденъ сражашься съ живошными, бро-
саешся вплавъ со своими воинами, вы-
плываешъ на пропивный берегъ, и —
эши боги, опъ кошорыхъ ожидали чу-
дешъ, разсѣкаюшся на части и приго-
шовленные на раскаленныхъ угляхъ,
сужашъ пищею побѣдишелямъ. Тогда
владѣшель Юиды, опчаявшись спасши
себя силою, покинулъ свою сполицу и
скрылся на опдаленномъ оспровѣ; а
воины Авдаши, разсѣявшись по всей
Юидѣ съ мечемъ и пламенемъ въ ру-
кахъ, обрашили въ пепель жашвы, гра-
ды и села, и умершвили безъ пощады
почши всѣхъ обшашелей *)).

*) Сія побѣда Труро-Авдаши—Чингисъ-Ха-

Немногіе изъ жишелей избавились отъ смерти и разбѣжались въ разныя стороны. Несчастные при брата, желая спасти любезную имъ мать, вынесли ее изъ хижины на плечахъ своихъ и въ чащѣ темнаго лѣса скрылись отъ свирѣлости побѣдителей.

Селико не хошѣлъ оставишь Дарину, пока угрожала ей гибель; но какъ скоро увидѣлъ ее въ безопасности, то побѣжалъ въ Саби узнать о участи любезной своей Бериссы, спасти ей жизнь, или вмѣстѣ съ нею погибнуть. Саби только что былъ взятъ Дагомейцами; сгогны его омышы были кровію; дома разорены и разграблены; чершогы владѣшеля, капище змѣя представляли собою дымящіяся развалины, покрышыя разбросанными шрупами, обезглавленными по обычаю сихъ варваровъ. Несчастный Селико, въ испуцленіи, призываетъ смерть, подвергаясь ей тысячекратно въ полкѣ неисповыхъ воиновъ, упоенныхъ виномъ и кровію, раз-

на Африки — совершилась въ Мартѣ 1727 года.

рываетъ груды обломковъ, опыскивая Бериссу и Фаруло, взываетъ къ нимъ—но не нашедъ шѣль ихъ между безчисленными обезображенными шуловищами, испускаетъ жалобные крики опчаянія.

Пять дней продлилось сіе ужасное разысканіе, и наконецъ Селико, не сомнѣваясь болѣе, что Берисса и опецъ ея сдѣлались жертвою свирѣпыхъ Дагомейнъ, рѣшился возвратиться къ своей матери. Онъ нашелъ ее въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ распался въ послѣдній разъ съ нею и съ братьями. Мрачная грусть злосчастнаго Селико, угрюмый видъ и дикіе взоры успрашили печальное семейство. Дарина оплакивала его бѣдствіе: она старалась утѣшить любезнаго своего сына; но онъ былъ неушѣшимъ, отвергалъ всякія ясва и, казалось, хотѣлъ уморить себя голодомъ. Губери и Телузъ, пощерявъ надежду опклонить его опъ такою намѣренія кропкими убѣжденіями и ласками, указали ему на пресшарѣлую и дряхлую ихъ мать. “Уже ли и для нее, спросили они его, не преодолѣешь ты своего опчаянія

и будешь искать бесполезной смерти?—
Если не хочешь жить для себя, по жи-
ви для своей мащери.,

Селико бросился въ объятія къ сво-
имъ брашьямъ, и даль имъ кляпву, что
будешь раздѣлять съ ними попеченія о
несчастной ихъ родишельницѣ. Они у-
глубились болѣе въ лѣса, построили хи-
жину въ сокровенной долинѣ, когда уже
были довольно далеко ошь Саби, и по
возможности замѣняли охотой недо-
спатокъ въ пшенѣ и рисѣ.

У нихъ почти не было луковъ, спрѣль
и другихъ необходимыхъ вещей, ибо
не успѣли взять ихъ съ собою при по-
бѣгѣ изъ Саби, и вскорѣ почувствовали
всѣ ужасы нищеты. Обезьяны, водящія-
ся во множествѣ въ шамошнихъ спра-
нахъ, отнимали у нихъ даже малое ко-
личество лѣсныхъ плодовъ; земля про-
израспала сама собою одну шолько пра-
ву, а они не имѣли ни орудій для воз-
дѣльванія земли, ни сѣмянъ для посѣва.
Наступило время дождей, и голодъ пред-
спаль имъ во всемъ ужасѣ. Разслаб-
ленная Дарина, проспешая на изсох-
шихъ лиспьяхъ, въ безпреспанномъ му-

ченіи, приближалась къ смерти, но не ропсала на судьбу свою. Сыновья ея, изнеможенные ошъ глада, не въ силахъ уже были ходишь въ лѣса, совершенно зашопленные водою: они разсѣивляли сѣпи неподалеку ошъ своей хижины, и когда удавалось имъ поймать сколько нибудь небольшихъ пшицъ, лешавшихъ по близости, что однако случалось очень рѣдко по недостатку приманки—то съ радосшною улыбкою приносили ихъ къ больной своей матери; но Дарина опказывалась ошъ пищи, кошо-рой не могла раздѣлишь съ дѣшми своими.

Прошло три мѣсяца и положеніе ихъ сдѣлалось еще ужаснѣе: должно было на что нибудь рѣшишься, и три брата безъ вѣдома Дарины, приспустили къ совѣщанію о средствахъ цособишь своему несчастію. Губери предложилъ идиши къ берегу, явишься въ первую Европейскую коншору и продашь одного изъ шрехъ брашьевъ, а на вырученныя деньги купишь хлѣба, рису, земледѣльческихъ орудій и всего, что необходимо было нужно для пропитанія ихъ роди-

шельницы. Унылое молчаніе было оп-
вѣшомъ обоихъ брашъевъ. Разспахъся,
покинуть навсегда другъ друга, сдѣлашь-
ся невольникомъ бѣлыхъ — эта мысль
приводила ихъ въ шрепешъ. — “Кпо же
изъ насъ будетъ проданъ?,, воскликнулъ
Телузъ голосомъ, выражавшимъ всю скорбь
души его.— Жребій рѣшиць эпо, опвѣ-
чалъ Губери; вопъ глиняный сосудъ:
положимъ въ него при камня различ-
ной величины, смѣшаемъ ихъ; и шопъ,
кпо вынешъ самый малый, будетъ на-
значенъ судьбою къ погибели. — “Нѣпъ,
любезный брапъ, прервалъ Селико, жре-
бій не нуженъ: судьба назначила уже
кому изъ насъ бышь несчастнымъ; раз-
вѣ забыли вы, чпо я потерялъ Бериссу?
Я послушался васъ, согласился жипъ
едившвенно для сохраненія жизни бѣд-
ной нашей машери; шеперь предспавил-
ся самый удобный къ шому случай—про-
дайте же меня, продайте непременно.,,

Тщешно прошивились Губери и Те-
лузъ великодушному намѣренію брапа:
Селико опринулъ ихъ моленія, не хо-
шѣлъ вынимать жребія и угрожалъ,
чпо уидешъ одинъ и лишипъ себя жип-

ни. Наконецъ принуждены были они согласиться. Рѣшили, что бы Губернъ осмался съ маперью, а Телуэ проводиль Селико до Голландскаго селенія, и продавъ его тамъ Европейцамъ, возвратилъ ся со съѣстными припасами, въ копорыхъ шерпѣли они величайшую нужду. Селико во все это время сохраниль удивительную швердоспѣь духа; но съ какимъ шрудомъ удерживаль, скрываль онъ свои слезы, когда долженъ былъ оставишь мапѣ, проспишь ся съ нею навѣки и невольнo обманушь ее, увѣрля, что скоро возвратишь ся вмѣспѣ съ Телуэ; что они оба идушь только осмошрѣшь прежнее жилище и, если можно вспунишь снова во владѣнїе своего имущества! Добрая старушка повѣрила имъ; но могла ли спокойно ошпущишь сыновей своихъ? Она содрогнулась, вообразивъ опасности, копоримъ они подвергались, и движимая внутреннимъ предчувствїемъ, хопѣла бросишь ся вслѣдъ за Селико—но онъ давно уже скрылся ошъ ея взоровъ.

Трудно было опредѣлишь, кто изъ сихъ двухъ брапьевъ наиболѣе достоинъ

былъ сожалѣнія: оба они шли съ понижшими главами и въ короткое время прибыли въ городъ Саби. Миръ начиналъ снова намъ водворяться кровь не спруидась болѣе на распушіяхъ, и Правитель Дагомая, спокойный владѣтель области Юиды, желая, что бы процвѣтала въ ней торговля съ Европейцами, призываетъ ихъ въ свое государство. Многие Англійскіе и Французскіе купцы приглашены были ко двору владѣтеля, который продавалъ имъ многочисленныхъ плѣнныхъ и раздѣлялъ своимъ войнамъ земли побѣжденныхъ. Одинъ изъ Европейскихъ купцовъ поспѣе предложилъ Телуэ сто эфимковъ за младшаго его брата—хладный прѣпетъ окривалъ Телуэ: такой прошивуестественный шоръ приводилъ его въ ужасъ и онъ оставался въ нерѣшимости — какъ вдругъ раздается на площади звукъ трубный и народный вѣщунъ съ громкимъ крикомъ провозглашаетъ, по повелѣнію Дагомая, награду чепыресшаунціей золотомъ тому кто представитъ живымъ неизвѣстнаго Негра, который въ минувшую ночь дерзнулъ осквернить га-

ремь владѣтеля и при первыхъ лучахъ солнца ускользнулъ опъ стрѣль спражи.

Селико слышинъ провозглашеніе, даетъ знать брату, что бы онъ, не заключалъ торго, съ купцомъ, и опведя въ спорону Телуэ, говоришь ему твердымъ голосомъ слѣдующее:

“Зная мое намѣреніе, продлишь жизнь нашей родительницы, ты обязанъ продашь меня: умѣренная цѣна, копорую предлагаешь за меня эптошь бѣлый, недостапочна къ обеспеченію Дарины; чепыреста же унцій золота сдѣлаюшь и ей и вамъ, соспоянне: непременно должно получишь ихъ; свяжи меня и веди сей часъ къ владѣтелю намѣсто пребуемаго имъ преступника. Не успрашайся, любезный братъ! знаю, очень знаю, какое мученіе ожидаешь меня; но я расчислиль время: казнь не продолжится болѣе одного часа. Не гораздо ли болѣе спрадала мать моя, произведя меня на свѣшь? ,,

Опъ изумленія Телуэ не могъ опвѣчать ему ни слова; минушы двѣ смощрѣль онъ на него съ ужасомъ и соболѣзнованіемъ; наконецъ упаль къ ногамъ

Селико, обнялъ его колѣна и заклиная его именемъ пресварѣлой ихъ родительницы, именемъ незабвенной Бериссы, умолялъ оставишь такѣе страшное намѣреніе.—“Кого напоминаешь ты мнѣ? ошвѣчаешь Селико съ горестною улыбкою. Я лишился Бериссы: хочу соединишься съ нею за гробомъ; пускай смерть сына спасеть жизнь мапери! Я `обогащу навсегда моихъ брательныхъ и избѣгну самъ пятоспнѣйшаго рабства, могущаго продлишься еще лѣтъ сорокъ. Я рѣшился: не медли болѣе, или я самъ предаю себя: тогда ты утратишь цѣну моей смерти и будешь причиною бѣдствія той, которой всѣ мы обязаны своею жизнью.,,

Телуэ, услышанный взоромъ Селико, который грознымъ голосомъ произнесъ послѣднія слова, не смѣешь дѣлать новыхъ возраженій; повинуется своему брату; проливая попоки слезы, налагаешь на него узы, и ведя несчастнаго, направляешь стопы свои къ чертогамъ раздраженнаго власшелина.

На вопросъ первой спражи, пребудешь онъ позволенія предстать къ вла-

дѣшело. Доносясь о немъ и получивъ приказаніе, вводясь его въ палаты властелина. Дагомай, украшенный знапомъ и драгоценными камнями, сидѣлъ на пурпуровомъ ложѣ, склонивъ голову на грудь одной изъ своихъ любимицъ, облеченныхъ въ знашешелковыя шкани и обнаженныхъ до самаго пояса. Государственные сановники, вельможи, вожди его воинства, всѣ въ великолѣпныхъ одеждахъ, расположены были поодаль отъ прона; храбрѣйше опличались ожерельемъ изъ человѣческихъ зубовъ, изъ кошорыхъ каждый означалъ какую нибудь побѣду *); нѣсколько вооруженныхъ женщинъ охраняли входъ; огромные золотые сосуды, наполненные пальмовымъ виномъ и другими напитками, расплавлены были шамъ въ разныхъ мѣстахъ, а полъ устланъ черепами пораженныхъ враговъ **).

“Властитель міра! — говоришь ему Телуэ преклонивъ до земли чело свое—

*) Histoire des Voyages, tome III. page 58.

***) Voyage d'Atkins. XC.

исполняя священныя свои повелѣнія, пришелъ я предашь праведному своему гнѣву...,, Не могъ окончить, слова замерли на устахъ.—Продолжай, сказалъ ему Труро: но смятенный Телуэ безмолвствуетъ, и Селико начинаешь говоришь вмѣсто него.

“Повелишель Дагомая! ты зришь предъ собою пресупника, который увлекаясь гибельною любовію, осмѣлился нынѣшнюю ночь вопи во внутренность своего серала. Наложившій на меня цѣпи былъ долгое время моимъ другомъ: я не боялся повѣришь ему мои тайны; но онъ, изъ ревности къ исполненію твоихъ приказаній, измѣнилъ дружбѣ, схватилъ меня во время сна, заключилъ въ оковы и теперь ожидаетъ отъ тебя обѣщанной награды за свою услугу; отдай ему, несчастный заслужилъ ее!,,

Труро-Авдаши не удостоилъ его отвѣтомъ; однимъ мановеніемъ руки повелѣваетъ взять виновнаго и отдашь подъ спражу вооруженныхъ женщинъ, а брашу его вручишь чепыреша унцій золота. Съ ужасомъ взглянулъ Телуэ на возвы-

сѣвшуюся мгновенно предъ нимъ груду сего блестящаго мешалла, вздохнулъ отъ глубины сердца и удалился поспѣшно изъ города, что бы опнести умирающей отъ глада матери пищу, купленную цѣною любезнѣйшаго изъ ея сыновей.

Въ Саби, по повелѣнію власшелина, немедленно начались пригошовленія къ страшной казни, узаконенной въ Юидѣ за непозволенное обращеніе съ женами владѣтеля: дѣлають два глубокіе рва, неподалеку одинъ отъ другаго. Въ томъ, который назначается для виновной супруги, привязываютъ несчастную къ столбу; всѣ жены серала, облеченныя въ богатыя одежды, съ большими сосудами, наполненными кипячкомъ, обходящъ вокругъ пресупницы и при звукѣ шимпановъ и прубъ, лють ей на голову кипящую воду, пока непрерывное мученіе прекратитъ жизнь спрдалицы. Въ другомъ рвѣ сооружаютъ косьерь, кладутъ черезъ него длинную полосу желѣза, укрѣпленную на двухъ шеспахъ и привязываютъ къ ней осужденнаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ

пламени, что бы только окончности онаго могли досягать его: такимъ образомъ погибаетъ несчастный, перзаемый самою ужасною и продолжительною мукою.

Народъ въ ожиданіи волновался на площади, огражденной воинствомъ Дагомая; оно украшено было доспѣхами, и свѣшлыя булашныя копья блискали сквозь густыхъ облаковъ пыли. Жрецы, въ торжественномъ облаченіи, готовились возложить руки на невинныя жертвы и предать ихъ закланію. Наконецъ вооруженныя женщины ввели съ различныхъ сторонъ обоихъ несчастныхъ. Селико щель твердо и спокойная рѣшительность выражалась на челѣ его. Приблизясь ко рву, невольно обратилъ онъ взоры на шу, которая раздѣляла съ нимъ столь бѣдственную участь.—Возможно ли изобразить изумленіе его и скорбь, когда узналъ онъ въ ней свою Бериссу? Съ ужаснымъ воплемъ бросается онъ къ Бериссѣ, его оспанавливающею. Но внезапное движеніе страха мгновенно превращается въ негодование: «злполучный Селико! говоришь онъ самъ

себѣ, въ то время какъ ты оплакивалъ, ее, когда ввергался въ челюсти смерти, надѣясь соединиться съ нею, она была въ числѣ презрѣнныхъ наложницъ, оспаривающихъ сердце безчувственнаго пирана! Не удовольствуясь темъ, что пресупнула клятву любви, сдѣлалась она еще невѣрною своему власпелину: такъ она заслуживаетъ казнь, для нее приготовленную! Любезная родишельница! умираю—умираю для тебя одной; ты—одна ты наполняешь пеперь мою душу и мысли!,,

Изумленная Берисса равнымъ образомъ узнаетъ въ мнимомъ пресупникѣ дражайшаго своего Селико; зная его невинность, взываетъ она въ опчаяніи къ жрецамъ и громогласно объявляетъ имъ, что юноша, ведомый на казнь, совсемъ не помя Негръ, который провелъ съ ней ночь въ гаремѣ; клянется въ помя Небомъ, высокою горю, громомъ и самымъ первѣйшимъ изъ фетишей. Успрашенные жрецы оплагаютъ совершеніе казни и спѣшаютъ извѣстить своего повелителя, который являешся самъ судить обвиненныхъ.

Гнѣвъ и оскорбленіе видны были на лицѣ его, когда онъ подошелъ къ Бериссѣ. “Раба!—сказаль онъ ей спрашнымъ голосомъ—ты презрѣла любовь своего властелина; ты отвергла мое предложеніе, когда хотѣлъ я возвести тебя на степенъ первой моей супруги: но я не желаль твоей гибели и оставиль тебѣ жизнь тогда изъ состраданія; еще ли, неблагодарная, и теперь дерзаешь отрицать пресшупленіе своего сообщника? Ужели надѣешься спасти его?—Если другой былъ съ тобою въ саралѣ, скажи мнѣ его имя, пресшупная дѣва! предай виновнаго моему правосудію; и невинный получишь свободу.,,

—Владѣтель Дагомая!—отвѣтшуваетъ Берисса, привязанная къ роковому столбу—я не скрывала отъ тебя причины, по которой не могла обладать своимъ сердцемъ: сердце Бериссы давно уже принадлежишь другому. Вспомни, что я гнушалась лжи и въ то время, когда видѣла предъ собою всѣ почести, и помысли могу ли произнести ложь, испуская послѣднее дыханіе жизни? Нѣтъ, я призналась тебѣ во всемъ, и еще возобновляю мои признанія: поч-

но, послѣднюю ночь нѣкшо проникъ до моего покоя и вышелъ изъ него на разсвѣтѣ; но эшошъ неизвѣстный не естъ осужденный шобою. Ты пребуешь, что бы я предала его въ швои руки; не могу и не хочу шого сдѣлать. Умереть я гошова; увѣрена, что нѣшъ средспвъ къ моему избавленію, и единспвенно желая удержишь тебя ошъ преступленія, старалась продлишь сіи ужасныя минушы. Знай же, свирѣный повелипель Дагомая, что кровь сего невиннаго возопіешь объ опмщеніи: Небо шому свидѣпель! Освободи его и накажи меня одну. Вошъ все, что должна я была сказать шобѣ!—

Слова Бериссы, произнесенныя съ шакою швердосшію, поразили гордаго власпелина; онъ медлилъ опдать приказаніе и преклонилъ главу, удивляясь какому-шо внушреннему, непосшижимому чувспву, кошорое удерживало его въ сію минушу пролишь кровь. Не долго однако колебался онъ: помысливъ, что эшошъ Негръ добровольно признался въ винѣ своей, шيرانъ вообразилъ, что конечно пламенная любовь къ не-

му Бериссы заспавляла ее брашь въ немъ шакое учаспие, и яроспъ запыла- ла снова въдушъ его. Гнѣвно даетъ онъ знакъ исполнителямъ казни; мгновенно возгараешя косперъ; жены начина- юшъ шеспвие; держа въ рукахъ, своихъ сосуды съ кипящею водою—вдругъ при- бѣгаешъ спарець, изнеможенный, по- крышый пылю, изъязвленный, проби- ваешя сквозъ шолпу народа, и прибли- жась къ владѣтелю Дагомая, бросаешя предъ нимъ на колѣна.

“Оспановисъ, повелишель! оспано- висъ, вскричалъ онъ: я шопъ виновный, копораго искалъ ты; я преодолѣлъ преграды швоего гарема, что бы из- влечь изъ него дочь мою. Ты видишъ предъ собою бывшего жреца шого бо- га, копорому нѣкогда здѣсь поклоня- лисъ; когда Юида подцала швоему вла- дычешву, шо у меня изъ рукъ изшоргли дочь мою и увели въ швои чершо- ги. Съ самага шого времени не пре- спавалъ я искашъ удобнаго случая уви- дѣшся съ нею, и нынѣшнюю ночь дос- шигъ шайно до ея комнашъ. Тщешно рѣшилась она послѣдовашъ за мною:

насъ увидѣли свои спражи. Съ прудомъ могъ я уйши одинъ, израненный стрѣлами своихъ воиновъ. Теперь пришелъ опдаться тебѣ въ жершву—пришелъ умереть вмѣстѣ съ моею дочерью, для которой только и желалъ я продолженія дней моихъ!,,

Фаруло не успѣлъ еще кончить, какъ Труро приказалъ уже жрецамъ отвязать осужденныхъ и привестъ ихъ къ шопамъ его. Онъ спросилъ Селико: что заставило его подвергнуть себя безвинно столь ужасной казни?—Добродушный и обрадованный Селико, убѣдясь совершенно въ примѣрной вѣрности Бериссы, не спрашивалъ открытъ своей пайны смягченному власпелину, рассказалъ ему съ чувствомъ о своихъ несчастіяхъ и о бѣдности Дарины, для которой рѣшился онъ продать жизнь свою за чешыреста унцій золота. Берисса и опецъ ея внимали его словамъ, проливая слезы удивленія; вельможи, воины, народъ—всѣ были пронупы; самъ Труро-Авдаши почувствовалъ на лицѣ своемъ слезы, которыми никогда еще не орошались его ланишы. — Сколь ве-

дика сила добродѣтели: ее обожаютъ и самые варвары!

Повелишель Дагомая благосклонно выслушалъ Селико, подаль ему ласково руку, велѣлъ вспашь и обратясь къ Европейскимъ кушцамъ, привлеченнымъ туда любопытствомъ видѣшь споль необыкновенное зрѣлище, сказалъ имъ: “вы, просвѣщенные и опытные люди — вы, которые такъ вѣрно умѣете назначать цѣну всему, оцѣните мнѣ сего юношу!,, — Всѣ они смѣшались отъ споль неожиданнаго вопроса. Одинъ только молодой Французъ, который былъ смѣлѣе прочихъ, сказалъ, что Селико споймъ двѣ тысячи золотыхъ эфимковъ.—“Сей часъ же выдашь ихъ Бериссѣ, опивчалъ повелишель, и соединишь ее вѣчными узами съ достойнымъ ея Селико!,,

Приказаніе владѣтеля Юиды было немедлѣнно исполнено—и Труро, довольный собою, удалился, чувствуя въ сердцѣ своемъ какое-то удовольствіе, неизвѣстное ему дополѣ.

Фаруло въ радостный сей день опдалъ добродѣтельному Селико дочь свою. Новобрачные, въ сопровожденіи сшарца

ошправились на другое утро со своимъ имущесшвомъ ошыскивать Дарину. Внезапная и споль чрезмърная радосьть едва не сповила жизни ей и братьямъ счастливаго Селико. Съ самага шого времени доброе сіе сѣмейсшво не разлучалось уже болѣе; оно пользовалось своимъ богатсшвомъ и обишая спрану, населенную дикими, являло собою рѣдкій и почти единсшвенный примѣръ благоденсшвія и изобилія, происшедшихъ ошъ одного испочника—добродѣтели.

Изъ Флоріана. Н. Авсовъ.

~~~~~

## БѢГУНЪ И КЛЯЧА.

### Сказка \*).

Однажды—право вамъ не лгу —  
Я видѣлъ—гдѣ же?—на бѣгу  
Зимою экипажъ чудесной.

Мой Кумтъ, чудакаъ извѣспной,  
Въ большія обшивни нарочно заложиль

---

\*) Числана въ торжесшвенномъ собраніи Высочайше утвержденного Общесшва любителей Россійской Словесности 22 ч. минувшаго Мая.

Залёта, рысака лихаго,  
 Красиваго и молодаго;  
 А Сивку, спараго, хромаго,  
 Который и воды лѣшь пяшь ужь не возилъ  
 И рощомъ съ козу былъ,  
 Припрягъ онъ шущъ же на при-  
 спяжку. —  
 «Смоприте, говорилъ, свернеція какъ коль-  
 цомъ!»,  
 Самъ, на бекрень надѣвъ фуражку  
 И въ руки возжи взявъ, сѣлъ въ сани мо-  
 лодцомъ. —  
 Народъ вокругъ него толпился,  
 Кто лишь ни взглянешъ, удивился.  
 Одинъ плечами жмешь,  
 Тотъ улыбаешся—Залётъ копытомъ бьешъ.—  
 Вошь наконецъ мой Кумъ пошевелилъ воз-  
 жами —  
 Залётъ лешишь, какъ вихрь; а Сивка —  
 вверхъ ногами!  
 Вмигъ на бокъ обшивни, оглобли обѣ вонъ.—  
 Чпожь Кумъ?—Уцаль бѣдняжка онъ!  
 Но вспаль, вспряхнулса  
 И усмѣхнулса.  
 «Залётъ — сказалъ — домой, я знаю, прибѣ-  
 жишь.,,  
 —Да шь совсемъ ума ряхнулса!  
 Ему Тишь Карпочъ говоришь.  
 Какъ можно бѣгуна запрячь и клячу вмѣспѣ?—  
 На эшо Кумъ ему въ ошвѣшь:

“Сшупай-ка, дѣдушка, спупай къ своей нѣ-  
еѣспѣ!

На головѣ волосъ, во ршѣ зубовъ ужь нѣшъ;  
А хочешь, сшарый хрычъ, жену взяшь въ  
двадцать лѣшъ!,,

И.

~~~~~

СМѢТЛИВЫЙ ЭКОНОМЪ.

Сказка *)

Хемницерь говоритъ: Гдѣ сборы,
Тутъ и воры!

А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда шому бываетъ,

Кшо деньги выдаешь, или что покупаешь.

Быль у меня одинъ пришель Экономъ,

Копорый въ пяшь, шесць лѣшъ себѣ по-
спроилъ домъ

По крайней мѣрѣ шысячь во шпо;

А жалованья бралъ въ годъ шрисша девя-
ношпо

И шесць рублей — за вычешомъ на госпи-
шаль.

Покойникъ умеръ! — Очень жаль!

*) Чисана шю же, въ собраніи Общества Л. Р. С.
28 ч. Маія.

Мы часто въ шашки съ нимъ игра-
ли

И пуншъ пивали.

На свадьбѣ дочери его попиrowали
И славно подгуляли —
Шампанскимъ запоилъ!

“А что, Климъ Сидорочъ, я у него спросилъ,
Воруешь ты? скажи всю правду-машку;
Скажи пожалуй-спа., — На что тебѣ? Ха! ха!
Самъ знаешь, кто же безъ грѣха! —

“А многоль въ годъ?, — Ну, тысячь до де-
сятку,

А, можешь быть, и слишкомъ два. —

“Вотъ ты купилъ шеперь дрова..

Почемъ?, — По дѣсяпи, и по едва, едва
Знакомый усшупилъ; за шо дрова какія!
Здоровыя, сѹхія!

Осины нѣшь, все березнякъ! —

“Какуюжь цѣну ты посшавишь въ счетъ?..
Двѣнадцашъ?,

— Избави, Господи! да что я за дуракъ! —

“Не уже ли шринадцашъ?,

— Смѣшонъ ты право мнѣ! — “Чешынадцашъ?
Пяшнадцашъ?;

— Да, какъ тебѣ не шакъ!

По дѣсяпи купилъ, по дѣсяпи посшавлю;
Знай, никогда въ цѣнѣ полушки не прибавлю..
Но сажень сошъ пяшокъ я у себя осшавлю. —

И.

Е Ж Е Л И .

Анекдотъ.

Ахъ! ежели бы то-то, или это-то!!! Я бы тогда! . . . Тогда-то бы я!!!..— Вошь мысли, кошорья постоянно вершяпся въ каждой головѣ человѣческой—въ большой и въ маленькой, въ умной и глупой, въ больной и здоровой. Всѣ мы желали, желаемъ — и развѣ шогда шолько переспанемъ желашъ, когда пропоюшъ надъ нами *вѣгнцю память*.—“Почему жъ и не шакъ?.,—скажутъ мнѣ — жизнь человѣческая естѣ сонъ!.. Мечшы золошяшъ ее!.. Что за человѣкъ безъ надежды?.,— Приведутъ еще, пожалуй, извѣспную пословицу: *худой тотъ капралъ, который не надѣтсѣ быть Генераломъ* — и проч. и проч. и проч...—Все шакъ, М. м. Г. г! еогласенъ съ вами, что желашъ хорошо—да слишкомъ *зажелатсѣя*... дурно!—Вы, на примѣръ, Любимъ—вы счастливый человѣкъ!.. одинъ племянникъ у вашего дядюшки. Дядюшка вашъ богашъ, очень богашъ; но онъ старъ, дряхль... онъ скоро умрешъ—и вы думаете; “еже-

ли дядюшка мой умреть, тогда - по буду я жить весело!... — и ваше *ежели* основательно. Припомъ же къ дядюшкѣ вы такъ почтительны! Ведете при немъ (дѣлать нечего!)... жизнь такую спешную!... не ходите знать ни театровъ, ни маскарадовъ; приходите домой вечеромъ не позже девяти часовъ и съ какимъ подобострастіемъ слушаете всѣ длинныя, перемѣшанныя съ кашлемъ наставленія старичка объ экономіи?... О! вы по всей справедливости имѣете право на ваше *ежели*, и безъ сомнѣнія скоро удивите Невскій проспектъ прекраснымъ экипажемъ, Крестовскій островъ шлюпкой и милыхъ дѣвушекъ — Парижскимъ костюмомъ. Теперь, сидя подлѣ дядюшки, вы конечно вмѣстѣ съ нимъ предаете проклятію эту роскошь, *готовство, заразу рода теловѣческаго!*...

Прелестная Лизета, по мнѣнію моему, точно такое же право имѣеть на свое *ежели*. Посмотрите, какъ она кропка, тиха, любезна!.. Кто на мѣстѣ добраго Проспона не влюбился бы въ ея скромность?... — Да — Лизета имѣеть полное право думать: “*ежели* выду я за-

мужъ за Проспона, шо буду играшь
имъ, какъ пѣшкой!.,

Равнымъ образомъ и вы, и вы, и
вы—*ежели* полько вы; и вы, и вы так-
же хорошо обдумали ваше *ежели* и так-
же хорошо поступаете, какъ мой Лю-
бимъ и Лизепа—шо смѣло можете пи-
сать программы будущаго вашего сча-
стїя, и спавишь въ заглавіи всемошное
ежели.

Но спрашивается: много ли на семь
свѣпѣ шакихъ умныхъ и понкихъ лю-
дей, какъ Любимъ и Лизепа—какъ вы,
и вы, и вы?..Конечно много—однакожь
и свѣпъ, говоряшь, большая деревня!...
А всѣ желаюшь! У всякаго свое *ежели*!..

Взгляните на этого маленькаго Ка-
деша—онъ забыль, что сидишь въ клас-
сѣ и что учитель задалъ ему извлечь
квадратный корень....Грифель въ рукахъ,
но въ головѣ *ежели*...Онъ недавно еще за-
писанъ въ Корпусъ—но изъ Корпуса вы-
пускаюшь въ Армію Офицерами...и вмѣ-
сто извлеченїя квадратнаго корня, си-
дя на лавкѣ, любуешся онъ своими эпо-
летами, спучишь шпорами—копорья
надѣло на него...воображеніе!

Посмотрите на этого новопожалованнаго Коллежскаго Регистратора!... Съ какою важностію подписывается онъ на измаранномъ листѣ — *Титулярныйиъ Совѣтникомъ*... между шемъ, какъ дали ему переписатьъ нужную бумагу!

Чемъ же все кончится?.. Кадета за лѣность выключать изъ Корпуса—Коллежскій Регистраторъ останешся вѣчнымъ Коллежскимъ Регистраторомъ!... А все причиною — *ежели*!

Однако я слишкомъ распроспранился! Взялъ перо, чшобъ написать Анекдотъ—и до сихъ поръ не могу кончить предисловія. Виновать, я думалъ угодишь любезнымъ чшшашелямъ, *ежели* помѣшу передъ Анекдотомъ свое разсужденіе о *ежели*. Но вошь и самый Анекдотъ.

Савва Карповичъ—или, если угодно, Карпъ Карповичъ — *Le nom ne fait rien á la chose*—старый холоспякъ, года полтора, какъ оставилъ службу, всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, нанялъ маленькую кварширку въ опдаленной части Петербурга—и занимался единшвенно хозяйствомъ.

Съ утра до вечера Карпъ Карповичъ не снималъ съ глазъ спальныхъ очковъ; все сидѣлъ съ перышкомъ въ рукахъ и, поглаживая сѣдые волосы, придумывалъ планы къ улучшенію деревень своихъ. Онъ находилъ, что для умноженія доходовъ нужно было шупъ поспроишь скошный дворъ, памъ развеспи по-больше спадо свиней—мѣльницы инья поправишь, другія перенеспи, и ш. п.

Въ такихъ прудныхъ и безпре-спанныхъ занятіяхъ не видалъ Карпъ Карповичъ, какъ проходило время, и совершенно доволенъ былъ придуман-ными прожекетами. Уже не шакъ ча-сно началъ онъ надѣвать спальные оч-ки свои. Рѣже оспанавливался въ за-думчивоспи передъ окномъ въ хозяй-скій огородъ — и рѣже хмурилъ брови, ударяя себя указашельнымъ пальцомъ на носу....Все, казалось обдуманно — все кончано — оспавалось самому сѣспъ въ повозку, ѣхашъ въ деревню... и наслаж-дашься! Карпъ Карповичъ пришорговалъ уже и бричку; но вдругъ, къ несчастію сдѣлался болѣнь. День, два, три, недѣ-ля проходилишь — Карпу Карповичу нѣшь

лучше. Вскорѣ почувсшвовалъ онъ, что болѣзнь усилилась не на шутку, позвалъ Доктора, и... эшцъ господа не любяшъ мѣшкашъ...на другой же день Карпъ Карповичъ, что называется, ни ногой, ни рукой. Дѣлашъ нечего — пришлось умирашъ!

Между темъ у Карпа Карповича, какъ у человѣка аккуратнаго, приготовлена уже была духовная. Спарая кухарка, по приказанію его, извѣстила всѣхъ родственниковъ и прияшелей о послѣднемъ желаніи болѣнаго—и подобно каленой спрѣлѣ въ минушю облешала, куда было надобно, темъ охощѣе, что Карпъ Карповичъ сказалъ ей, что и она не забыша въ духовной.

Если можно назвашъ скупосшъ болѣзнію—то Карпъ Карповичъ давно уже былъ опчаянно болѣнъ. При всемъ томъ, никшо изъ родственниковъ его не думалъ, что бы спарикъ имѣлъ шакое огромное сосшояніе, какое, по словамъ кухарки, онъ имъ опказывалъ. Скупый похожъ на грецкій орѣхъ: пока не расколотишъ, до шѣхъ поръ не знаешъ, ешъ ли въ немъ ядро. Можете судишъ, какъ

удивились и обрадовались наследники, услышавъ о деревняхъ, о наличныхъ денежкахъ. До того времени они и знать не хошѣли Карпа Карповича-теперь-же.. “О! почтенный Карпъ Карповичъ!!.. О! препочтеннѣйшій Карпъ Карповичъ!!.. — Въ секундочку явились къ нему всѣ на лицо—и тѣ, копорые не бывали у него, можешъ бышь, со дня рожденія.

Входяшь въ комнату-низко кланяющся. Карпъ Карповичъ, при послѣднемъ концѣ, лежишь на постелѣ. Глубокое молчаніе. Вошь всѣ пошихохоньку, полегохоньку приближающся къ больному; и полукружіемъ сядящся около кровати. Карпъ Карповичъ подаешъ знакъ рукою, и сухощавый Нопариусъ начинаешъ чашашъ завѣщаніе.

Сначала помѣщено было сожалѣніе, что Карпъ Карповичъ не имѣлъ возможности помогашъ родственникамъ и прияшелямъ своимъ при жизни...(*полукружіе сядящихъ отвѣтаешъ скрольнымъ поклономъ*)... Потомъ забвеніе прежней холодности ихъ къ Карпу Карповичу... (*полукружіе раскаяваешся*).. Далѣ торжественное примиреніе съ ними Карпа

Карповича... (полукружіе вздыхаетъ изъ глубины души, и силится заплакать).. За шемь слѣдующее ниже—и полукружіе протягиваетъ уши.

“Сестрѣ моей, вдовѣ Сварлихиной, “съ уговоромъ, что бы впередъ не била “она горничныхъ своихъ дѣвокъ и не “заславляла ихъ по ночамъ вязанъ чулки—100.000 рублей.,,

“Двоюродному брашу моему, опставному Драгунскому Вахмиспру, “Дубинину, что бы не шапался онъ по “Пепербургу, а ѣхаль въ деревню и занимался шамъ любимую своюю охошою “справилъ зайцовъ—200 душъ.,,

“Двоюродному внучку Корнепу Ускову конный заводъ. Другому внучку, “находящемуся не у дѣль Пешру Мотыгину, на расплашу долговъ—50.000 р.,,

(Оба внучка разшаркались; у послѣдняго выпала...изъ кармана колода каршъ.)

“Племянницѣ дѣвицѣ Засидѣлкиной, “для опысканія по лѣшамъ ея жениха— “100 душъ.

“Приятелю моему Егору Шутихину, “потерпѣвшему разореніе опъ печашанія драмъ, съ шемь однакожь, что бы

“всѣ оспальныя свои драмы онъ сжегъ—
“50.000. руб.,”

“Другому приятелю *Аполлону Сви-*
“*рѣлкину*, дабы имѣлъ онъ возможность
“не издавать съ будущаго года предпо-
“лагаемаго имъ Журнала: *Модной Поэзии*,
“40.000 руб. да на раздѣлъ друзьямъ его,
“голоднымъ поэтамъ 20.000 руб. и того
“60.000 рублей! — — — — —

— — — — —
— — — — —

Такимъ образомъ продолжалось чте-
ніе духовной. Никшо не былъ забытъ
Карпомъ Карповичемъ; всякому опказалъ
онъ, что должно, съ приличнымъ наслав-
леніемъ.

Наконецъ послѣдовало обращеніе ко
всѣмъ вообще. Карпъ Карповичъ прощает-
ся, желаетъ родственникамъ и прия-
телямъ своимъ жить въ мирѣ и согла-
сіи, дружбѣ и любви—и завѣщаніе окан-
чивается сими словами: “Умираю спо-
“койно, въ сладкой надеждѣ, что никшо
“изъ васъ не станеть ропшать на ме-
“ня—все же вышеписанное, что кому
“назначено, получите вы безъ всякихъ

“споровъ и прекословій... *ЕЖЕЛИ* съи-
“граю я *Воротынецъ!* *)

Чтеніе кончилось. Карпъ Карповичъ при словѣ: *Воротынецъ*, вздохнулъ въ послѣдній разъ. Полукружіе осполбенѣло.

Что было причиною внезапнаго и ужаснаго испуга ихъ: смерть ли Карпа Карповича, или убійственное: *ежели* — пусть рѣшишь чинапель. Я, чшобъ кончить анекдотъ, скажу полько, что Карпъ Карповичъ, умирая, указаль дрожащею рукою на шкапулку, въ копорой хранился лошерейный билетъ. Опамятовавшіеся родшвенники и приятели кинулись къ шкапулкѣ, ухвапились за нее крѣпко накрѣпко...а за суматохой, шумомъ и дракою — оспальное покрышо неизвѣстностью.

Анекдотъ эшотъ слышаль я на прошедшей недѣлѣ, обѣдая въ одной

*) Собшвенное имущество Карпа Карповича — какъ послѣ опкрылось — состояло въ наличныхъ деньгахъ, копорья скопилъ онъ изъ получаемаго имъ жалованья, и копорья всѣ почти издержаль, вышедъ въ опшставку и занимаясь новыми прожектами.

изъ здѣшнихъ Французскихъ ресторацій, опъ незнакомаго мнѣ высокаго, плечистаго мужчины — съ преспрашными, черными усами. Онъ одѣтъ былъ слишкомъ не по модѣ, слишкомъ не богато. Старый сѣрый фракъ изъ толстаго сукна, пестрый ситцевый жилетъ... Между темъ во все продолженіе разказа, ресторанный орацоръ мой не переставалъ спрашивать бутылку за бутылкой Шампанскаго W. C. P. со звѣздочкой! Самъ циль, поиль и другихъ. Это кинулось мнѣ въ глаза, и я тогда же подумалъ, не изъ числа ли онъ самъ наслѣдниковъ покойнаго Карпа Карповича?... Чуть-ли не двоюродный братецъ его, општавный Драгунскій Вахмистръ Дубининъ, который, можеть спашься, былъ всѣхъ посильнѣе и копорому удалось выхватить изъ шкапулки билетъ Карпа Карповича, вмѣстѣ съ надеждою его, вмѣстѣ съ его ежели.

Такъ по крайней мѣрѣ я догадывался. Вчера—уже послѣ того роковаго дня, какъ Ворошынecъ перешелъ изъ головъ мечшателей въ вѣчное и попомштвенное владѣніе счастливыхъ обладателей

№ 96.997, вчера, говорю, опять встрѣтился я съ эшимъ усачомъ въ сѣромъ фракѣ и синцовомъ жилетѣ. Онъ опять пришелъ въ ту же самую ресторацію. Видя, что вмѣсто Шампанскаго, налилъ онъ спаканъ чистой Невской водицы, и, не позавтракавъ—а просто спросилъ себѣ трубочку табачку и смирнехонько засѣлъ въ уголокъ—я былъ увѣренъ почти въ прежнихъ своихъ догадкахъ. Да! — думаль я—это непременно долженъ бытъ одинъ изъ наслѣдниковъ. Онъ вѣрно также, какъ и Карпъ Карповичъ, швердо надѣялся на Воропынецъ, и также, если не въ завѣщаніи, то хоть въ умѣ начерпиль волшебное: *ежели*. Сомнѣніе мое скоро оправдалось. Сѣрый фракъ, докуривъ трубку, допивъ спаканъ съ водою—взялъ лаковую свою фуражку—и со вздохомъ, покачавъ головою, сказалъ самъ себѣ, выходя изъ комнапы: “Эхъ брашъ, брашъ Карпъ! погубиль пы меня!—А все причиною проклятое пвое *ежели!*,”

16 Іюня 1823.

Р...зб.



ПАНОРАМА ПОЛОЦКА.

(Отрывокъ изъ частнаго письма.)

Послѣ прехъ-дневнаго, благополучнѣйшаго пуши, прибыль я на родину и шеперь опдыхаю въ опцовскомъ домѣ. Въ Полоцкѣ, похожемъ на деревню, царспвуепь тишина. Не слыхашь шума экипажей, не видашь пыли городской, нѣшь никакихъ развлеченій. Я не спану описывашь вамъ ни одной изъ моихъ нынѣшнихъ прогулокъ, предоспавляя се дальнѣйшему времени; но желаль бы предспавишь вамъ панораму Полоцка, что бы, для бѣльшаго своего удовольспвiя, имѣшь уже и шеперь васъ мысленнымъ поварищемъ, не выходя изъ города и не двигаясь съ мѣста, которе выберу для моей панорамы. Чпобъ видѣшь городокъ нашъ и окрестности его во всѣ спороны вѣрспшь на 15, на 20, споишь взойици на бывшую лезуишскую колокольню; но я обыкновенно для сего выхожу на валь, опкуда зрѣлище не споль обширно, но всегда занимашельно.—Этотъ валь въ городѣ. Конееъ его примыкаешь къ рѣчкѣ Полоиѣ. Спа-

немъ здѣсь, и обратясь спиною къ рѣчкѣ, взглянемъ на вадъ, проспиряющійся прямо въ видѣ перспективы саженей на бо, а за нимъ на черепичныя кровли длиннаго монашнскаго строенія, изъ за коего возвышается главный корпусъ бывшаго Іезуитскаго Коллегіума, прехъ-эпажннй, съ двумя флигелями и многими пристройками, а вмѣстѣ съ нимъ церковь съ зеленымъ куполомъ и двумя гордыми башнями, откуда часы бьются на весь городъ, колокола звонящъ на всѣ окрестности его. По лѣвую сторону сей церкви предспавляется взору большая часть города, съ деревянными крышами домовъ, прямыми улицами, садами, огородами и небольшими церк-вами; по правую же, въ нѣкоторомъ отдаленіи, на возвышенномъ мѣстѣ возносятся двѣ башни Базилянской церкви, нѣсколько похожія на Іезуитскія, а предъ ними вѣшкій храмъ Св. Пепра, деревянный, стоящій отъ времени Стефана Бапорія, на такъ называемомъ *Вышнемъ Залкѣ*, или Базилянскомъ валу. Обращимся направо: у подошвы нашего вала явится обширный сѣнокосъ,

а за нимъ деревянные домики, составляющіе улицу, именуемую: *Нижнимъ Замкомъ*. Здѣсь и домъ отца моего; на немъ бѣлѣтся труба; окружаешь его огородъ съ маленькимъ садомъ. Вопь шамъ мы обыкновенно пьемъ чай въ хорошую погоду на открытомъ воздухѣ, подь тѣнію липы, которая замѣтна опсюда шемъ, что превышаетъ всѣ прочія деревья наши. Я вижу и крылечко дома; вѣрный *Калаербъ* лежитъ у дверей, грѣшится на солнцѣ и вдругъ бросается съ лаемъ къ улицѣ. Опворились вороша, вошли двѣ коровы, пригнанныя пасухомъ съ поля. Но бросимъ взглядъ далѣе, за нижній замокъ. Крушый берегъ мѣшается видѣшь Полошу, которая шамъ бѣжитъ внизу къ широкой Двинѣ; однакожь мы видимъ оплогіе луга за Полошою, поля засѣянные хлѣбомъ, далѣе уединенную цѣрковь во имя Архистрапига Михаила, еще далѣе лѣсь. Подлѣ церкви шихая обишель мершвыхъ. Тамъ двѣнадцашый годъ покоишся любимѣйшій пшпилѣшній братель мой. Теперь, во цвѣтѣ лѣтш своихъ, былъ бы онъ ушѣкою сѣмейства нашего, милымъ сошоварищемъ въ

службѣ и жизни моей Пешербургской. Тамъ почиеть прахъ и другихъ родныхъ. Я не могу смотрѣть туда сухими глазами. Надобно занявъ ихъ инымъ предметомъ. Посмотримъ еще правѣе, взоръ нашъ обниметь прекраснѣйшіе виды. Здѣсь у ногъ нашихъ извивается Подопа между крупными песчаными берегами; чрезъ нее деревянный мостъ, довольно красивый, ведущій изъ города въ поле, ровное, обширное, служившее въ 1812 году еепромъ ужаснѣйшей бипвы. Оно окружено со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, который кажется на краю горизонпа. Опшуда идушь въ городъ разныя дороги, а здѣсь прямо прошивъ глазъ нашихъ, верспахъ въ двухъ опъ города, видна церковь Св. Спаса, древнѣйшая изъ всѣхъ въ здѣшней спранѣ: въ ней жила за шесть вѣковъ предъ симъ Преподобная Евфросинія, Княжна Полоцкая. Церковь сія окружена сполѣпными деревьями и нѣсколькими домами, сосшавлявшими фольваркъ Іезуиповъ, гдѣ они жили въ лѣпнее время и куда бывало мы, студены, ходили гуляшь въ часы; опъ классовъ свободные. Тамъ раздава-

лась музыка, пѣли собсвенныя наши пѣсенки, лепали мячи по воздуху, гремѣли кегельные шары. Уставши, отды- хали мы въ лѣсу, въ шалашахъ, или раз- сѣявшись группами, сидѣли въ пѣни де- ревь; между шемъ какъ прохладитель- ный лимонадъ разносился кругомъ и освѣжалъ насъ вмѣстѣ съ Зефирами. Наконецъ, когда солнце склонялось къ западу, когда вечерняя роса падала на нивы и паслухи гнали стада свои въ городъ, тогда и мы возвращались домой, всѣ вмѣстѣ, славя въ громкихъ пѣсняхъ нашихъ невинныя забавы юности. Те- перь все исчезло, и мнѣ осталось одно воспоминаніе. Здѣсь конецъ панорамъ, ибо далѣе увидимъ прежніе предметы; городскія кровли, церкви, улицы. — Но мы не видали Двины. Она за городомъ.

С—ть.

~~~~~

### ЖУРНАЛИСТЪ И КОКЕТКА.

Сколько усилій съ одной стороны, бышь всегда въ модѣ; сколько спараній съ другой, о хорошемъ цвѣсѣ лица, о прелесномъ видѣ!

Они думаютъ день и ночь о сред-  
ствахъ забавлять и нравиться. Всякое  
утро у нихъ новый прожектъ, новый  
капризь. Этошь уборъ, правда, небла-  
гоприспоень, но къ лицу; эта сшасть  
неосновательна, но остра.

Они мешають въ одну цѣль, иногда  
дѣлають промахъ, но никогда не при-  
ходяють въ замѣшательство. Для воз-  
награжденія пошери, усугубляють смѣ-  
лосшь, ловкосшь ихъ возрастаетъ съ  
препятствіями; шоржество слѣдуетъ  
у нихъ всегда за неудачею.

Ни въ чемъ не сомнѣваются, ни въ  
чемъ не сохраняють умеренности.  
Иногда въ нихъ соблазнительная весе-  
лосшь, иногда грубая суровосшь; шо  
смѣшная гордосшь, шо несносная ни-  
зосшь. Въ послѣдствіяхъ спранныши  
си бываютъ для нихъ полезны. Когда  
же начнушь говорить дѣло, шо наво-  
дяють скуку и заснавлиють зѣвать.

Роль Кокетки блистательнѣе, но  
не столь продолжительна и не столь  
выгодна. Роль Журналиста не имѣетъ,  
можетъ быть, столько блеска; но за  
шо избыточнѣе и продолжительнѣе.

Спарѣясь, Журналистѣ приобрѣшаетъ то, чего Кофепка лишается. Субскрибеншы перваго умножающіся болѣе и болѣе, между шемъ какъ вторая шеряещъ мало помалу своихъ поклонниковъ.

М. Шкловъ.

Съ Фр. Гр...скій.

~~~~~

ПЧЕЛА И ОСЕЛЬ.

Басня *)

Трудолюбивую Пчелу

Борей швырнулъ вдругъ на уши къ Ослу;

Осель ужасно испугался:

Вздрогнулъ и длинными ушами замахалъ;

Цошомъ предико закричалъ,

А наконецъ и на дыбы поднялся.

Увидя же, что всей бѣдѣ виной была

Пчела—

“Ахъ! ты негодное созданье!,”

Взревѣлъ ушаспный нашъ герой—

“Да знаешь ли, что за поспупокъ швой

Ты вышерпѣшь должна шакое наказанье,

Какого между насъ еще и не видашь;

*) Это одинъ изъ самыхъ еще первыхъ опышовъ молодаго Баснописца, который подаешь большую о себѣ надежду. Изд.

Тебя колесовашь!

Иль не видала ты, что львами
Украшень мой чепракъ?, —

Тутъ пуще прежняго захопаль онъ ушами
И спаль ругашъ Пчелу обидными словами.

— Да переспань кричашъ, дуракъ!

Пчела Осла увѣщаетъ,

Вѣдь брань глупцамъ ума не прибавляешь;

Припомъ не я виной,

Что ты встревожень мной.

Борей сполкнулъ меня съ шобой!..

И знавъ о гордоспи швоей и глупой злобѣ;

Скажи, какая чесць

На уши длинная мнѣ състь

Къ такой, какъ ты, особъ? —

Вздурился мой Осель опъ сихъ пчелиныхъ
словъ;

‘Возможно ли, кричишь, мизерная пискунья

Такъ смѣешь поносишь Ословъ!...

Вошь я тебя, крылашая болшунья!, —

И съ словомъ симъ онъ шакъ лягнулъ,

Что шупъ и ноги прешянулъ.

— Ну, этого ужъ я никакъ не ожидала!

Вошь мщеніе глупцовъ! — вздохнувъ, Пчела
сказала.

*

Дуракъ почти всегда имѣеть зло въ виду
Себѣ лишь на бѣду.

И. Т.—сб.



Письмо къ Издателю.

Истинная добродѣшель довольствуется однимъ спокойствіемъ совѣсти—это границы ея самолюбія; напрошивъ того благодарности не можешь быть ограничена; время не полагаешь предѣловъ сему благородному стремленію сердца.

Наступила Спρασная недѣля; за ней придетъ и Святая. Не правда ли, всѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, ожидаютъ Свѣтлаго Праздника? И не правда ли, что онъ для всѣхъ одинаковъ? — Богатый встрѣчаетъ его въ великолѣпныхъ черпogaхъ; а бѣдный въ низкой хижинѣ — но оба встрѣчаютъ его съ сердечнымъ восторгомъ.

“Наступила Спρασная недѣля; я хотѣла говѣть; дочери мои также, — рассказывала бѣдная вдова, Ч — а — “но у насъ не было денегъ; всего навсе оспавалось къ Свѣтлому Празднику только рубль шесть гривенъ., — Однакожь Гжа Ч — а постилась; молилась Богу и Богъ услышалъ ея молишвы!

“Представыше — продолжала она — представыте мое удивленіе, когда, приготиваясь встрѣпить праздникъ въ совершенномъ убожествѣ, безъ всякой надежды, и возвращаясь домой отъ обѣдни, я получила изъ рукъ моей дочери пакетъ, адресованный на

мое имя и принесенный, какъ объявила она, мальчикомъ лѣтъ 12. Радость моя была неизъяснима; когда распечатавъ оный, нашла семьдесятъ пять рублей денегъ, при письмѣ, безъ подписи неизвѣснаго мнѣ благошворителя., —

Вошь письмо отъ слова до слова:

Нѣкто, принимая живѣйшее участіе въ вашихъ обстоятельствахъ, осмѣливается предложить вамъ слабое пособіе прилагаемого при семъ суммою и благосклонный пріемъ соотетъ приятною для себя наградою.

И почто! какая награда можетъ быть приятнѣе для человѣка съ доброю душою, какъ не чувство, исполнишь священнѣйшій долгъ природы—удѣлишь бѣдному часпъ своего достоянія? — Трудно угадашь, что думалъ неизвѣстный благошворитель при отсылкѣ сихъ денегъ? — Я полагаю, что—ничего! — Представляя себѣ въ семъ случаѣ радость бѣднаго человѣка, надобно предсавивъ съ шѣмъ вмѣстѣ и собственннй споль благородный поступокъ; а это тяжело для шого, кшо умѣешь цѣнишь достоинство добродѣтели.

Гжа Ч—а, не знаешь, какъ и кому изъявишь свою благодарность, она просила напечатать о семъ въ *Благонравенноиѣ*.

Быть твердо увѣренъ, что вы, М. Г., не откажетесь принять на себя посредни-

чешва въ семъ благородномъ дѣлѣ, долгомъ поспавляю покорнѣйше просить васъ, какъ объ исполненіи просьбы машери бѣднаго сѣмейства, такъ и моей собспвенной; не для того, что бы строки сіи напомнили неизвѣспному благопворителю сдѣланное имъ добро; но для того, чтобы удовлетворить чувспвамъ признапельности и показашь передъ лицомъ Публики рѣдкій примѣръ добродѣтели.

26 Мая 1823.

И. П.

~~~~~

### Благотворенія.

Въ VIII N° сего Журнала на нынѣшній годъ сказано, что Издашель *Благонамбренаго* передъ праздникомъ и на праздникъ Св. Пасхи получилъ отъ неизвѣспныхъ благопворителей для раздачи бѣднымъ 285 р. Вотъ подробный опчешь симъ деньгамъ:

#### Приходъ.

|    |        |     |          |           |       |
|----|--------|-----|----------|-----------|-------|
| 15 | Апрѣля | отъ | А. М. К. | . . . . . | 25 р. |
| 18 | —      | —   | Я. С. Е. | . . . . . | 25 —  |
| 19 | —      | —   | Я. И. Г. | . . . . . | 10 —  |
| —  | —      | —   | Н. С. И. | . . . . . | 15 —  |
| 20 | —      | —   | П. М. Ч. | . . . . . | 25 —  |
| —  | —      | —   | Н. Н.    | . . . . . | 50 —  |



|    |                             |        |
|----|-----------------------------|--------|
| 20 | Апрѣля опъ N.               | 25 р.  |
| —  | — — — — К.                  | 20 —   |
| —  | при записочкѣ со стихами    | 25 —   |
| 21 | опъ Гжи Гл.и чрезъ М. Спрд. | 10 —   |
| 22 | — М. И. З.                  | 10 —   |
| 24 | — Ш.                        | 25 —   |
| —  | — Г. Х.                     | 10 —   |
| —  | — Б. П.                     | 10 —   |
|    |                             | 285 р. |

Сверхъ того разыграна въ лопшерею присланная опъ почпенной Жительницы Васильевского Острова бумажная корзинка со цвѣтами до . . . 100 —

Итого пристра восемьдесятъ пять рублей . . . . . 385 р.

### Расходъ.

|                                                                                 |       |
|---------------------------------------------------------------------------------|-------|
| Уроженцу острова Кандіи бывшему Капитану Греческаго флота Ив. Кардици . . . . . | 40 р. |
| Больной и увѣчной дѣвицѣ Исаковой . . . . .                                     | 25 —  |
| Преспарѣлому чиновнику 9 кл. Моншейну съ больною женою . . . . .                | 15 —  |
| Преспарѣлому и лишенному зрѣнія мѣщанину Андрееву . . . . .                     | 15 —  |
| Несчастному, разбитому параличемъ спарцу Дериглазову . . . . .                  | 15 —  |
| Лишенному ума Купцу Яковлеву . . . . .                                          | 15 —  |

|                                   |       |
|-----------------------------------|-------|
| Сирошамъ С...амъ . . . . .        | 15 р. |
| Сесиръ покойнаго Акшера А. С. Як. | 10—   |

## Вдовамъ:

|                                      |     |
|--------------------------------------|-----|
| З . . . вой . . . . .                | 50— |
| Кон . . . ской . . . . .             | 30— |
| Гринблать . . . . .                  | 25— |
| Б. Фр..дорфъ . . . . .               | 15— |
| Кудлай . . . . .                     | 10— |
| Моландерь . . . . .                  | 10— |
| Жемайловой . . . . .                 | 10— |
| Кузовлевой . . . . .                 | 10— |
| Пешровой . . . . .                   | 5—  |
| Софроновой . . . . .                 | 5—  |
| Пряхиной . . . . .                   | 5—  |
| Худяковой . . . . .                  | 5—  |
| Филашовой . . . . .                  | 5—  |
| На похороны одного бѣднаго чиновника | 50— |

---

Итого . . . 385 р.

Сверхъ того получено 9 Юня при пись-  
мѣ ошъ неизвѣстнаго благошворителе-  
ля изъ С—а для раздачи бѣднымъ.. 50 р.

Изъ нихъ роздано:

## Вдовамъ:

|                                     |       |
|-------------------------------------|-------|
| Булавкиной . . . . .                | 10 р. |
| Софроновой . . . . .                | 5—    |
| Кузовлевой . . . . .                | 5—    |
| Бѣднѣйшему чиновнику Т—ну . . . . . | 5—    |

На погребеніе жены бѣднѣйшаго чинов-  
ника Г—а . . . . . 25 р.

Итого . . . 50 р.

~~~~~

Книжныя извѣстія.

I.

Часть книги: *Объ обращеніи съ людьми*, переведенной изъ сочиненій *Барона Книгге*, новое изданіе, исправленное и дополненное, вышла изъ печати и раздается почтеннымъ Г. г. пренумераншамъ въ книжныхъ лавкахъ Глазунова, Свѣшниковъ, Плавильщикова, Заикина и Слѣнина. Издаватель смѣетъ надѣяться, что книга сія, содержащая въ себѣ правила благодѣшельныя и, можетъ быть, необходимыя для всякаго, желающаго достигнуть истиннаго благополучія въ кругу людей, обратитъ на себя вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, которые не умедлятъ споспѣшествовать скорѣйшему окончанію сего общенациональнаго предпріянія предварительною подпискою. — На всѣ 4 части подписка продолжается въ типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома. Подписная цѣна всѣмъ 4 частямъ 12 руб. Съ пересылкою въ другіе города 15 руб. При подпискѣ выдаются 1 и 2 части, а на остальныя билети. По опечатаніи всей

книги, цѣна сія, по необходимости, должна
будешъ возвыситься.

2.

Издание книги: *Духъ Русской Поэзіи, или
собрание старинныхъ Русскихъ стихотвореній*,
по нѣкоторымъ причинамъ оставлено на не-
опредѣленное время; а потому подписавшіеся
на сію книгу могутъ обратню получать день-
ги изъ пѣхъ книжныхъ лавокъ, изъ копо-
рыхъ выданы имъ билеты.

К. Цертелевъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ XXII ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Гимны, Оды и прот. лирич. стих.

	спран.
Величіе и благость Творца	95.
Пагубное заблужденіе непризнающихъ Бога	95.
Весенній вечеръ	200.

Романсы:

Геній-Хранишель	46.
Ирма	60.

II

стр.

Пловецъ	110.
Гдѣ ты	124.
Неравная участь	352.

Посланія:

Къ Д. М. С.	126.
— В. Н. Гр—ву	211.
Разлука съ друзьями. Элегія	19.

Басни:

Соловей и Щегленокъ	52.
Бишая Собака	—
Дубъ и Хмѣль	125.
Преимущества благъ	360.
Бѣгунъ и Кляча	422.
Пчела и Осель	444.

Сказки:

Богатый и Бѣдный	126.
Мѣлководіе Лешы	541.
Смѣшливый Экономъ	424.

Смѣсь:

Несравненной	61.
Боспонъ	—
Букешъ	159.
Резеда	160.
Въ альбомъ А. Б. Т—вой	123.
———— А. Н. Пожарской	214.

Любовь и Дружба	171.
Выгоды уединенія	285.
Сознаніе	342.
<i>Надписи къ портретамъ</i>	158 и 215.
<i>Эпиграммы</i>	240 и 555.

Проза.

Повѣсти и Анекдоты:

Подозрѣніе	22.
Саконшала	81.
Черный бархашный капоть	172.
Селико	396.
Ежели	426.

Разныя сочиненія и отрывки:

О романахъ. <i>Разговоръ</i>	3.
Прищичи Круммахера	49 и 161.
Non plus ultra. Письмо къ Г.г. собира- телямъ Липперштурной Кунсткамеры..	53.
О вліяніи времени на человѣка и поль- за зимы	88.
О переводахъ	97.
Хорошіе стихи	112.
Записки Москвича	129 и 295.
Грозный приговоръ	141.
Всякому свое	202.
Объявленіе ошъ будущиxъ издательей <i>Литтературнаго Календаря</i>	208.

Карль XII и Суворовъ	329.
Походъ въ Петергофъ	354.
Письмо изъ Р. къ приятелю въ Москву	376.
Панорама Полоцка	438.
Журналистъ и Кокепка	442.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ объ Идилліи	254.
О Нравственно-Философическихъ Одахъ Державина	300.
О школахъ живописи	544.
О вѣрномъ средствѣ къ излѣченію ча- хошки	585.

III. КРИТИКА И АНТИКРИТИКА.

Замѣчанія на сочиненіе, изданное подъ заглавіемъ: <i>Хронологическое обозрѣніе достопамятнѣйшихъ происшествій, про- славившихся людей и важнѣйшихъ от- крытій и изобрѣтеній отъ начала міра до окончанія Веронскаго Конгрес- са</i>	216 и 241.
Разборъ перевода Корнелевой Трагедіи: <i>Сидъ</i>	313.
Аншикришика на сшашью: <i>о переводахъ</i> .	225.
Вмѣсто предисловія, или вмѣсто ошвѣща на кришики IX и X N ^o	373.
Замѣчанія на нѣкошорыя сшашьи журна- ловъ, и ш. п.	62, 254 и 289.

IV. СМѢСЬ.

Лишпературныя новости	220.
Письмо изъ Кяхты	224.
Анекдоты	361.
Арабскія мысли	367.
Статьи изъ Талмуда и Мидраша . . .	369.
Достопримѣчательная надгробная над- пись	371.
Книжныя извѣстія	63 и 451.
Извѣстія о бѣдныхъ сѣмействахъ . .	70 и 73.
Благошворенія	69, 155 и 448.
Переписка съ Издашедемъ <i>Благонаимѣрен-</i> <i>наго</i>	77 и 154.
Отъ Издашеля	74.
